

МЕЖГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра философии и религиоведения
имени академика А.Ч. Какеева

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ФИЛОСОФИИ

Сборник научных статей

Выпуск XII

Бишкек 2025

УДК 1/14
ББК 87
О 28

Рецензенты:

А.К. Бектанова, д-р филос. наук, профессор Кыргызско-Российского
Славянского университета им. Б.Н. Ельцина,
Ф.К. Урузбакиева, канд. филос. наук, доцент Научно-исследовательского универ-
ситета «Кыргызский экономический университет
им. М. Рыскулбекова»

Редакционная коллегия:

А.Х. Бугазов, д-р филос. наук, профессор, руководитель
редакционной коллегии;
Ф.Д. Хайбулина, канд. филос. наук, доцент, ответственный редактор;
А.А. Азимжанова, канд. филос. наук, доцент, член редколлегии;
И.Е. Лукьященко, канд. филос. наук, доцент, член редколлегии;
Ю.В. Ли, канд. полит. наук, доцент, член редколлегии;
Н.Э. Эшимбекова, канд. филос. наук, доцент, член редколлегии.

Рекомендовано к изданию Ученым советом
гуманитарного факультета Кыргызско-Российского
Славянского университета им. Б.Н. Ельцина

О 28 ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ФИЛОСОФИИ:
сб. научных статей. Выпуск XII. – Бишкек: Издательский дом КРСУ,
2025. – 214 с.

ISBN 978-9967-36-090-7

Сборник представляет собой двенадцатый выпуск из серии под названием «Общечеловеческое и национальное в философии». В основе данного сборника лежат работы преподавателей, магистрантов и студентов-бакалавров кафедры философии и религиоведения, а также тезисы выступлений участников ежегодной межвузовской студенческой научной конференции, ежегодно проводимой в КРСУ.

Материалы, содержащиеся в сборнике, следуя его тематике, отражают широкий спектр исследований – от социально-философских, социально-экономических и историко-философских проблем современного общества до конкретных вопросов этики, языка и культуры, в контексте соотношения национального и общечеловеческого.

Сборник представляет интерес для специалистов в социально-гуманитарной сфере, преподавателей, докторантов и аспирантов, магистрантов, всех, кого интересуют актуальные философские проблемы современного общества.

УДК 1/14
ББК 87

ISBN 978-9967-36-090-7

© МОО ВО КРСУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Азимжанова А.А., Бейшенбекова Э.Э.</i> Проблема личности в философии: взгляд Иммануила Канта.....	5
<i>Азимжанова А.А., Донцова А.А.</i> Фридрих Ницше и его философия Сверхчеловека	8
<i>Азимжанова А.А., Моше Э.В.</i> Философия, религия, наука: противостояние или сотрудничество?	11
<i>Азимжанова А.А., Халилова К.И.</i> Историко-философское исследование проблемы личности.....	19
<i>Алманбетова А.А.</i> Проблема справедливости: философские теории и их реализация в политике.....	24
<i>Арсарова А.А.</i> Женщины как агенты изменений в национальных и общечеловеческих контекстах	35
<i>Асаналиева Т.</i> Технологии и гражданская активность: влияние цифровых платформ на продвижение демократии в Кыргызстане.....	42
<i>Бабаева Ш.Т.</i> Некоторые аспекты психологии войны	47
<i>Бадинова Д.Н.</i> Трансплантация органов и религия: этико-медицинские аспекты.....	55
<i>Бугазов А.Х., Барков В.</i> Сциентистский миф и его актуальное значение	61
<i>Бугазов А.Х., Лукьященко И. Е.</i> Этноцентризм и социальные стереотипы.....	65
<i>Зайков И.А., Сатыбалдиева Р.А.</i> Критическое мышление в эпоху цифровых технологий: тенденции и факторы снижения у современного поколения.....	72
<i>Инаркиев Р.Ч., Ли Ю.В.</i> Патриотизм Z-поколения: ценности, вызовы и память о Великой Отечественной войне.....	79
<i>Инаркиев Р.Ч., Ли Ю.В.</i> Тенденции развития многополярного мира и геополитическое соперничество	86
<i>Иманалиева А.К.</i> Политическое управление как фактор регулирования общественных отношений.....	93

Крюкова Е.П. Тенденции и перспективы брендинга территории в России.....	101
Лукьященко И.Е. О проблеме ценностей в философии Ф. Ницше	110
Лукьященко И.Е., Абдимажитова А. О проблеме личности в философии постмодерна	119
Лукьященко И.Е., Алымкулов А. Проблема взаимоотношений в медицине постмодерна	126
Нурбекова А.Н. Цифровое образование в Кыргызстане и внедрение цифровых платформ	134
Осмонова Н.И., Сулейманова С.М. Вещь как носитель социальной и культурной памяти в контексте современной культуры.....	138
Пак Н., Бугазов А.Х. Исторические предпосылки социокультурной динамики в странах Ближнего Востока.....	148
Пономарева Е. Нейромаркетинг в политическом процессе: инструмент оптимизации или угроза демократическим ценностям?	158
Садырбаев Т.А. Искусственный интеллект как оружие пропаганды	168
Фрунзеева Ж.Н. Социально-философские аспекты управления сознанием в информационном обществе	174
Хайбулина Ф.Д., Кенджетаева А.К. Сущностное определение имиджа государства.....	184
Хайбулина Ф.Д., Сулайманова Э. А. Влияние средств массовой информации на имидж политического лидера	190
Эсенаманова Э.Э. Государственное управление муниципальных служб Российской Федерации и Кыргызской Республики: сравнительный анализ	194
Эшимбекова Н.С. Вклад колхозного крестьянства Киргизской ССР в Великую Победу	200
Юсупова А. Искусственный интеллект и будущее человека	209

А.А. Азимжанова, Э.Э. Бейшенбекова

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ: ВЗГЛЯД ИММАНУИЛА КАНТА

Великий немецкий философ Иммануил Кант оказал огромное влияние на философию, предложив глубокое и системное осмысление проблемы личности. Его подход основывается на идее автономии человека, что означает способность личности действовать свободно, руководствуясь моральным законом, заложенным внутри неё. В современных условиях, когда личность сталкивается с вызовами глобализации и технологического прогресса, кантовские идеи остаются актуальными, подчеркивая значение свободы, ответственности и человеческого достоинства.

Кант определял личность через понятие автономии. По его мнению, личность – это разумное существо, способное самостоятельно устанавливать законы своей воли и действовать в соответствии с ними. В «Основах метафизики нравственности» он утверждал: «Автономия воли – это свойство воли быть для себя самым высшим законом» [1, с. 5]. Кант считал, что личность обладает внутренней ценностью, которая не зависит от внешних факторов. Это находит выражение в его категорическом императиве, а именно в формуле: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [2, с. 260].

Эта идея подчеркивает уникальность и ценность каждой личности, которая не может быть инструментализирована или подчинена внешним целям.

Свобода, по Канту, является основой личности. Однако она не является абсолютной, а ограничена моральным законом. Личность, согласно Канту, должна действовать в соответствии с долгом, который диктуется разумом. Это отличает моральную свободу от произвольной воли.

Кант делает важное различие между личностью и человеческой природой. Если человеческая природа связана с желаниями и чувственными склонностями, то личность – это духовное начало, которое подчиняется только моральным принципам.

Личность у Канта связана с понятием ответственности. Как автономное существо, человек несёт ответственность за свои поступки перед самим собой и обществом. Ответственность исходит из осознания долга и морального закона, а не из внешних предписаний.

Кант вводит понятие человеческого достоинства как непреходящей ценности. Он утверждает, что достоинство не подлежит количественному измерению, так как оно базируется на моральной автономии [3, с. 60].

Кантовское понимание свободы отличается от традиционного. Свобода заключается не в способности делать всё, что угодно, а в способности следовать универсальным моральным принципам.

Сегодня личность можно рассматривать как автономного субъекта, обладающего свободой выбора и способностью к саморефлексии.

Автономия в современном мире становится скорее достижением, требующим осознанных усилий по развитию критического мышления, чем изначальным качеством личности. Таким образом, личность в современном мире представляет собой баланс между внутренней автономией и зависимостью от внешних обстоятельств. Современные моральные принципы являются отражением изменившихся социальных условий, глобализации и технологического прогресса. Среди ключевых ценностей можно выделить:

1. *Толерантность*: уважение к различным культурам, взглядам, традициям стало неотъемлемым элементом современной морали.
2. *Права человека*: идея равенства, свободы и справедливости по-прежнему является базисом морали, хотя её реализация часто сталкивается с трудностями.
3. *Индивидуализм*: акцент на личные цели и самореализацию остаётся сильным, хотя сопровождается вопросами о границах эгоизма.

4. *Социальная справедливость*: современная мораль акцентирует внимание на борьбе с дискриминацией, неравенством и социальным угнетением.
5. *Цифровая этика*: вопросы конфиденциальности, манипуляции данными и информационной безопасности занимают важное место.

Современный человек остаётся автономным субъектом лишь в той мере, в какой он способен критически оценивать влияние внешних факторов и находить баланс между индивидуальными и общественными интересами.

Моральные принципы продолжают развиваться, адаптируясь к вызовам глобализации и цифровизации, что требует от личности осознанного подхода к своим поступкам и их последствиям, решения и нести ответственность за свои поступки. Однако в современном мире мы видим, что автономия личности сталкивается с рядом новых вызовов. Современные технологии, особенно интернет и социальные медиа, создают пространство, где медийные тренды, маркетинговые стратегии или политические установки, могут оказывать значительное влияние на формирование идентичности и принятие решений. Это давление внешних факторов может ограничивать свободу личности и превращать её в неосознанного субъекта, подчиненного стереотипам и коллективным ожиданиям. При этом важно понимать, что даже в таких условиях можно сохранить автономию, если человек осознает эти факторы и активно работает над развитием своей критической независимости. Философия личности всегда была связана с противоречиями между индивидуализмом и социализмом, свободой и ответственностью. В своём исследовании мы пришли к выводу, что личность сегодня всё чаще пытается найти баланс между этими полярными принципами. Это приводит к созданию нового типа личности, которая, с одной стороны, остаётся автономной и независимой, а с другой – активно взаимодействует с обществом и меняет его. Это сочетание автономности и социальной ответственности можно рассматривать как новый этап в развитии концепции личности.

В настоящее время важнейшим аспектом является способность личности осознавать свою независимость и активно её отстаивать, но также быть открытой к внешним влияниям и использовать их для собственного развития.

Философия Иммануила Канта предлагает глубокое осмысление проблемы личности. Его концепция автономии, свободы и морального закона подчёркивает уникальность каждого человека как существа, способного к рациональному самоуправлению и действию в соответствии с моральными принципами.

Кантовский подход остаётся актуальным, особенно в условиях современного кризиса идентичности и роста этических вызовов. Его идеи могут быть основой для формирования этически ориентированного взгляда на личность, основанного на достоинстве, свободе и ответственности.

Литература

1. *Кант И.* Основы метафизики нравственности / И. Кант [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://anna-ganzha.narod.ru/kant_omn_fr.pdf (дата обращения: 07.05.2025).
2. *Кант И.* Основы метафизики нравственности / И. Кант // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – 544 с.
3. *Кант И.* Критика практического разума / И. Кант [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://iakovlev.org/zip/kant2.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).

А.А. Азимжанова, А.А. Донцова

ФРИДРИХ НИЦШЕ И ЕГО ФИЛОСОФИЯ СВЕРХЧЕЛОВЕКА

Фридрих Ницше – выдающийся немецкий философ, чья работа радикально изменила понимание морали, ценностей и человеческой природы. Сын протестантского пастора, Ницше с юных лет демонстрировал выдающиеся интеллектуальные способности. Его учение стало реакцией на социальные, религиозные и культурные

нормы XIX века, которые он считал устаревшими и ограничивающими развитие личности [1].

В своих ранних работах Ницше испытал влияние Артура Шопенгауэра и античной философии, однако позже его идеи приобрели уникальный характер. Центральным для его философии стало утверждение о «смерти Бога» – метафоре, обозначающей крах традиционных моральных норм и религиозных авторитетов [2, с. 45].

Ницше предложил концепцию сверхчеловека – идеала, который должен прийти на смену морально обусловленному человеку. Сверхчеловек, по его мнению, является самостоятельным творцом ценностей, свободным от влияния догм и общественных предписаний [3].

Три стадии эволюции человека.

Ницше описывает путь становления сверхчеловека через три стадии, представленные в аллегорической форме [2]:

1. Верблюд – символ подчинения традиционным нормам и готовности нести бремя обязательств.
2. Лев – символ освобождения от внешних ограничений, бунта против авторитетов и создания условий для свободы.
3. Ребенок – символ творчества, спонтанности и способности к созданию новых ценностей.

Каждая стадия представляет этап внутренней трансформации, необходимой для достижения состояния сверхчеловека.

Произведение «Так говорил Заратустра» стало центральным текстом, в котором Ницше излагает свою философию. Через вымышленного пророка Заратустру философ представляет основные идеи о сверхчеловеке, воле к власти и вечном возвращении.

Идея вечного возвращения подразумевает, что события в жизни повторяются бесконечно. Ницше задает важный вопрос: как должен жить человек, если каждое его действие будет повторяться снова и снова? Этот принцип акцентирует внимание на необходимости принятия ответственности за свою жизнь и поступки [4, с. 53]. Образ Заратустры отражает самого Ницше: это мудрец, который, несмотря на сопротивление общества, остается верен своим идеалам и продолжает искать смысл жизни в условиях «смерти Бога»

[2, с. 50]. Ницше отвергает устаревшие моральные нормы, рассматривая их как ограничивающие человеческую свободу и творческий потенциал. Он утверждает, что современное общество нуждается в новых ценностях, которые смогут вдохновлять людей на самосовершенствование и развитие [1, с. 300].

Философия Фридриха Ницше представляет собой вызов традиционным представлениям о морали и человеческой природе. Его концепция сверхчеловека и идея творчества как основы для новой морали остаются актуальными и сегодня. В произведении «Так говорил Заратустра» Ницше демонстрирует, что путь к сверхчеловеку требует глубоких внутренних изменений и отказа от внешних авторитетов.

Таким образом, философия Фридриха Ницше представляет собой радикальное переосмысление традиционных моральных систем, выступая за создание новых ценностей, основанных на индивидуальной свободе и творческом самовыражении. Концепции «смерти Бога», сверхчеловека, воли к власти и вечного возвращения формируют сложную, но целостную картину человеческой эволюции, в которой отказ от догматических установлений и принятие личной ответственности играют ключевую роль. Идеи Ницше побуждают к глубокому самопознанию и пересмотру базовых принципов, определяющих человеческое существование. Его философское наследие сохраняет свою актуальность, предлагая ориентиры для поиска смыслов и построения новой этической парадигмы, отвечающей вызовам современности.

Литература

1. *Цендровский О.Ю.* Система философии Ницше / О.Ю. Цендровский // Философия и культура. – 2015. – № 7. – С. 997–1007.
2. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Ф. Ницше [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt> (дата обращения: 29.09.2024).
3. *Знаменский С.П.* «Сверхчеловек» Ницше / Русский Христианский гуманитарный институт / С.П. Знаменский [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/look/century/znamenski/> (дата обращения: 07.05.2025).

4. *Хоружий С.С.* Ницше и Соловьев в кризисе европейского человека / С.С. Хоружий // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 52–69.

А.А. Азимжанова, Э.В. Моше

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, НАУКА: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО?

Философия – это дисциплина, занимающаяся фундаментальными вопросами бытия, познания, морали, эстетики и логики. Она стремится к систематическому и критическому осмыслению основных принципов и законов, управляющих миром и человеческой жизнью. Философия исследует абстрактные понятия и общие принципы, стремясь к глубинному пониманию реальности и места человека в ней. Философия есть особая форма мыслительной деятельности человека, направленная на всеобъемлющее рациональное осмысление мира и бытия человека в нём. Под философией также понимают исторически развивающуюся совокупность результатов этой деятельности и систему теоретических положений, в рамках которой она осуществляется [1].

Религия – это система верований, обрядов и нравственных норм, основанная на вере в сверхъестественные силы или божества. Религия отвечает на экзистенциальные вопросы о смысле жизни, происхождении мира и судьбе человека после смерти, а также регулирует общественные и личные нормы поведения. Религиозные системы часто включают в себя священные тексты, традиции и ритуалы, которые формируют духовную и моральную основу общества [2].

Наука – это организованная система знаний, полученных посредством наблюдений, экспериментов и рационального анализа. Научный метод основывается на эмпирических данных и проверяемых гипотезах, направленных на объяснение природных явлений и разработку технологий. Наука стремится к объективному

и систематическому пониманию мира, используя математические и логические методы для описания и предсказания природных процессов [3, с. 320].

Философия, религия и наука представляют собой три ключевых системы знаний, каждая из которых обладает своими уникальными методами и целями. Философия стремится к глубокому пониманию основ бытия и мышления, исследуя абстрактные понятия и общие принципы, управляющие реальностью. Религия направлена на духовное познание и нравственное руководство, предоставляя ответы на экзистенциальные вопросы через веру и обряды. Наука ориентирована на эмпирическое исследование и технологический прогресс, используя наблюдения и эксперименты для объяснения природных явлений.

Несмотря на различия, эти три сферы пересекаются в своем стремлении к пониманию мира и места человека в нем. Философия может служить основой как для научных, так и религиозных систем, предоставляя инструменты для критического анализа и рационального осмысления. Религия и наука, хотя и различаются по методологиям, иногда взаимно обогащают друг друга, предлагая как духовные, так и эмпирические объяснения реальности.

Философия берет свое начало в Древней Греции, где мыслители, такие как Платон и Аристотель, заложили основы западной философской традиции. Платон ввел концепцию идеальных форм, стремясь объяснить сущность вещей, тогда как Аристотель разработал систематическую логику и научные методы исследования природы. В Средние века философия тесно взаимодействовала с религией, особенно с христианской теологией, где философы, такие как Фома Аквинский, пытались синтезировать веру и разум.

Религия имеет древние корни и разнообразие проявлений, от монотеистических систем, таких как христианство, ислам и иудаизм, до политеистических и анимистических верований, сформировавшихся в различных культурах мира. Религиозные системы развивались вместе с человеческими обществами, адаптируясь к социальным и культурным изменениям. В истории религия играла ключевую роль в формировании моральных и этических норм,

а также в объединении сообществ вокруг общих верований и обрядов.

Наука начала формироваться как систематическая область знаний в эпоху Возрождения и Нового времени, когда произошли значительные прорывы в области естественных наук благодаря таким фигурам, как Галилео Галилей и Исаак Ньютон. Научная революция XVIII и XIX веков привела к развитию современного научного метода, основанного на наблюдениях, экспериментах и математическом анализе. В XX веке наука достигла новых высот с появлением квантовой физики, теории относительности и биотехнологий, что существенно изменило представления о мире и месте человека в нем.

Несмотря на различия в методах и целях, философию, религию и науку объединяет стремление к познанию истины и объяснению мира. Все три системы пытаются дать ответы на фундаментальные вопросы о природе реальности, месте человека в ней и принципах, управляющих существованием. В этом контексте они могут рассматриваться как взаимодополняющие способы человеческого понимания мира.

Философия задает общие вопросы и создает концептуальные рамки для анализа, религия предлагает духовные и моральные ответы, а наука предоставляет эмпирические данные и объяснения. Вместе они способствуют более полному и многогранному пониманию реальности, позволяя человеку осмысливать свое существование и взаимодействие с окружающим миром.

Философия часто рассматривается как предшественник как науки, так и религии. В Древней Греции философы, такие как Аристотель, заложили основы научного метода, стремясь систематизировать знания о природе через наблюдение и логический анализ. Аристотель разработал классификацию живых организмов и описал основы физики и метафизики, что оказало значительное влияние на развитие научных дисциплин.

В то же время философские системы, такие как неоплатонизм и схоластика, интегрировали религиозные идеи в рациональное мировоззрение. Фома Аквинский, например, использовал

философские методы для обоснования христианских догматов, создавая синтез веры и разума. Этот подход демонстрирует тесную связь между философией и религией, где философия служит инструментом для рационального осмысления религиозных верований.

Этические и моральные вопросы занимают центральное место как в философии, так и в религии. Оба направления стремятся определить принципы правильного и неправильного поведения, справедливости и добра. Философы, такие как Кант и Аристотель, разработали сложные этические системы, которые часто пересекаются с религиозными моральными учениями.

Кант в своей работе «Критика практического разума» [4] предложил категориальный императив, который гласит, что человек должен действовать только согласно тем максима́м, которые он может желать видеть всеобщими законами. Эта концепция перекликается с религиозными заповедями, такими как «возлюби ближнего своего, как самого себя», которые подчеркивают универсальность моральных норм.

Религия, в свою очередь, предлагает нравственные нормы и законы, которые часто считаются божественными предписаниями. Например, христианство учит о десяти заповедях, которые регулируют поведение верующих, а исламская шариатская система включает в себя моральные и юридические нормы, основанные на Коране и хадисах. Эти религиозные моральные системы обеспечивают основу для этического поведения и социальной гармонии.

Философия оказывает значительное влияние как на науку, так и на религию. В философии науки Карл Поппер предложил критерий фальсифицируемости для научных теорий, что стало важным вкладом в методологию научного исследования. Поппер утверждал, что научные теории должны быть проверяемыми и опровержимыми, что способствует развитию критического мышления и научной объективности [5, с. 41].

В религиозной мысли философы, такие как Фома Аквинский, использовали рациональные аргументы для обоснования вероучений. Аквинский в «Пяти путях» пытался доказать существование

Бога через логические аргументы, такие как космологический и телеологический аргументы. Этот подход демонстрирует, как философия может служить мостом между верой и разумом, предлагая рациональные основания для религиозных убеждений.

Кроме того, философия играет важную роль в формировании этических и моральных норм, которые влияют на научные исследования и религиозные практики. Например, биоэтика как междисциплинарная область объединяет философские принципы, религиозные убеждения и научные знания для решения моральных вопросов, связанных с медициной и биотехнологиями.

Все три системы знаний поднимают схожие вопросы, такие как существование Бога, природа мира и человека, а также смысл жизни. Эти вопросы служат основой для глубоких дискуссий и поисков ответов, которые могут пересекаться или противоречить друг другу, в зависимости от подхода и предпосылок каждой системы.

Существование Бога — это вопрос, который обсуждается как в философии, так и в религии. Философы, такие как Декарт и Спиноза, пытались рационально доказать существование Бога, тогда как религия основывается на вере и откровении. Наука, в свою очередь, как правило, не занимается вопросами о существовании Бога, так как они выходят за пределы эмпирически проверяемых гипотез.

Природа мира и человека. В данном вопросе философия стремится к пониманию сущности бытия и сознания, религия объясняет это через божественное творение и духовные начала, а наука исследует физические и биологические аспекты через наблюдение и эксперимент. Например, вопрос о происхождении жизни рассматривается с различных точек зрения: философия обсуждает метафизические аспекты, религия предлагает креационистские теории, а наука развивает теории эволюции и биохимии.

Смысл жизни — это экзистенциальный вопрос, который философия, религия и наука пытаются осмыслить по-разному. Философы, такие как Виктор Франкл, исследуют смысл жизни через призму человеческого опыта и духовного поиска. Религия предлагает ответы, основанные на вере и духовных практиках, в то время

как наука, хотя и не дает прямых ответов на этот вопрос, способствует пониманию биологических и психологических аспектов человеческого существования.

Философия стремится к поиску смыслов, причин и основ бытия, познания и нравственности. Она исследует абстрактные и фундаментальные вопросы, такие как природа реальности, сознания, морали и эстетики. Философские исследования могут не иметь конкретных практических приложений, но они способствуют развитию критического мышления и глубокого понимания мира.

Наука направлена на изучение природных законов, разработку технологий и применение знаний для улучшения качества жизни. Она фокусируется на конкретных и измеримых явлениях, таких как физические процессы, биологические системы и химические реакции. Научные исследования имеют практические приложения в медицине, инженерии, информационных технологиях и других областях, способствуя прогрессу и инновациям.

Религия занимается объяснением сверхъестественного, вопросов веры и духовного смысла жизни. Она предлагает нравственные нормы и ритуалы, направленные на духовное развитие и спасение. Религиозные системы часто сосредоточены на личном и коллективном духовном опыте, а также на установлении моральных и этических норм для общества.

Реалистический (рациональный) подход философии и науки основан на логике, доказательствах и объективности. Они стремятся к объективному пониманию мира через систематическое исследование и рациональное осмысление. Томас Кун в своей работе подчеркнул, что научные революции происходят через смену парадигм, что отражает рациональный и логический подход к пониманию мира [6, с. 14].

Мистический (сверхъестественный) подход религии включает веру в божественные силы, откровения и духовные истины, которые не поддаются эмпирической проверке. Религия предлагает мистические и символические объяснения мира, которые основаны на вере и духовных переживаниях. Это отличие от научного и философского подходов, которые стремятся к объективности и проверяемости знаний.

В современном мире отношения между философией, религией и наукой часто характеризуются как конфликтные, особенно в вопросах, касающихся происхождения жизни, морали и этики. Например, дебаты вокруг теории эволюции и религиозных представлений о создании человека свидетельствуют о противоречиях между наукой и религией. Однако существует также значимый диалог и сотрудничество между этими системами знаний.

Философия может служить платформой для обсуждения и разрешения конфликтов, помогая интегрировать научные открытия с религиозными и этическими ценностями. Иммануил Кант утверждал, что разум и мораль могут сосуществовать, несмотря на различия в их методологиях [4, с. 256]. Современные философы продолжают искать пути синтеза между научными и религиозными взглядами, подчеркивая важность междисциплинарного диалога.

Одним из примеров сотрудничества является биоэтика, где научные достижения пересекаются с моральными и этическими вопросами, требующими философского осмысления и религиозных оценок. Биоэтические вопросы, такие как клонирование, генетическая модификация и эвтаназия, требуют комплексного подхода, который учитывает как научные возможности, так и моральные и религиозные ценности.

Теология и философия науки также демонстрируют, как религиозные учения могут взаимодействовать с научными теориями, создавая синтез знаний. Например, Пьер Тейяр де Шарден в своем труде «Феномен человека» [7, с. 54] интегрировал идеи эволюции и теологического понимания человека как уникального существа, обладающего духовным и физическим измерениями.

Биоэтика является еще одним примером, где философия, религия и наука взаимодействуют для решения современных моральных проблем. Вопросы, связанные с клонированием, генетической инженерией и медицинской этикой, требуют междисциплинарного подхода, объединяющего научные знания, философские размышления и религиозные ценности.

Философия, религия и наука представляют собой три взаимосвязанные, но отличающиеся системы знаний. Они объединены

стремлением к пониманию мира и места человека в нем, однако различаются методологиями, целями и подходами к познанию. Философия служит связующим звеном между религией и наукой, предоставляя инструменты для критического анализа и интеграции различных аспектов знания.

Каждая из этих систем играет важную роль в формировании мировоззрения современного человека. Философия способствует развитию критического мышления и способности к рефлексии, религия обеспечивает духовную поддержку и моральные ориентиры, а наука предоставляет практические решения и технологические инновации, улучшающие качество жизни. Взаимодействие этих систем способствует всестороннему развитию личности и общества, позволяя людям находить баланс между рациональным и духовным, материальным и идеальным.

В условиях глобальных вызовов, таких как изменение климата, биотехнологии и социальные изменения, диалог между философией, религией и наукой становится необходимым для поиска комплексных и устойчивых решений. Взаимное уважение и понимание методологических различий могут способствовать гармоничному сосуществованию и совместному прогрессу этих систем знаний. Современные проблемы требуют междисциплинарного подхода, который объединяет научные исследования, философские размышления и религиозные ценности для создания комплексных стратегий и политик.

Литература

1. Стёпин В.С. Концепты философского дискурса / В.С. Стёпин, Э.Г. Юдин, В.О. Бернштейн, В.А. Эдельман [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/6862> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.sravni.ru/ege-oge/info/obshchestvoznanie-religiya/> (дата обращения: 30.09.2024).
3. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. – М.: Полиграфресурсы, 1999. – 791 с.

4. *Кант И.* Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Академический проект, 2005. – 567 с.
5. *Поппер К.* Логика научного исследования / К. Поппер. – М.: Наука, 1988. – 447 с.
6. *Кун Т.* Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Научный мир, 2007. – 146 с.
7. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М.: АСТ, 2010. – 143 с.

А.А. Азимжанова, К.И. Халилова

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ

Личность занимает центральное место в философском дискурсе, пересекаясь с такими фундаментальными проблемами, как самосознание, свобода, мораль и идентичность. Каждая эпоха вносила свой вклад в формирование понимания личности, акцентируя внимание на различных аспектах её сущности. В современных условиях, характеризующихся быстрыми социальными и культурными изменениями, вопросы самопознания, внутренней гармонии и идентичности приобретают особое значение.

Античная философия заложила основы изучения личности через категории самопознания, добродетели и внутренней свободы. Сократ, согласно Платону, утверждал, что «непроверенная жизнь не стоит того, чтобы её проживать» [1, с. 83], акцентируя важность самопознания как основы становления личности. В диалогах Платона также обсуждается идея души как трёхчастного начала, включающего разум, аффекты и волю, что впоследствии повлияло на последующую философскую традицию.

В античной философии проблема личности рассматривалась в контексте природно-космической жизни, где человек осмысливался как часть природы, обладающая свойствами макрокосма в уменьшенном масштабе. Теория микрокосма и макрокосма объясняла

место человека во Вселенной, представляя его как отражение космоса, а космос – как антропоморфное целое. Согласно этой концепции, человек понимался как «малый мир», структура которого соответствует гармоничной и упорядоченной структуре Вселенной. Учение о гармонии между космосом и душой берет начало в пифагореизме. Хотя Пифагор и не использовал терминологию микрокосма и макрокосма, его учение о числовой гармонии содержит зачатки этой концепции. Полное развитие идеи микрокосма и макрокосма принадлежит Платону. В диалоге «Тимей» он описывает, как структура человека параллельна структуре Вселенной, поскольку оба имеют общее происхождение: «Космос – первообраз, а человек – подражание» [1, с. 95]. Согласно Платону, Вселенная – это разумный и упорядоченный организм, что обосновывает симметрию между телом и душой.

Плотин, развивая идеи Платона, привнес в концепцию микрокосма и макрокосма мистические элементы. В его философии душа, тело и космос связаны через мировую душу, которая является проявлением высшего Единого. В отличие от Платона, который описывал космос как произведение демиурга, Плотин интерпретировал его как эманацию Единого, что подчеркивает связь между материальным и духовным мирами [2, с. 200].

Противоположную позицию занимал Сократ, сосредоточивший внимание на нравственном самопознании и совершенствовании души. Его философия акцентировала значимость внутреннего мира человека, который осознает себя через поиски добра и истины. «Познай самого себя» – центральный принцип его учения, который подчеркивает необходимость осмысленного выбора и нравственного самосовершенствования. В отличие от космической гармонии, Сократ сосредоточился на личной ответственности и развитии человека как члена общества.

Таким образом, античная философия заложила две ключевые линии осмысления личности: космическую, которая видит человека частью макрокосма, и этическую, которая акцентирует внимание на его самопознании и нравственном совершенствовании.

Средневековая философия дополнила античные представления, связывая личность с божественным замыслом. Августин Блаженный в «Исповеди» описывает личность как внутреннее саморефлективное существо, утверждая: «Не было бы для меня ничего, если бы я не существовал. Но мое существование – это ничто без Тебя, Господи» [3, с. 12]. Для Августина человек обретает свою истинную природу только через соединение с Богом. Эта идея была углублена Фомой Аквинским, который в «Сумме теологии» определяет личность как носителя разумной души, способного к осознанному выбору, но призванного следовать божественному закону: «Человек, обладая свободой воли, всегда должен стремиться к высшему благу – Богу» [4, с. 98].

Философия средневековья трактовала личность как уникальное единство тела и души, созданное по образу и подобию Бога. Фома Аквинский определял личность как «индивидуальную субстанцию разумной природы», где душа выполняет роль формы тела, определяя его сущность. Человек, согласно его учению, – это целостное существо, где материальная и духовная природа неразрывно связаны: «Одна субстанция, состоящая из двух природ: духовной и телесной» [4, с. 85].

Фома подчеркивал богоподобие человека через его способность к разуму, свободной воле и любви. Свобода воли для него – основа человеческой ответственности, позволяющая человеку сознательно стремиться к добру и истине: «Свобода воли не может быть разрушена ни необходимостью внешних условий, ни божественным предопределением» [4, с. 150]. Таким образом, свобода человека выражается в способности выбирать добро, что делает его ответственным за свои поступки.

Августин Блаженный сосредоточил внимание на внутреннем опыте личности. Он утверждал, что человек находит свое предназначение через связь с Богом: «Ты создал нас для Себя, и беспокойно сердце наше, пока не успокоится в Тебе» [3, с. 244]. Для Августина свобода воли – ключ к самопознанию и нравственному выбору, но она же делает человека уязвимым перед злом. Зло, по его мнению, – это не самостоятельная сущность, а отсутствие добра, вызванное

отвращением воли от высшего блага. Следовательно, средневековая философия интерпретировала личность как единство телесного и духовного, ориентированное на божественное предназначение. Августин делал акцент на внутреннем опыте и свободе воли, тогда как Фома подчеркивал гармонию между верой и разумом, видя личность как существо, призванное к добродетели.

Философия Нового времени привнесла новые подходы к осмыслению личности, акцентируя её автономность и самосознание. Рене Декарт утверждал, что личность – это мыслящая субстанция (*res cogitans*), независимая от материального тела (*res extensa*). Дуализм души и тела является центральным элементом его учения. Декарт считал, что взаимодействие между этими субстанциями происходит через шишковидную железу, обеспечивая единство организма. Однако приоритет отдавался духовной субстанции, так как именно через мышление личность обретает свое «я»: «Мыслю, следовательно, существую» [5, с. 48]. Основой личности для Декарта является способность к рациональному мышлению. Он утверждал, что сомнение и способность подвергать всё критическому анализу – это источник самопознания и личностного роста. Свобода воли, по Декарту, определяет нравственную ответственность личности: «Свобода состоит в том, чтобы следовать разуму и воздерживаться от заблуждений» [5, с. 72]. Таким образом, Декарт осмыслял личность как автономную и самосознающую субстанцию, чья сущность раскрывается через мышление и рациональный анализ. Дуализм духовного и материального начал, хотя и порождал вопросы о взаимодействии души и тела, подчеркивал приоритет духовного начала, через которое личность достигает автономности и целостности.

Эволюция философских представлений о личности отражает постепенный переход от космической гармонии античности, где человек воспринимался как часть упорядоченного макрокосма, к средневековому акценту на божественном предназначении личности и её внутренней связи с Богом. В философии Нового времени происходит переосмысление личности как автономной, самосознающей и рациональной сущности, что подчеркивает её способность

к самостоятельному выбору и самопознанию [6]. Таким образом, развитие философии демонстрирует углубление осмысления внутреннего мира человека и его места во Вселенной.

Философия Нового времени акцентировала внимание на автономии и самосознании. Рене Декарт, в Размышлениях о первой философии, провозгласил: «Я мыслю, следовательно, я существую» [5, с. 65], что выражает самосознание как основу существования личности. Это утверждение символизирует переход от теоцентрического к антропоцентрическому взгляду на природу личности.

Таким образом, развитие идей о личности в античной, средневековой и философии Нового времени заложило прочную основу для современных дискуссий, демонстрируя, что проблема личности остаётся актуальной как в классическом, так и в современном философском дискурсе.

Литература

1. *Платон. Сочинения: в 4 т. / Платон; под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 752 с.*
2. *Космос и душа. Учения о Вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / общ. ред. П.П. Гайденоко, В.В. Петров. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 880 с.*
3. *Августин. Исповедь / Августин; пер. С.С. Аверинцева. – СПб.: АЗБУКА, 1992. – 400 с.*
4. *Фома Аквинский. Сумма теологии / Аквинский Фома; пер. с лат. и коммент. С.П. Карпова. – М.: Изд-во Францисканцев, 2002. – 320 с.*
5. *Декарт Р. Размышления о первой философии / Р. Декарт; пер. с лат. С.С. Неретиной. – М.: Республика, 1989. – 192 с.*
6. *Лосев А.Ф. История античной эстетики: ранняя классика / А.Ф. Лосев. – М.: АСТ, 2000. Т. 1. – 628 с.*

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ: ФИЛОСОФСКИЕ ТЕОРИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПОЛИТИКЕ

Когда мы говорим о справедливости, у каждого может быть своё представление об этом. Для кого-то справедливость – это когда все получают одинаково, для кого-то, – когда каждый получает по заслугам. Но на самом деле это понятие куда глубже, особенно если смотреть на него не просто как на чувство, а как на философскую и политическую категории. Справедливость – это то, на чём строятся отношения между людьми, обществом и государством. Она определяет, насколько честно распределяются права, обязанности, ресурсы и возможности. И если с самого начала между людьми или группами в обществе возникают неравенства, то именно справедливость должна становиться тем механизмом, который это неравенство регулирует или хотя бы объясняет [1, с. 45].

Ещё с древних времён люди пытались понять, что такое справедливость. Например, у Платона справедливость – это гармония, когда каждый человек выполняет своё предназначение. У Аристотеля – это уже более конкретно, когда к равным применяются равные меры, а к неравным – неравные. Но при этом и то, и другое понимание показывают, что справедливость связана с порядком и равновесием. Это не просто про то, чтобы «было честно», это про то, чтобы всё было на своих местах, и никто не был ущемлён ни морально, ни социально [1, с. 46].

На современном этапе справедливость воспринимается как основа правового государства и важный критерий для оценки политики. Это значит, что решения власти должны приниматься с учётом интересов всех граждан, а не только отдельной группы. Особенно важно это в таких странах, как Кыргызстан, где много социальных и экономических различий. Тут справедливость становится не просто идеей, а необходимостью для стабильного развития.

Лично для автора статьи справедливость – это когда тебя слышат. Когда у каждого есть шанс, и этот шанс зависит не от того,

богат ты или беден, из села ты или из города, а просто от твоих усилий и стремлений. И если общество не может этого обеспечить, то справедливости в нём, скорее всего, нет. В таком обществе легко появляется обида, недоверие, протест – потому что люди чувствуют, что с ними поступают не так, как надо. Это можно видеть, когда какие-то решения принимаются без учёта мнения обычных людей, или, когда у кого-то есть доступ ко всему, а кто-то даже не знает, с чего начать. В философии также подчеркивается, что справедливость – не абсолютна. Она меняется со временем, с культурой, с уровнем развития общества. То, что считалось справедливым в одном веке, может показаться совершенно несправедливым в другом. Это особенно актуально сейчас, в эпоху глобализации, когда разные страны и народы по-разному воспринимают равенство, свободу, права человека. Но несмотря на это, справедливость остаётся универсальной целью – чтобы все жили достойно и могли надеяться на лучшее будущее [2, с. 7]. Также важно понимать, что справедливость бывает разной. Есть распределительная справедливость – когда речь идёт о делении ресурсов, благ, возможностей. Есть процессуальная – когда важны сами правила и процедуры, по которым принимаются решения. Имеется ещё и социальная справедливость, которая касается всего общества – насколько равны шансы у разных людей на образование, медицинскую помощь, участие в политике. И все эти формы важны, особенно для таких стран, где общество только формирует своё понимание демократии и равенства.

Рассуждать о справедливости – это не просто обсуждать абстрактные идеи. Это про повседневную жизнь: почему у кого-то больше, а у кого-то меньше; почему один человек может позволить себе лечиться, а другой – нет; почему кому-то дают слово, а кто-то всегда молчит. И пока эти вопросы остаются без ответов, справедливость остаётся не достигнутой целью. Вот поэтому так важно понимать, что это за понятие, и почему оно стоит в центре всех политических и общественных обсуждений.

Мы пытаемся разобраться, что такое справедливость не просто на словах, а как идея. Здесь важно понимать, что у разных

философов были свои взгляды на неё. Эти взгляды называются теориями справедливости. Они не только описывают, что правильно, а что нет, но и помогают понять, как должно быть устроено общество, чтобы в нём было меньше несправедливости.

Одна из самых древних теорий принадлежит Платону. Он считал, что справедливость – это когда каждый человек в государстве занимается своим делом. По его мнению, люди делятся на три группы: правители, воины и ремесленники, и если каждая из этих групп честно выполняет свою роль, то общество становится справедливым [3, с. 49]. Это звучит немного устаревшим, но даже сейчас мы видим, что если люди путают свои роли – например, политики «лезут» в бизнес, а бизнесмены – в законы, то справедливости становится меньше.

Аристотель рассматривал справедливость чуть по-другому. У него была идея, что справедливость – это когда к равным применяются равные меры, а к неравным – неравные, то есть он считал, что не все люди одинаковые, и справедливость – это учитывать разницу между ними. Например, студент, который весь год старался, заслуживает хорошей оценки, а тот, кто не готовился, – нет. Для Аристотеля важно было, чтобы каждый получал по заслугам [3, с. 50]. Это сейчас тоже актуально, особенно когда речь идёт о стипендиях, конкурсах, рабочих местах. Не всегда получается, чтобы было по заслугам, и в этом как раз проявляется несправедливость.

Позже, в Новое время, появились другие подходы. Например, утилитаризм. Это такая теория, где справедливым считается то, что приносит наибольшую пользу наибольшему числу людей. Главный представитель этой теории – Джереми Бентам. Он предлагал измерять счастье и страдание, и принимать решения, которые делают больше людей счастливыми. Но тут тоже есть проблема – если большинству удобно, но меньшинству плохо, можно ли это назвать справедливым [3, с. 52]?

Другая важная теория – это контрактная теория, которую развивали такие мыслители, как Томас Гоббс, Джон Локк и Жан-Жак Руссо. По их мнению, люди вначале жили свободно, но ради безопасности и порядка они договорились соблюдать законы

и подчиняться власти. Справедливость здесь – это выполнение условий этого «договора» между гражданином и государством. Если государство не выполняет свои обязательства, то и человек может не подчиняться [4, с. 5]. Это тоже похоже на то, что происходит в нашем обществе – когда люди видят, что государство их не защищает, они начинают сомневаться, а стоит ли ему доверять.

Есть ещё марксистская теория справедливости. Карл Маркс считал, что справедливость невозможна в обществе, где есть классовое неравенство. Для него справедливость – это когда нет эксплуатации, а труд и богатство распределяются равномерно. В этой теории особое внимание уделяется экономике, бедности и власти. Многие социальные движения XX века опирались именно на эти идеи [1, с. 54].

Таким образом, теорий справедливости много, и каждая по-своему объясняет, как устроен мир и каким он должен быть. У одних – главное равенство, у других – свобода или польза. Но все они сходятся в одном – справедливость нужна, чтобы общество не разрушалось изнутри, чтобы у людей была вера в то, что их уважают и с ними считаются. И когда мы анализируем эти теории, то можем выбирать, ту, которую можно применить в нашей стране.

Когда начинаешь анализировать политику в нашей стране, становится понятно, что слово «справедливость» звучит часто, но на деле его не всегда видно. В Кыргызстане, как и в любом другом государстве, справедливость в политике должна означать, что власть служит всем гражданам одинаково, что права и свободы каждого уважаются, а решения принимаются честно. Однако на практике возникают серьёзные проблемы, которые этому мешают.

Одна из главных проблем – это неравенство доступа к власти. Очень часто бывает так, что к власти приходят не те, кто действительно хочет и может служить народу, а те, у кого есть деньги, связи или влияние. Это создаёт ситуацию, когда обычный человек не чувствует, что может повлиять на конкретный ход событий. Выборы вроде бы есть, но доверие к ним падает, потому что люди думают: «Зачем голосовать, если всё решено заранее?» Это уже

само по себе становится нарушением политической справедливости [5, с. 56].

Другая проблема – коррупция, и все хорошо знают, насколько она мешает справедливому управлению. Когда чиновник может решить вопрос не по закону, а «по связям» или «за деньги», это значит, что справедливость становится чем-то недоступным для обычного человека. Законы есть, но они не работают одинаково для всех. Кто-то может избежать наказания, а кто-то – страдает из-за мелочи. Такое двойное отношение разрушает веру людей в справедливость, особенно у молодёжи, которая видит, что честный путь – самый трудный [3, с. 57].

Третья проблема – ограниченный диалог между народом и властью. Часто решения принимаются «наверху» без учёта интересов всех слоёв общества. Это видно, например, когда обсуждаются важные реформы, а мнение граждан не спрашивают. Получается, что часть общества просто выключена из политической жизни. Это несправедливо, потому что демократия – это участие всех. Если ты не можешь высказаться и быть услышанным – значит, тебя как будто и нет в этом государстве [1, с. 58].

Ещё одна серьёзная проблема – это неравномерное распределение ресурсов и внимания между регионами. Часто столица получает больше всего – и бюджет, и развитие, и инфраструктуру. А в отдалённых регионах люди живут с плохими дорогами, низким уровнем медицины и образования. Такое неравенство между центром и регионами порождает чувство несправедливости и разделённости. Люди начинают думать, что государство не для всех – а только для «своих» [1, с. 59].

Наконец, важной проблемой является отсутствие ответственности у политиков. Часто мы видим, как одни и те же люди переходят с поста на пост, дают обещания, но ничего не меняется. И даже если они допускают ошибки, почти никогда не несут за это наказания. Это несправедливо по отношению к народу, потому что, если простой человек нарушит правила, его сразу накажут. А политики, получается, находятся «выше закона». Это подрывает саму суть правового государства [3, с. 60].

Всё это вместе показывает, что справедливость в политике у нас пока остаётся скорее мечтой, чем реальностью. Люди чувствуют, что их обманывают, не уважают, не слышат. А если государство не может обеспечить справедливость, то и доверие к нему исчезает. И тогда общество становится разобщённым, люди начинают действовать сами по себе, появляется протестное настроение. Поэтому решать эти проблемы – это не просто про политику, а про будущее страны, про то, чтобы каждый человек чувствовал себя значимым и защищённым в своей стране.

Когда мы говорим о политике, несправедливость – это не просто теория. Это то, с чем сталкиваются реальные люди каждый день. В Кыргызстане таких столкновений было и есть очень много, и большинство из них затрагивают именно обычных граждан, а не политиков. Люди чувствуют несправедливость в самых разных формах – от судебных решений до увольнений, от игнорирования их мнения до полной тишины со стороны власти. Часто всё это приводит к протестам, потому что у людей нет другого способа выразить своё недовольство. И это не просто недовольство – это отчаяние от того, что справедливости они так и не дождались [3, с. 61]. Одним из ярких примеров может быть ситуация с выборами. Многие граждане сталкиваются с тем, что их голоса либо не учитываются, либо результаты вызывают сомнения. Это особенно тяжело воспринимается в стране, которая называет себя демократической. Когда ты голосуешь, но потом видишь, что всё решено «по-другому», то доверие к государству падает. И это уже не просто эмоции – это конкретный случай несправедливости. Ведь голос каждого должен быть равным, и когда кто-то влияет на выборы незаконно, это означает, что у кого-то голоса стало больше, чем у других [5, с. 62].

Другой пример – это отношение к регионам. В некоторых сёлах люди годами ждут дороги, школы, больницы, и всё это никак не приходит. Они обращаются, пишут письма, собирают подписи – и всё без ответа. И тут возникает вопрос: почему в одном месте решают всё быстро, а в другом – игнорируют? Это же очевидная несправедливость. Люди чувствуют себя забытыми, а когда появ-

ляется хоть какая-то попытка выразить недовольство, это быстро гасится. Например, митинги иногда сразу запрещают или разгоняют, то есть и права выразить протест нет – и справедливости нет [5, с. 63].

Многие сталкиваются с несправедливостью и на уровне работы. Кто-то был уволен без объяснений, кто-то не может устроиться только потому, что у него нет «нужных связей». Это не формально политическая ситуация, но, в целом, это про систему, которую создаёт власть. Если государство не защищает человека от таких ситуаций – значит, оно не выполняет свою главную функцию. И таких случаев масса, просто они не всегда попадают в новости. Но каждый из них оставляет след – в недоверии, обиде, ощущении, что ты ничего не можешь изменить [3, с. 64].

Несправедливость в политике Кыргызстана – это не что-то далёкое. Это то, что затрагивает людей здесь и сейчас. Это то, что мешает нам двигаться вперёд. Когда человек раз за разом сталкивается с несправедливостью, он перестаёт верить не только в политику, но и вообще в возможность перемен. А это уже очень опасно для будущего страны. Потому что без веры в справедливость не будет ни уважения к законам, ни желания что-то строить. Останется только разочарование и пассивность – или наоборот, протест и гнев. И это показывает, насколько важно на самом деле решать эти вопросы, а не просто говорить о них. Важно не просто указывать на проблемы, а действительно предлагать пути решения. И не абстрактные, а конкретные, применимые именно к нашей стране, к Кыргызстану. Потому что, несмотря на все сложности, у нас есть возможность изменить ситуацию, просто нужно понимать, с чего начинать и на что делать упор.

Первое, что мы считаем самым важным, – это восстановление доверия к выборам. Потому что пока человек не верит в честность выборов, он не будет участвовать в политике, и тем более не будет чувствовать себя частью государства. Чтобы это изменить, нужно сделать процесс голосования полностью прозрачным. Это значит – видеонаблюдение, независимые наблюдатели, открытая работа избиркомов. Всё должно быть сделано так, чтобы ни у кого не воз-

никало сомнений, что его голос действительно имеет значение. Только тогда можно будет вернуть людям уверенность в том, что они влияют на будущее своей страны [6].

Второе – это усиление ответственности политиков. У нас часто бывает так: человек занимает высокую должность, допускает ошибки, наносит вред обществу, а потом просто уходит и живёт спокойно. Это несправедливо. Люди в таких случаях чувствуют бессилие, потому что нарушений было много, а наказания нет. Необходимо система, при которой любой чиновник, будь он министр или депутат, обязан отвечать за свои действия. Это можно реализовать через реформу законодательства: ввести более чёткие механизмы отзыва депутатов, усилить контроль над деятельностью чиновников, регулярно публиковать отчёты о выполнении ими своих обязанностей. Политика не должна быть зоной безнаказанности [4, с. 66].

Третье – это обеспечение реального равенства всех граждан перед законом. Очень часто можно видеть, что один человек получает наказание за мелкое нарушение, а другой, более влиятельный, может спокойно нарушать закон без последствий. Это полностью разрушает веру в справедливость. Государство должно активно бороться с этим двойным стандартом. Судебная система должна быть независимой, и не зависеть от денег, связей или давления. Каждый гражданин, независимо от своего положения, должен быть уверен, что, если с ним поступили несправедливо, он может обратиться в суд и добиться правды. Но для этого нужно не просто изменить законы, а реально навести порядок в самой системе правосудия, убрать коррупцию, дать судьям защиту от давления и политического влияния [1, с. 67].

Четвёртое – это активное вовлечение молодёжи в политику. Молодые люди – это будущее страны, и если они не чувствуют своей значимости, если они не видят, что могут что-то изменить, это очень опасно. Нужно создавать условия, при которых молодёжь могла бы реально участвовать в принятии решений. Это могут быть молодёжные советы при органах власти, возможность участвовать в выборах с 18 лет без всяких барьеров, поддержка молодых кан-

дидатов, образовательные программы по гражданской активности. Если человек с молодости будет понимать, как работает государство и как можно влиять на него, он будет готов брать на себя ответственность, а это и есть первый шаг к справедливой политике [6].

Наконец, *пятое* – это развитие культуры диалога между народом и властью. Часто все решения принимаются без обсуждений, без учёта мнений простых граждан. Это создаёт дистанцию между обществом и государством. Люди начинают чувствовать себя чужими в своей же стране. Чтобы это изменить, нужны платформы для диалога: открытые обсуждения, общественные слушания, постоянная связь депутатов со своими избирателями. Особенно важно, чтобы эта связь была не формальной, а живой – чтобы человек знал, к кому он может обратиться, если его что-то волнует. Только когда голос каждого будет услышан, можно говорить о том, что государство действует справедливо и честно [5].

Пути решения несправедливости не где-то далеко. Они рядом, и они вполне реальны. Всё зависит от того, насколько мы готовы их применять. Государство, которое хочет быть сильным, должно в первую очередь быть справедливым. Потому что без справедливости нет ни доверия, ни уважения, ни желания быть частью общества будущего. А всё это – основа для настоящих перемен.

Автор данной работы изучая разные философские подходы к справедливости, отмечает теорию Джона Ролза, которая является самой логичной и применимой к нашему обществу. Его концепция справедливости как честности (или как справедливости в рамках общественного договора) предлагает очень важные идеи: во-первых, все люди должны обладать равными основными правами и свободами; во-вторых, социальные и экономические неравенства допустимы только тогда, когда они приносят наибольшую пользу наименее обеспеченным слоям населения. Если перевести это на простой язык, то справедливо не тогда, когда у всех всё одинаково, а тогда, когда даже самые уязвимые члены общества живут достойно и получают от государства поддержку, а не игнорирование [2, с. 70].

На взгляд автора, для Кыргызстана эта теория особенно актуальна. У нас страна, в которой уровень жизни сильно отличается от региона к региону, где есть богатые и бедные, где есть столица с хорошими условиями, а есть сёла, где до сих пор нет нормальной медицины и дорог. Это всё показывает, что у нас есть неравенство, но если государство будет устраивать свою политику так, чтобы это неравенство сокращалось, чтобы бедные не оставались без внимания, а получали больше, тогда можно сказать, что политика справедлива. Теория Ролза прямо говорит: если ты живёшь в обществе, ты должен представить, что завтра можешь родиться в нём кем угодно – бедным, человеком с инвалидностью, ребёнком из далёкого аула. И если ты всё ещё считаешь, что такое общество справедливо, значит, оно устроено правильно [2, с. 71].

В Кыргызстане часто возникают проблемы из-за того, что интересы большинства не всегда совпадают с интересами власти. Политические решения принимаются «сверху», без учёта нужд обычных людей. Теория Ролза как раз говорит о том, что общественный договор должен быть честным, и его нужно выстраивать, исходя из принципа «не знай, кто ты». Это значит, что законы должны приниматься не в пользу конкретных групп, а в пользу всех, особенно самых уязвимых. Автор статьи считает, что, если бы в Кыргызстане политики подходили к своим решениям именно с этой позиции, многие проблемы были бы решены иначе. Не в пользу богатых, не ради власти, а ради общего блага. Например, если строится новая школа – пусть сначала в селе, где её вообще нет, а не в районе, где уже три школы. Если открывается больница – пусть в регионе, где до сих пор ездят за сотни километров на приём, а не в центре города, где всё уже есть [6].

Кроме того, теория Ролза помогает избегать крайностей. Она не требует полной уравниловки и не выступает против успеха. Наоборот, она говорит: хочешь быть богатым – пожалуйста, но помни, что твой успех должен улучшать положение и других, а не происходить за их счёт. Это очень важный момент, особенно у нас, где есть недоверие к успешным людям, потому что часто успех ассоциируется с коррупцией, с «блатом», с несправедливостью. Согласно

Ролзу, успех должен быть основан на честных правилах, доступных каждому. И если человек достиг чего-то благодаря системе, которая одинаково работает для всех, тогда и к нему будет уважение, и к обществу в целом [2, с. 73].

Справедливость – не просто философское понятие, а реальная основа, на которой держится вся жизнь общества. Это то, что влияет на повседневные решения, на уверенность людей в завтрашнем дне, на их готовность сотрудничать с государством и друг с другом. В политике справедливость проявляется через честность, ответственность, равные права, уважение к тем, у кого меньше возможностей. В Кыргызстане тема справедливости особенно чувствительна: слишком много примеров, где её не хватает – в законах, в выборах, в распределении ресурсов. Но ситуация не безнадежна. Если выстраивать политику на основе принципа справедливости, можно построить общество, в котором людям будет проще доверять власти, чувствовать свою значимость и знать, что их голос не теряется.

Литература

1. Сен А. Идея справедливости / А. Сен. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. – 528 с.
2. Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – М.: Изд-во «Идея-Пресс», 2007. – 546 с.
3. Нерсесян В.С. Право и справедливость / В.С. Нерсесян. – М.: НОРМА, 2001. – 416 с.
4. Бобков В.Н. Социальная справедливость: теория и практика / В.Н. Бобков. – М.: Наука, 2015. – 312 с.
5. Джумабаев Т. Справедливость в политике и общественном сознании Кыргызстана / Т. Джумабаев // Политология и социология. – 2020. – № 4. – С. 45–50.
6. Байзакова К. Проблемы социальной справедливости в условиях трансформации постсоветского общества / К. Байзакова // Журнал политических исследований. – 2019. – № 2. – С. 70–75.

ЖЕНЩИНЫ КАК АГЕНТЫ ИЗМЕНЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ

Женщины на протяжении всей истории человечества были не только хранительницами семейных и культурных традиций, но и активными участницами, а нередко и инициаторами глубоких общественных трансформаций. Однако в общественном сознании, особенно в патриархальных обществах, роль женщины зачастую сводилась к вторичному, вспомогательному статусу. Такое искажение исторической и социальной реальности стало результатом долгого игнорирования женского вклада в ключевые процессы, определявшие ход истории и развитие человеческой цивилизации. Современный научный дискурс, стремящийся к инклюзивности и гендерной справедливости, предлагает новое понимание этой роли – женщины как агента изменений [1, с. 6–12].

Под агентом изменений понимается субъект, способный осознанно инициировать, поддерживать и реализовывать трансформации в различных сферах общественной жизни. Женщина в этом контексте выступает не объектом, на который воздействуют внешние условия, а активной стороной, формирующей новое содержание политических, социальных, культурных и экономических процессов. Женщины изменяют не только структуры власти или экономические отношения – они преобразуют сами основания мышления, нормы и ценности, лежащие в основе общественного порядка.

Эти изменения происходят как на уровне отдельных национальных сообществ, так и в глобальном масштабе. Женщины возглавляют политические движения, участвуют в переговорах о мире и безопасности, реформируют образовательные и правовые системы, развивают культуру, борются за экологическую устойчивость и справедливость. В национальных контекстах они нередко становятся символами перемен, поднимаясь над традиционно приписываемыми им социальными ролями. Их личные истории отражают

не только индивидуальную борьбу, но и более широкие процессы социальной эволюции.

Международные платформы, правозащитные организации, цифровые технологии и транснациональные движения создают новые возможности для женского лидерства и солидарности. Женщины из разных уголков мира объединяются ради общих целей: ликвидации дискриминации, гендерного равенства, инклюзивного развития, защиты уязвимых сообществ и устойчивого будущего.

Цель данной статьи – рассмотреть и проанализировать, как женщины в различных национальных и общечеловеческих контекстах выступают в качестве движущей силы перемен. Исследование охватывает исторические примеры женского политического лидерства, правозащитную деятельность, развитие феминизма, участие в культурной и социальной жизни, а также вклад в глобальные и устойчивые процессы. Особое внимание уделено опыту Кыргызстана как регионального примера, сочетающего традиционные уклады и современное стремление к прогрессу. Через призму анализа женского опыта мы получаем более полную и справедливую картину того, как строится история – не только с участием женщин, но и благодаря им.

Женщины на протяжении истории играли ключевую роль в политических преобразованиях, несмотря на существующие гендерные барьеры. Их участие варьировалось от лидерства в национально-освободительных движениях до активной борьбы за социальную справедливость. Для иллюстрации данного утверждения можно сослаться на известные исторические примеры.

Жанна д'Арк стала символом французского сопротивления во время Столетней войны. Вдохновлённая религиозными видениями, она возглавила французские войска, способствуя коронации Карла VII. Её действия продемонстрировали, что женщины способны оказывать значительное влияние на политические события, несмотря на отсутствие формального статуса [1, с. 1–2].

Софья Перовская – участница российского революционного движения «Народная воля», стала первой женщиной в России, казнённой за участие в политическом теракте. Её деятельность

свидетельствует о стремлении женщин к политическому участию и социальной справедливости в условиях патриархального общества [2].

Курманжан Датка, известная как «царица юга», была выдающейся кыргызской политической деятельницей. После смерти мужа она возглавила Алайское ханство и вела дипломатические переговоры с Российской империей, стремясь сохранить автономию своего народа. Её лидерство стало примером женской политической мудрости и дипломатии в Центральной Азии [3].

Уркуя Салиева (1910–1934) была одной из первых кыргызских женщин, активно участвовавших в политической жизни. Она занимала руководящие должности в местных советах и боролась за права женщин в период становления Советской власти в Кыргызстане. Её убийство подчёркивает риски, с которыми сталкивались женщины-активистки того времени [4].

Токтогон Алтыбасарова стала символом гуманизма, приняв на воспитание более 150 детей из блокадного Ленинграда во время Великой Отечественной войны. Её поступок отражает способность женщин к самоотверженности и социальной ответственности в условиях кризиса [5]. Вышеприведенные примеры демонстрируют, что женщины способны быть не только хранительницами традиций, но и проводниками реформ, внося значительный вклад в политические изменения на различных уровнях.

Женщины во всём мире активно участвуют в правозащитной деятельности, борясь за равные права и свободы. Их усилия направлены на устранение дискриминации, насилия и неравенства. В Кыргызстане женские правозащитные организации играют важную роль в борьбе с домашним насилием, ранними браками и торговлей людьми. Они создают кризисные центры, проводят образовательные программы и взаимодействуют с государственными структурами для реформирования законодательства в интересах женщин.

Международные организации, такие как ООН, БРИКС, ШОС и другие признают вклад женщин в защиту прав человека. Женщины-правозащитницы часто становятся лидерами движений, направленных на продвижение гендерного равенства и социальной

справедливости. Однако их деятельность сопряжена с рисками. Во многих странах женщины-активистки сталкиваются с преследованиями, угрозами и насилием. Несмотря на это, они продолжают свою работу, вдохновляя других и способствуя позитивным изменениям в обществе [6, с. 17–19].

Феминистское движение в Кыргызстане развивается в условиях сочетания традиционных культурных норм и стремления к гендерному равенству. С начала 2000-х годов в стране начали формироваться женские активистские группы, ставящие целью продвижение прав женщин и борьбу с дискриминацией. Современные феминистские организации в Кыргызстане активно используют цифровые платформы для распространения информации, организации акций и привлечения внимания к проблемам гендерного неравенства. Они проводят образовательные мероприятия, поддерживают жертв насилия и взаимодействуют с государственными структурами для внедрения гендерно-чувствительной политики.

Несмотря на достижения, феминистское движение сталкивается с вызовами, включая общественное непонимание, стереотипы и сопротивление со стороны консервативных сил. Тем не менее активистки продолжают свою работу, способствуя формированию более справедливого и инклюзивного общества.

Женщины играют ключевую роль в формировании и развитии культурной среды. В Кыргызстане женщины-ремесленницы, поэтессы, актрисы и художницы вносят значительный вклад в сохранение и развитие национальной культуры. Они становятся связующим звеном между традициями и современностью, формируя новые культурные коды, основанные на гендерной чувствительности, социальной справедливости и индивидуальной самореализации. Женщины в искусстве и литературе поднимают ранее табуированные темы, такие как домашнее насилие, сексуальность и роль женщины в обществе. Через культуру женщины влияют на общественное сознание, способствуя формированию более инклюзивных и гуманистических ценностей. Их творчество становится инструментом социальных изменений, вдохновляя других на переосмысление устоявшихся норм и стереотипов [6, с. 47–53].

В глобальном контексте женщины продолжают играть важную роль как агенты изменений. Они возглавляют государства, международные организации, корпорации и правозащитные движения, демонстрируя разнообразие форм лидерства, основанного на эмпатии, социальной ответственности и дальновидности. Международные документы, такие как Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) и Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, подчёркивают важность женского участия в достижении глобальных целей. Женщины также активно участвуют в решении глобальных проблем, таких как изменение климата, борьба с бедностью и обеспечение мира и безопасности. Их вклад признаётся как необходимое условие для построения устойчивого и справедливого мира.

Устойчивое развитие предполагает не только экономический рост и сохранение окружающей среды, но и социальную справедливость, в центре которой находится равноправие. Женщины играют ключевую роль в достижении всех трёх компонентов устойчивого развития. Их участие в экономике, образовании, здравоохранении и политике критически важно для построения общества, в котором учитываются интересы всех его членов.

Во многих странах женщины являются главными носителями знаний о рациональном использовании природных ресурсов, особенно в сельских районах. В Кыргызстане, где значительная часть населения зависит от земледелия и животноводства, женщины участвуют в экологических инициативах, направленных на охрану пастбищ, водных ресурсов и лесов. Их участие в местных комитетах по управлению природными ресурсами способствует принятию более инклюзивных и устойчивых решений.

Женщины также играют важную роль в восстановлении после кризисов – от стихийных бедствий до политических конфликтов. Благодаря способности к мобилизации, заботе о других людях, и устойчивости к стрессу, женщины становятся движущей силой посткризисной реабилитации, способствуя восстановлению экономических и социальных связей [7, с. 67–75]. Несмотря на признание важности женского участия в общественной жизни, женщины

по-прежнему сталкиваются с многочисленными барьерами. Среди наиболее распространённых – институционализированная дискриминация, правовые ограничения, стереотипы, насилие по признаку пола и экономическая зависимость.

В странах Центральной Азии, включая Кыргызстан, патриархальные установки сохраняются в семейных и общественных отношениях, что ограничивает возможности женщин для образования, карьерного роста и участия в политике. Распространённые практики, такие как ранние и принудительные браки, кража невест, а также экономическая маргинализация, мешают реализации женского потенциала. Женщины, выступающие в публичной сфере, особенно в правозащитной и политической деятельности, нередко становятся объектами травли, угроз и физического насилия. Социальные сети усиливают это давление, делая женщин-активисток уязвимыми к онлайн-агрессии.

Немаловажную роль играют и внутренние барьеры: отсутствие уверенности, нехватка поддержки, усталость от борьбы с системой. Психологическое выгорание среди женщин-активисток и лидеров является одной из наиболее острых, но часто замалчиваемых проблем. Преодоление этих барьеров требует системного подхода: гендерного аудита законодательства, реформы образовательных программ, внедрения механизмов гендерного бюджетирования, создания безопасной среды для женского участия в общественной жизни и поддержки инициатив женского лидерства.

Современная эпоха отмечена ростом женской активности в различных сферах. Один из самых заметных трендов – это цифровизация феминистского и правозащитного движения. Социальные сети и онлайн-платформы стали мощным инструментом мобилизации, просвещения и давления на власть. Благодаря интернету женские движения обрели новые формы солидарности, выходящие за рамки географических и языковых границ.

Появляются новые формы лидерства – горизонтальные, инклюзивные, основанные на коллективных решениях и заботе. Женщины становятся лидерами не за счёт властных полномочий, а благодаря способности слушать, объединять и инициировать перемены

снизу. Это особенно важно в эпоху кризиса традиционных моделей управления.

В Кыргызстане феминистские и правозащитные группы активно участвуют в публичных дебатах, организуют марши, фестивали, арт-проекты. Молодёжь, в особенности женщины, всё чаще становятся агентами перемен, пересматривая традиционные роли и осмысливая свою идентичность в новом ключе. Наблюдается также институционализация гендерной повестки. Многие международные и государственные программы теперь включают компоненты, направленные на усиление роли женщин – от микрофинансирования до квот в парламенте. Хотя формальные механизмы ещё далеки от идеала, тренд к равноправию становится все более устойчивым [7, с. 224–233].

Таким образом, подводя итоги, отметим, что женщины как агенты изменений представляют собой неотъемлемую часть исторического и современного процесса развития человечества. Их участие не ограничивается традиционными гендерными ролями – напротив, они активно трансформируют общественные нормы, политические институты и культурные парадигмы. От исторических фигур, оставивших яркий след в политике, до современных активисток, реформаторов, творцов и предпринимательниц женщины демонстрируют способность к созиданию, лидерству и моральной ответственности. Национальные контексты, такие как история Кыргызстана, показывают уникальные формы женской вовлеченности, вплетённые в ткань культурной и социальной идентичности. Международная перспектива позволяет понять универсальность женского опыта и его ключевую роль в достижении глобальных целей. При этом остаются серьёзные вызовы: дискриминация, насилие, неравенство доступа к ресурсам. Будущее справедливого и устойчивого мира невозможно без полноценного участия женщин на всех уровнях. Признание их роли как агентов изменений – это не только вопрос исторической справедливости, но и необходимое условие для прогресса человечества в целом.

Литература

1. Майлз Р. Женская история мира / Р. Майлз. – М.: Изд-во «Бомбора», 2023. – 368 с.
2. Софья Перовская [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL:<https://pskoviana.ru/istoriya/persony/istoricheskie-lichnosti/1877-perovskaya-sofya-lvovna> (дата обращения: 25.02.2024).
3. Курманжан Датка [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL:<https://ru.sputnik.kg/amp/20220826/kurmanzhan-datka-biografiya-1067236721.html> (дата обращения: 05.04.2025).
4. Уркуя Салиева [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://limon.kg/ru/news:63802> (дата обращения: 21.02.2024).
5. Токтогон Алтыбасарова [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://odkb-csto.org/75-letie-pobedy/pobedana-vsekh-odna/k-75-letiyu-velikoy-pobedy-150-detey-mamy-toni/> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Совсем Другие: феминистская и квир-фантастика / сост. и ред. О. Шаталова, Г. Мамедов. – М.: Изд-во «Штаб-Press», 2018. – 336 с.
7. Симона де Бовуар. Второй пол / Симона де Бовуар. – М.: Изд-во «Азбука», 2022. – 928 с.

Т. Асаналиева

ТЕХНОЛОГИИ И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ НА ПРОДВИЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Современные технологии значительно изменили способы взаимодействия граждан с государством, расширяя их возможности для участия в политических процессах. Важным инструментом для продвижения демократии, обеспечения прозрачности власти и активизации гражданского общества стали цифровые платформы.

Цифровые технологии играют решающую роль в социально-экономическом развитии стран, формируя не только новые виды профессиональной деятельности, товаров и услуг, но и создавая вызовы для предприятий и организаций различных секторов. Активное внедрение информационных технологий во все отрасли экономики, социальную сферу и сферу государственного управления является основой для формирования и развития цифрового пространства Кыргызстана [1].

Цифровая стратегия Кыргызстана имеет свои особенности по сравнению с аналогичными стратегиями других стран Центральной Азии. В первую очередь она определяет, каким образом технологии могут укрепить инклюзивные институты, права и свободы граждан, а также увеличить их влияние на процессы принятия решений и улучшить взаимодействие между различными участниками общества [2].

Для достижения поставленных целей в Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы, утвержденной 31 октября 2018 года, выделены приоритетные направления на период до 2023 года, которые касаются среднесрочного развития открытого цифрового общества [3].

Одним из ключевых проектов по цифровизации Кыргызстана стала региональная интеграционная программа Digital CASA – «Digital CASA – Кыргызская Республика». Основными задачами данного проекта являются расширение доступа к сети Интернет, снижение его стоимости, привлечение частных инвестиций в сектор информационно-коммуникационных технологий, а также укрепление потенциала правительства в предоставлении электронных государственных услуг.

Программа Digital CASA направлена на интеграцию стран Центральной Азии, не имеющих выхода к морю, а также отдельных государств Южной Азии в региональную и мировую цифровую экономику, что позволит им получить преимущества от цифрового развития [4].

В настоящее время доступ к Интернету в Кыргызстане обеспечивается транзитом из России через территорию Казахстана,

а в южных регионах страны (Ошская, Джалал-Абадская и Баткенская области) тот же российский контент передается через Китай.

По данным Национального статистического комитета КР за 2021 год, мобильные сети охватывают 99 % населения страны, из которых 70 % имеют доступ к качественному 4G-интернету. При этом 62,8 % граждан Кыргызстана в возрасте 15 лет и старше активно пользуются глобальной сетью [2].

Согласно отчету Всемирного банка «Цифровой Кыргызстан: нынешнее состояние и путь вперед», страна находится на начальном этапе освоения передовых технологий. Кыргызстан классифицируется как государство, находящееся на стадии формирования цифровой экономики. Это означает, что процесс ее становления только начинается, а уровень использования Интернета остается сравнительно низким по сравнению со странами, которые уже перешли на этап цифровой трансформации [4].

В результате Кыргызстан занимает невысокие позиции в международных рейтингах, отражающих уровень цифровизации, особенно в сравнении со странами, находящимися на более продвинутых стадиях перехода к цифровой экономике.

Основными цифровыми платформами, используемыми в Кыргызстане, являются: Социальные сети (Facebook, Instagram, TikTok) – важный канал для распространения информации и общественных дискуссий. Согласно исследованию International Data Corporation (IDC), более 70 % активных интернет-пользователей в Кыргызстане используют эти платформы для коммуникации и получения новостей (Facebook, Instagram, TikTok) – важный канал для распространения информации и общественных дискуссий. Мессенджеры (Telegram, WhatsApp) – ключевые инструменты для организации акций и обмена оперативной информацией. Видео- и блог-платформы (YouTube) – площадки для аналитики, освещения событий и выражения мнений [4].

Эти платформы предоставляют гражданам возможность активно участвовать в обсуждении государственных реформ, выявлении социальных проблем и инициировании общественных изменений. Граждане используют эти платформы для мобилизации

и самоорганизации, что особенно проявилось в ходе протестов 2005, 2010 и 2020 годов. Например, во время Октябрьской смены власти 2020 года платформы играли ключевую роль в организации митингов (см. отчет Международного фонда развития медиа о влиянии социальных сетей на протестные движения в Центральной Азии), распространении информации и привлечении внимания международного сообщества.

Одним из главных преимуществ цифровых технологий является возможность оперативного мониторинга действий государственных органов. Платформы, такие как «Тундук» (Tunduk.kg), предоставляют гражданам доступ к информации о расходовании бюджетных средств, тендерах и других аспектах деятельности власти. Это способствует повышению прозрачности и снижению уровня коррупции.

Кроме того, активное использование цифровых технологий помогает в проведении независимого мониторинга выборов. Онлайн-ресурсы позволяют фиксировать нарушения и публиковать данные в режиме реального времени, что способствует честности и открытости избирательного процесса.

В Кыргызстане популярностью пользуются онлайн-платформы для сбора подписей и продвижения гражданских инициатив. Например, ресурсы Change.org и Avaaz.org позволяют инициировать петиции по важным общественным вопросам и привлекать внимание властей к проблемам граждан. Такие инструменты дают возможность выразить мнение широким слоям населения и добиваться принятия решений на государственном уровне.

Примеры успешных кампаний, инициированных через платформы, включают сбор подписей за законодательные изменения, такие как инициатива по защите Иссык-Куля от загрязнения, общественные движения против повышения тарифов на электроэнергию, широко обсуждаемые в социальных сетях, и общественные дискуссии по вопросам экологии и прав человека [5].

Несмотря на очевидные преимущества цифровых технологий, существуют и вызовы, связанные с их использованием. В Кыргызстане неоднократно предпринимались попытки ограничить

свободу интернета и доступ к социальным сетям в периоды политической нестабильности. Также остается проблема кибербезопасности и защиты персональных данных пользователей. Одной из серьезных проблем является проблема дезинформации и манипуляций информацией. Согласно исследованиям, Кыргызстан сталкивается с широким распространением ложной информации и манипуляции, особенно во время выборов и политических кризисов [6].

Однако, несмотря на эти трудности, цифровые платформы представляют собой мощный инструмент для продвижения демократии в Кыргызстане. Они открывают новые возможности для гражданского участия, повышения прозрачности и информированности общества. С дальнейшим развитием технологий и расширением цифровой грамотности граждан влияние интернета на политические процессы будет только расти, обеспечивая более активное и осведомленное участие общества в управлении страной.

Таким образом, цифровые технологии стали мощным инструментом для продвижения демократии в Кыргызстане, позволяя гражданам активнее участвовать в политической жизни, контролировать власть и выражать свою позицию. Важно продолжать развивать эти механизмы, обеспечивая свободный доступ к информации и защищая цифровые права граждан. Только в условиях прозрачности и открытого диалога между обществом и государством возможно построение устойчивой демократической системы.

Литература

1. Влияние цифровых платформ на продвижение демократии в Кыргызстане / Institute for Political Studies at the T. Usubaliev Foundation. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://usubaliev-institute.org/> (дата обращения: 25.02.2025).
2. Централно-Азиатская презентация «Доклада о мировом развитии 2016: Цифровые дивиденды» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016> (дата обращения: 25.11.2024).
3. Аналитический обзор. Оценка уровня цифрового развития в Кыргызской Республике / НСКР. Бишкек, 2019 [Электронный

- ресурс] // Режим доступа: <https://stat.gov.kg/media/files/82744364-3ebf-465e-a343-848cbbbf68b4.doc> (дата обращения: 26.11.2024).
4. Исследование International Data Corporation (IDC). [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.media.kg/wp-content/uploads/2018/02/Otchet-po-itogam-issledovaniya-mediagramotnosti-v-KR.pdf?utm_source (дата обращения: 28.11.2024).
 5. Бекташева А.Дж. Формирование электронного правительства Кыргызской Республики как результата условия развития цифровой среды / А.Дж. Бекташева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-elektronnogo-pravitelstva-kyrgyzskoy-respubliki-kak-rezultata-i-usloviya-razvitiya-tsifrovoy-sredy> (дата обращения: 24.11.2024).
 6. Ташбаев А.М. Развитие информационно-коммуникационных технологий и становление цифровой экономики в Кыргызстане / А.М. Ташбаев, Д.А. Осмонолиева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 4-3(62). – С. 65–72.

Ш.Т. Бабаева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ ВОЙНЫ

Война – это одно из самых разрушительных явлений в истории человечества. Она уносит миллионы жизней, оставляя неизгладимый след на психике как военных, так и гражданских лиц. В XX и XXI веках, с развитием технологий и средств массовой информации, войны приобрели ещё более масштабный и жестокий характер, оказывая сильнейшее влияние на психологическое состояние общества. Солдаты, столкнувшиеся с ужасами боевых действий, часто страдают от посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), депрессии, тревожности и других психических заболеваний. Мирные жители, подвергшиеся оккупации, блокаде, жизни в концлагерях, также переживают тяжелые психологические травмы. Проблема актуальна и сегодня: современные конфликты в различных частях мира сопровождаются массовыми

психологическими нарушениями, требующими особого внимания со стороны специалистов и общества в целом [1, с. 11].

Боевые действия представляют собой экстремальные условия, в которых психика человека подвергается колоссальному давлению. Одним из самых распространённых последствий является боевой стресс. Боевой стресс представляет собой сложную психофизиологическую реакцию организма на экстремальные условия вооружённого конфликта, возникающую в ответ на непосредственную угрозу жизни, насилие, разрушения и смерть. Он включает в себя широкий спектр эмоциональных, когнитивных и поведенческих изменений, проявляющихся у военнослужащих во время и после участия в боевых действиях. Воздействие боевого стресса может быть острым или хроническим, в зависимости от интенсивности, длительности и индивидуальной устойчивости психики. Основной особенностью боевого стресса является его способность мобилизовать ресурсы организма для кратковременного преодоления опасности, однако при затягивании стрессовой ситуации возможны дезорганизующие последствия, включая развитие посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

На физиологическом уровне боевой стресс сопровождается активацией симпатико-адреналовой системы: происходит выброс адреналина и норадреналина, учащается сердцебиение, усиливается дыхание, повышается мышечный тонус. Эти изменения направлены на повышение выживаемости в условиях угрозы. Однако в условиях постоянной боевой нагрузки подобные реакции истощают организм, нарушают регуляцию центральной нервной системы и снижают когнитивные функции. На психологическом уровне бойцы могут испытывать страх, тревогу, злость, растерянность, чувство вины и беспомощности. Порой наблюдается эмоциональное оцепенение, когда человек теряет способность испытывать чувства в ответ на происходящее. При длительном воздействии боевого стресса формируется устойчивое нарушение адаптационных механизмов, выражающееся в трудностях социализации, сужении эмоционального диапазона, навязчивых воспоминаниях и сновидениях о травмирующих событиях.

Факторами, повышающими восприимчивость к боевому стрессу, являются низкий уровень подготовки к стрессовым ситуациям, отсутствие поддержки, продолжительность пребывания в зоне боевых действий, а также индивидуальные особенности психики, включая предшествующие психологические травмы. В то же время наличие сплочённого коллектива, чёткой системы командования и возможности восстановления между боями способствует снижению негативного влияния стрессоров. Боевая психическая травма может проявляться не сразу, а спустя месяцы и даже годы после окончания боевых действий, что затрудняет диагностику и лечение. Кроме того, стереотипы о мужественности и героизме, распространённые в военной культуре, зачастую препятствуют своевременному обращению за психологической помощью.

У военнослужащих часто развивается посттравматическое стрессовое расстройство. Оно проявляется в виде навязчивых воспоминаний, кошмаров, вспышек агрессии, избегания мест или людей, напоминающих о травме, а также эмоционального оцепенения. Кроме ПТСР, у солдат могут возникать тревожное расстройство, депрессия, панические атаки и даже психозы [2, с. 42]. Некоторые испытывают синдром «потерянного смысла», когда после возвращения из зоны боевых действий человек не может адаптироваться к мирной жизни.

Боевой стресс может приводить к изменению личности, утрате базового доверия к миру, повышенной раздражительности и социальной изоляции. Эти явления не ограничиваются только военнослужащими – они также затрагивают волонтеров, медиков, журналистов, работающих в зонах боевых действий.

Как известно, не все люди одинаково реагируют на стрессовые ситуации. Тип высшей нервной деятельности оказывает значительное влияние на устойчивость человека к психотравмирующим факторам. Индивиды с уравновешенным, сильным типом нервной системы обладают большей стрессоустойчивостью, тогда как люди с неустойчивым типом быстрее подвергаются разрушительному влиянию психотравм. Эрнст Динтер, немецкий писатель и исследователь Первой мировой войны, отмечал, что длительное

пребывание на фронте неизбежно приводит к психическим расстройствам у большинства солдат [3, с. 67]. Он описывал феномен «военной истерии», когда у солдата внезапно развивались параличи, тики, судороги при том, что органических причин у этих нарушений не было. Это состояние было результатом перенапряжения нервной системы.

Ричард Габриэль, американский военный историк, в своей книге «Нетронутый разум: Психическая травма и судьба современных армий» утверждал, что ни одна армия не может избежать массовых психологических потерь среди личного состава [1, с. 38]. Он подчеркивал, что эффективность армии напрямую зависит от способности её бойцов сопротивляться стрессу, а значит – от психофизиологических особенностей личности.

Пропаганда – мощнейший инструмент психологического воздействия. Во время войны она играет ключевую роль в формировании образа врага, мобилизации населения и поддержании морального духа. Государственные структуры сознательно используют пропаганду для создания у граждан единой идеологической картины мира. Создание образа врага – одна из центральных задач военной пропаганды. Враг изображается как жестокий, бесчеловечный, опасный, противопоставляющийся «нашему» гуманному и справедливому обществу. Это позволяет оправдать любые действия против него, включая насилие и разрушение [2, с. 59].

Идеологическое программирование в контексте войны представляет собой мощный инструмент манипуляции массовым сознанием с целью оправдания вооружённого конфликта, мобилизации населения и подавления инакомыслия. В условиях военного противостояния особенно важно для власти обеспечить поддержку своего курса со стороны общества. Для этого используется система пропаганды, направленная на формирование в умах граждан образа врага, героизации собственных действий и демонизации противника. Такое программирование начинается задолго до начала активных боевых действий. Через образование, историческую интерпретацию, патриотические лозунги, фильмы, песни и официальные заявления в общественное сознание внедряются идеи

о справедливости собственной позиции, исторической миссии, необходимости защиты родины или освобождения угнетённых. На этом этапе формируется установка на восприимчивость к милитаристским идеям и готовность к участию в конфликте. Во время самой войны идеологическое программирование усиливается. СМИ используются для постоянной трансляции сообщений, подтверждающих правоту своих действий и порочность врага. Информация фильтруется, критика подавляется, а альтернативные точки зрения представляются как предательские. Создаётся чёрно-белая картина мира, где одна сторона – носитель добра, а другая – абсолютное зло. Это способствует снижению уровня эмпатии к противнику, оправдывает насилие и разрушение, а также формирует ощущение личной причастности к «великой цели».

Особое внимание уделяется молодёжи: через школьные программы, патриотические мероприятия и участие в молодёжных организациях осуществляется системное формирование военной лояльности и готовности к самопожертвованию. При этом образы героев войны активно тиражируются, они становятся культурными символами, моделями для подражания.

Юрий Борисович Левитан – легендарный советский диктор, ставший голосом войны для миллионов граждан СССР, сыграл важнейшую роль в пропаганде во время Великой Отечественной войны. Именно он зачитывал сводки Совинформбюро, сообщения о победах и поражениях, речи Сталина и указы Верховного командования. Его голос стал символом надежды, правды и сопротивления. Левитан выполнял важнейшую функцию – через радио доносил до населения не только информацию, но и эмоциональное послание. Его уверенная, чёткая манера подачи текста придавала людям уверенность, мобилизовывала волю к борьбе. Во времена, когда по всей стране царила тревога, его голос стал «якорем стабильности» и напоминанием о том, что Родина борется [4].

Враги Советского Союза настолько опасались влияния Левитана, что Гитлер лично назначал награду за его поимку. Его деятельность – яркий пример того, как индивидуальность может стать частью государственной информационной машины и влиять на массовое сознание.

Следует отметить, что мирные граждане страдают от войны не меньше, а порой и больше, чем военные. Оккупация, блокада, бомбардировки, голод, репрессии – всё это оставляет глубокие психологические раны. Так, блокада Ленинграда стала одним из самых страшных испытаний. Люди жили в условиях голода, холода, постоянной угрозы смерти. Психика многих не выдерживала – появлялись случаи самоубийств, каннибализма, утраты нравственных ориентиров. Вместе с тем массовый героизм, чувство долга и взаимопомощь позволили многим выжить и сохранить человечность [5]. Хронический стресс, утрата близких, вынужденная миграция, разрыв социальных связей и ощущение постоянной угрозы формируют устойчивые психотравмы. У детей, переживших войну, особенно велик риск развития тревожных расстройств, нарушений привязанности, агрессивного или депрессивного поведения. Психология войны в этом случае сталкивается с необходимостью комплексной реабилитации и поддержки, направленных не только на устранение последствий травмы, но и на восстановление базового чувства безопасности и доверия к миру.

Одним из важнейших аспектов психологии войны является феномен деиндивидуализации и обезличивания противника. Люди склонны делить мир на «своих» и «чужих», а в условиях войны эта дихотомия усиливается до крайности. Противник нередко представляется как угроза не просто физическому существованию, но и культурной, нравственной, религиозной системе ценностей. Именно поэтому в условиях конфликта нередко наблюдается рост ксенофобии, жестокости и эмоциональной нечувствительности к страданиям другой стороны [6, с. 59]. Эти психологические механизмы помогают солдату выполнять приказы и преодолевать моральные сомнения, но впоследствии могут стать причиной тяжёлых посттравматических расстройств.

Нельзя не отметить и важность групповой динамики в условиях военных действий. Военная дисциплина, чувство товарищества, подчинение авторитету, групповая идентификация – всё это играет ключевую роль в поддержании боеспособности армии. При этом нередко возникает феномен слияния личности

с коллективом, при котором индивид подменяет собственные моральные ориентиры групповыми нормами. В таких условиях человек может совершать поступки, которые в мирной жизни были бы для него немыслимы. Это хорошо демонстрируют как исторические примеры, так и результаты современных психологических экспериментов.

Психология войны также тесно связана и с формированием общественного мнения. Средства массовой информации, социальные сети и государственные институты могут оказывать значительное влияние на восприятие конфликта, эмоциональное вовлечение населения и готовность к мобилизации. Психологическая война как составная часть гибридных конфликтов становится мощным оружием, способным влиять на исход сражений не меньше, чем традиционные виды вооружения.

После войны особенно важно обеспечить психологическую помощь пострадавшим. Ветераны боевых действий, беженцы, бывшие узники лагерей нуждаются в квалифицированной поддержке для восстановления нормальной жизни. Методы реабилитации включают психотерапию (индивидуальную и групповую), медикаментозное лечение, социальную адаптацию, арт-терапию. Особое внимание уделяется профилактике ПТСР, снижению уровня тревожности и депрессии. Существуют специализированные центры помощи ветеранам и жертвам насилия [7, с. 37]. В последние десятилетия развивается практика работы с коллективной травмой, когда общество в целом переживает тяжелые последствия войны. Программы примирения, мемориализация, работа с исторической памятью способствуют психологическому исцелению нации.

Вместе с тем важно осознавать, что человек в условиях войны не только объект психологического давления, но и субъект сопротивления, надежды и нравственного выбора. Истории солдат и гражданских, сохранивших человечность в самых жестоких обстоятельствах, доказывают, что даже в эпицентре разрушения возможно сохранить моральные ориентиры и внутреннюю свободу. Именно эти проявления человеческого духа придают веру в возможность восстановления и мира.

Таким образом, психология войны – это пространство размышления о природе человека, границах адаптации, источниках разрушения и надежды. Осмысление этих процессов необходимо не только для понимания прошлого, но и для формирования устойчивого будущего, в котором будет найден баланс между безопасностью, справедливостью и гуманностью. Важнейшей задачей современного общества остаётся не только изучение последствий войны, но и формирование культуры мира, предотвращение милитаризации сознания и воспитание нового поколения в духе гуманизма. Память о пережитом, сохранение правды, сострадание и готовность поддерживать друг друга – вот основа психологической устойчивости общества, способного справляться с последствиями войны. Мы не в силах изменить прошлое, но мы можем изменить отношение к нему и построить более мирное будущее.

Литература

7. *Richard A. Gabriel. The Painful Field: Psychiatric Dimensions of Modern War* [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://jaapl.org/content/17/1/99.1> (дата обращения: 17.04.2025).
8. *Кочубейникова И.В. Психология военного времени* / И.В. Кочубейникова. – СПб., 2010.
9. *Динтер Э. Психология войны* / Э. Динтер. – Берлин, 1921.
10. *Документы Совинформбюро (архивные записи Ю.Б. Левитана)* [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/ot-sovetskogo-informbyuro> (дата обращения: 13.04.2025).
11. *Официальный сайт Музея блокады Ленинграда* [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.spbmuseum.ru/exhibits_and_exhibitions/permanent_displays/1319/ (дата обращения: 10.04.2025).
12. *Симонов П.В. Эмоции человека* / П.В. Симонов. – М.: Наука, 1981.
13. *Трофимов А. Психотерапия ПТСР: современный взгляд* / А. Трофимов // Психотерапия. – 2017. – № 4. – С. 37.

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ОРГАНОВ И РЕЛИГИЯ: ЭТИКО-МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ

Современная медицина совершила значительный прорыв в области трансплантологии, открыв перед человечеством новые возможности в спасении жизней. Пересадка таких органов, как почки, сердце, печень и лёгкие сегодня является эффективным методом лечения тяжелых и ранее неизлечимых заболеваний. Для пациентов с хронической почечной недостаточностью терминальной стадией сердечной или печеночной недостаточности трансплантация часто становится единственным шансом на выживание и улучшение качества жизни.

Однако, несмотря на достижения науки, вопросы трансплантации остаются предметом интенсивных дискуссий как с медицинской, так и с этико-религиозной точки зрения. Донорство органов затрагивает фундаментальные темы: представления о жизни и смерти, достоинстве человеческого тела, границах медицинского вмешательства и свободе воли человека.

С религиозной стороны, отношение к пересадке органов различается в зависимости от традиции. Многие конфессии в принципе поддерживают донорство, особенно когда оно направлено на спасение жизни. Однако существуют и ограничивающие подходы, основанные на представлении о сакральности тела, о необходимости его сохранения в целостности после смерти. Так, например, в иудаизме и исламе вопрос о допустимости трансплантации может решаться через призму религиозного права (танахи или шариата), где учитываются намерение, обстоятельства и последствия. Ключевой проблемой в трансплантологии остаётся определение момента смерти. Медицинская практика приняла концепцию смерти мозга, при которой человек считается мёртвым в случае полного и необратимого прекращения мозговой деятельности. Однако ряд религиозных учений продолжает считать смертью только остановку сердца и дыхания. Это несоответствие вызывает моральные конфликты,

особенно у родственников донора, которым необходимо принять решение в критической ситуации.

Ещё одной важной проблемой является вопрос добровольного согласия. В некоторых странах действует презумпция согласия: если человек при жизни не выразил несогласия, то он считается потенциальным донором. В других государствах требуется активное, документально оформленное согласие. Этот аспект напрямую затрагивает право личности распоряжаться своим телом и становится предметом обсуждения в религиозных и правовых кругах. В Кыргызстане трансплантация органов находится в стадии становления. С 2018 года начались операции по пересадке почек внутри страны, а в 2024 году было введено государственное финансирование этих процедур для пациентов на гемодиализе. Это значительное достижение для отечественной медицины, но остаются проблемы – нехватка специалистов, технических ресурсов, а также низкий уровень информированности населения.

На наш взгляд, особенно важен религиозный аспект. Среди части населения Кыргызстана укоренилось убеждение, что донорство органов противоречит исламу. Однако многочисленные фетвы (богословские заключения) авторитетных исламских ученых подтверждают: пересадка органов допустима, если она направлена на спасение жизни, проводится с уважением к телу и с добровольного согласия донора или его семьи. Ислам подчеркивает ценность человеческой жизни и милосердия – эти принципы лежат в основе разрешения на трансплантацию [1, с. 265–270].

Таким образом, трансплантация органов – это не только медицинская, но и социальная, культурная, религиозная проблемы. Для её успешного развития необходимы междисциплинарные усилия: повышение осведомлённости населения, обучение специалистов, этическое регулирование и диалог с религиозными лидерами. Только при объединении всех этих факторов можно сформировать культуру донорства, основанную на уважении, ответственности и солидарности.

Несмотря на официальные разрешения со стороны многих религиозных организаций, на практике отношение к трансплантации

органов в верующих сообществах остаётся неоднозначным. Причина заключается не столько в догматических запретах, сколько в интерпретациях, уровне образования и отсутствии единой позиции среди духовных лидеров.

Во многих конфессиях допускается свобода личного выбора по вышеперечисленным проблемам. Однако в реальности, верующие нередко сталкиваются с противоречивыми мнениями от религиозных авторитетов, что приводит к растерянности. Например, в одной и той же общине можно услышать как поддержку донорства, так и утверждения о недопустимости вмешательства в тело после смерти. Такое противоречие формирует внутренний конфликт у человека, особенно в ситуациях, когда речь идёт о жизни и смерти. Кроме того, нерешённой остаётся проблема ритуальной чистоты тела. Даже в тех религиях, где официально донорство не запрещено, сохраняется традиционное требование к «целостности» тела при захоронении. Это может восприниматься как препятствие к посмертному донорству, особенно в сельских регионах Кыргызстана, где сохраняются устойчивые обычаи и страх «нарушить волю Всевышнего».

Немалую роль играют и социальные факторы: страх осуждения со стороны верующего окружения, недоверие к светской медицине, отсутствие разъяснений на языке религии. Люди редко слышат авторитетное богословское мнение о трансплантации на проповедях в религиозных школах. В результате тема остаётся «серой зоной», где доминируют личные страхи, а не этически взвешенные решения. Таким образом, даже при формальном отсутствии религиозного запрета, существует ряд внутренних и внешних барьеров, мешающих развитию культуры донорства. Преодолеть их возможно лишь при активном участии самих религиозных лидеров – через открытые обсуждения, просветительскую деятельность и готовность отвечать на моральные вопросы современного общества. Как мы отмечали выше, современная медицина рассматривает смерть как необратимую потерю функций головного мозга – смерть мозга. В исламе традиционно смерть связывают с остановкой сердца и дыхания. Тем не менее современное исламское богословие

признаёт смерть мозга при условии её соответствия принципам шариата, включая запрет на причинение вреда и необходимость сохранения жизни. «Если же кто-либо убьёт верующего преднамеренно, то возмездием ему будет Геенна, в которой он пребудет вечно. Аллахи разгневаются на него, проклянут его и приготовят ему великие мучения» (Сура Ан-Ниса, Аят 93) [2]. Этот аят подчеркивает запрет на убийство и важность защиты жизни, что служит основанием для разрешения донорства органов. Донорство органов в исламе допускается только после установленной смерти, при добровольном согласии донора или его семьи и с уважением к телу. Фетвы исламских учёных подтверждают этическую допустимость трансплантации как акта милосердия.

В христианстве донорство воспринимается как проявление любви к ближнему и гуманизма. Католическая церковь поддерживает пересадку органов при условии уважения к телу и свободного согласия, а также подчёркивает важность спасения жизни. Православная церковь занимает аналогичную позицию [3, с. 155–158].

Буддизм опирается на принципы сострадания и ненанесения вреда. Несмотря на традиционное требование целостности тела, донорство поддерживается как проявление сострадания, направленное на облегчение страданий и спасение жизни. При этом вопросы кармы вызывают у многих сомнения. Согласно буддийскому учению, карма – это причинно-следственная связь поступков, но помощь другим и сострадание считаются положительными действиями, улучшающими карму [4, с. 152–160]. Таким образом, донорство органов в буддизме считается благим поступком.

Преодоление трудностей, связанных с трансплантацией органов в религиозном и культурном контекстах, требует комплексного и системного подхода. В первую очередь необходимо наладить активный диалог между медицинским сообществом и религиозными лидерами. Религиозные авторитеты влияют на мнение многих людей, особенно в традиционных обществах. Поэтому их участие в обсуждениях, разъяснении этических и религиозных аспектов донорства способно значительно снизить страхи и предубеждения. Совместные конференции, круглые столы и просветительские

мероприятия помогут объединить научные знания и духовные ценности, создавая условия для принятия трансплантации как этически допустимого и гуманного метода лечения.

Важна также широкая информационная работа среди населения. Часто негативное отношение к трансплантации обусловлено недостатком достоверной информации, а также распространёнными мифами и ошибочными представлениями. Необходимо создавать доступные и понятные образовательные программы, использовать религиозную лексику и ссылки на официальные религиозные заключения, чтобы сделать информацию ближе и понятнее для верующих людей. Компании просвещения следует проводить не только в городах, но и в сельской местности, где традиционные взгляды и страхи могут быть особенно сильны.

Следующий важный шаг – совершенствование законодательства и этических стандартов в сфере трансплантации. Законодательство должно четко защищать права донора и реципиента, обеспечивать добровольность согласия и учитывать религиозные особенности населения. При медицинских учреждениях необходимо создавать этические комиссии, в которые входят представители различных религиозных организаций. Это позволит контролировать соблюдение норм и принимать решения, учитывающие как медицинские, так и духовные аспекты.

Ключевую роль играет соответствующее обучение медицинских работников. Врачи и медперсонал должны не только обладать профессиональными навыками, но и знать особенности культурных и религиозных взглядов своих пациентов. Это поможет им более эффективно общаться с пациентами и их семьями, объясняя сложные моменты и поддерживая доверие. Понимание и уважение к духовным убеждениям пациента способствует принятию им важнейших решений о донорстве.

Мы уверены, что важно также укреплять социальную поддержку донорства в обществе. В некоторых странах успешно применяются такие акции, как «День донора», встречи с людьми, получившими пересадку органов, создание групп поддержки для родственников доноров. Эти меры способствуют формированию

позитивного отношения к донорству, снимают социальное давление и уменьшают страхи, связанные с осуждением со стороны общества. При этом нельзя забывать о необходимости уважения к религиозным традициям и личному выбору человека. Никто не должен чувствовать себя вынужденным стать донором. Однако создание благоприятной среды, в которой донорство рассматривается как этически оправданный и социально значимый поступок, позволит повысить количество добровольных доноров.

Следует отметить, что развитие трансплантологии требует международного сотрудничества. Обмен опытом с ведущими медицинскими центрами и участие в международных программах позволит перенять лучшие практики интеграции медицинских, этических и религиозных стандартов, что будет способствовать развитию данной области в Кыргызстане и странах с похожими культурно-религиозными традициями.

Резюмируя, отметим, что решение проблем трансплантации органов, связанных с этико-религиозными аспектами, возможно только через объединение усилий медицины, религии, законодательства и общества. Формирование культуры донорства, основанной на взаимном уважении, просвещении и ответственности, позволит не только спасти больше жизней, но и укрепить моральные и духовные основы общества. Комплексный подход поможет достичь гармонии между наукой и верой, уважать человеческую жизнь на всех этапах и реализовать огромный гуманистический потенциал трансплантации органов.

Литература

1. *Аль-Карадави Ю.* Разрешённое и запретное в исламе / Ю. Аль-Карадави; пер. М. Саляхетдинова. – М.: Умма, 2007. – 352 с.
2. Коран / пер. с араб. акад. И.Ю. Крачковского. – М.: АНС-Принт – Новый стиль 1990. – 512 с.
3. Основы социальной концепции Русской православной церкви [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://drevo-info.ru/articles/24015.html> (дата обращения: 04.05.2025).
4. Далай-лама XIV. Этика для нового тысячелетия / Далай-лама; пер. Т. Голубева. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 240 с.

СЦИЕНТИСТСКИЙ МИФ И ЕГО АКТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Во все времена, любой эпохи и культуры, был, есть и, возможно, будет миф. Под мифом мы понимаем в общем плане повествование, в рамках которого люди осмысливают мироздание, историю и своё место в ней. Миф даёт представление о «сверхъестественных силах» в искусстве, науке, политике, религии, философии, объясняющее сущность мира и человека. Миф – это нечто, что не рефлексируется и не ставится под вопрос критики.

Если мы рассмотрим миф науки, то окажется, что его основной сутью является убеждение, и, что все блага, доступные человечеству, получены благодаря научной деятельности. В этих утверждениях заложена такая философская позиция, как сциентизм. Последний, одновременно представляет собой мировоззренческую установку, согласно которой наука есть высшая культурная ценность, и естественнонаучный метод является единственным законным путём познания реальности и установления истины. Должны ли мы быть уверены о том, что представления науки соответствуют реальности?

Проблема заключается в определении самой науки. Сциентисты пользуются этим термином не по причине того, что наука играет значительную роль в нашей жизни, а потому что сформировался определённый миф о величии науки, её связи с практикой и всеми благами общества.

Прояснение термина «наука» обычно не происходит во многих ситуациях, потому как может произойти частичное разоблачение «сакральной» силы науки как «высшего абсолюта», и которая генерирует новые технологии. Наука имеет разные определения: наука – это «сфера исследовательской деятельности, направленная на производство новых знаний о природе, обществе и мышлении и включающая в себя все условия и моменты этого производства: ученых с их знаниями и способностями, квалификацией и опытом,

с разделением и кооперацией научного труда; научные учреждения, экспериментальное и лабораторное оборудование; методы научно-исследовательской работы, понятийный и категориальный аппарат, систему научной информации, а также всю сумму наличных знаний, выступающих в качестве либо предпосылки, либо средства, либо результата научного производства» [1, с. 236]. К этому можно добавить, что наука это и теории, предлагающие эмпирическую фальсификацию своих позиций (критический реализм), и инструмент ориентации человека в природе и обществе, наука – некая академическая культура, сообщество (социальная ориентация). По мнению А.М. Анисова, «мы имеем три определения науки: (А) Наука – это система серьезных и обстоятельных рассуждений; (В) Наука – это верифицируемое знание; (С) Наука – это знание, требующее эмпирического подтверждения» [2, с. 123]. Из чего автор делает вывод: «Определение понятия наука – не итог, а начало рассмотрения феномена науки» [2, с. 126].

В сциентизме выстраивается своё противопоставление: наука, разум, рациональность, мышление, цивилизация, просвещение, объективность, практичность против ненаучных форм познания, глупости, иррациональности, веры, догмы, дикости, невежества, непрактичности.

Посредством средств массовой информации (интернет, телевидение, кино) в обществе сформировался устойчивый стереотип о том, что учёный – это всемогущий адепт науки и спаситель мира, на основе научных открытий создаются новые технологии. Но, строго говоря, инженерия и научное исследование – разные вещи, как и наука и технология.

Наука монополизировала сферу познавательных ценностей. Мы определяем значимость познавательных сфер по статусу «научности». Одна и та же сфера деятельности со статусом «научная» и «ненаучная» или «вненаучная» оцениваются совершенно по-разному. Проблема заключается не в определении науки, а в ее статусности: «учёный-исследователь» – занят делом, «исследователь-не-учёный» – хоть и занимается тем же самым, но воспринимается как человек, противостоящий истине. На этом

основании, часто можно услышать критику по отношению к философии: «философия – не наука, как, например, физика и, следовательно, она не обладает научно-познавательной ценностью. Даже, если мы согласимся с данным утверждением, возникает вопрос: во всех ли случаях необходимо доказывать научную ценность той или иной исследовательской деятельности?

Примечательно, что в общественном сознании сформировано твердое убеждение о том, что наука выступает против мифологии как антинаучного феномена. Подобные убеждения являются продуктами общественных стереотипов и фантазий человека. Сейчас принято верить в собственное неверие, поскольку слово «вера» (как и слово «догматик»), приверженец в данном случае не религиозных, а научных убеждений) обрело очень негативные коннотации, а потому человек по отношению к себе старается не использовать их. Но в действительности, в современном обществе, ни одна форма мировоззрения не располагает такой обширной мифологической историей, как наука [3, с. 68–74].

Несмотря на то, что наука и мифология – это два разных подхода к пониманию мира, у каждой из них есть свои уникальные характеристики. Можно выделить некоторые аспекты, в которых они могут пересекаться, например: объяснение явлений. Как наука, так и мифология стремятся объяснить явления, происходящие в мире. Мифология делает это через истории и символику, тогда как наука использует эмпирические данные и теории.

Культурный контекст. Оба подхода формируются в рамках определенной культуры и отражают её ценности, верования и мировосприятие. Научные теории могут быть восприняты по-разному в разных культурах, как и мифы.

Эволюция. И наука, и мифология со временем могут эволюционировать. Научные теории могут быть опровергнуты или уточнены новыми открытиями, тогда как мифы могут изменяться в зависимости от культурных и социальных изменений.

Функция объяснения. Мифология часто выполняет социальную и психологическую функции, помогая людям осмысливать свою жизнь и место в мире. Наука, в свою очередь, предоставляет более

объективные и проверяемые объяснения, но также может играть важную роль в формировании мировоззрения.

Символизм. Оба подхода могут использовать символы для передачи сложных идей. В мифологии символы могут представлять божества или идеи, в то время как в науке символы используются для обозначения переменных, единиц измерения и т. д.

Несмотря на эти пересечения, важно помнить, что наука основывается на методах наблюдения, эксперимента и проверки гипотез, тогда как мифология чаще всего опирается на традиции, верования и культурные нарративы. Однако проблема разграничения с наукой сложнее. Академик Г.И. Абелев отмечал, что «при ретроспективном взгляде на любую нашу область можно видеть, я думаю, не менее 80–90 % работ, гипотез и обобщений, в конце концов, не вошедших в сложившуюся систему научных представлений, то есть формально – ошибочных. Целые области в нашей науке оказались основанными на заблуждениях – например, идеи о ядре у бактерий, разрабатывавшиеся много лет... Но никому и в голову не приходит отнести эти исследования и идеи к псевдонауке» [4].

В этой связи важно иметь в виду, что помимо научного утверждения необходимо иметь способность услышать альтернативные суждения. Догматизм науки вреден, как и в любой другой области. В интеллектуальной сфере необходима конкуренция (аргументация, критика, дополнение представлений), поскольку «внутренней» самокритики не всегда бывает достаточно.

Литература

1. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
2. Анисов А.М. Что такое наука? / А.М. Анисов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2011. – № 3. – С. 120–130.
3. Елацков А.Б. Геополитика: наука и мифология / А.Б. Елацков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – № 1. – С. 68–74.
4. Пружинин Б.И. Псевдонаука сегодня / Б.И. Пружинин // Вестник РАН. – 2005. – Т. 75. – № 2. – С. 117–125.

ЭТНОЦЕНТРИЗМ И СОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

В современном обществе процесс коммуникации приобрел всеобъемлющий характер. Люди все чаще меняют среду проживания и общения, поэтому вопрос понимания и способах вхождения, расшифровки новой социокультурной реальности, приобретает сегодня столь острый и актуальный характер. В процессе межкультурной коммуникации раскрывается специфика национального характера народа, возможности его дальнейшего развития. Социальное движение сегодня невозможно вне межкультурной коммуникации и обогащения новыми знаниями. Культура, как и сам человек, всегда изменяются и не могут существовать только старым багажом. Человек меняет свои вкусы, взгляды, окружение, работу, сам образ жизни, реализуя при этом свои ценности и потребности.

Социальный мир сложен и противоречив, поэтому необходимо сделать его более понятным, следовательно, более предсказуемым. Необходимо найти некий алгоритм, создать «картинку в голове», согласно которой можно жить и вступать в контакты с другими людьми, которые могут быть похожи или не похожи друг на друга. Большую роль здесь играют уже сложившиеся представления, или стереотипы.

Обычно мы не придаем особого значения и даже не замечаем самого процесса формирования стереотипов. Порой возникает впечатление, что человек с ними рождается. Но в действительности стереотипы обусловлены нашей историей, культурой, национальными особенностями и социальным окружением: «В большинстве случаев мы не сначала видим, а потом даем определение, мы сначала определяем для себя то или иное явление, а потом уже наблюдаем его. Во всей ... неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам наша культура, и мы имеем очевидную тенденцию воспринимать эту информацию в форме стереотипов» [1, с. 64].

В то же время культура любого народа уникальна, она обусловлена историей развития общества, выступает, как мера и способ реализации сущностных сил человека, их использование и реализация в процессе деятельности. Это сложная система ценностей, каждый элемент которой имеет определенный смысл и значение. Постигание даже родной культуры – это долгий процесс приобщения, понимания ее функций и значений, начиная с самого рождения человека. Для представителя другого народа, другой культуры этот процесс становится сложнее вдвойне. Сталкивается свое, понятное, родное с непонятным и чужим, идет сложный процесс восприятия и интерпретация нового. Конечно, этот поиск ответов с необходимостью будет иметь в основании доминанты собственной культуры, постоянное обращение к ней и сравнение.

В процессе коммуникации культура определяет свое место и значение в мире, как и ее носитель – сам человек. При этом «своя» культура выступает как эталон, образец правильности, истинности, что, с другой стороны, может привести к сложностям в отношениях между народами. Культуры самобытны, иногда совершенно несхожи и даже противоречивы. Соответственно, отличается и набор существующих стереотипов в ее восприятии.

Различные формы мировоззрения, убеждения, идеалы и ценности неминуемо столкнутся в процессе общения. Казалось бы, существование культурных различий должно стимулировать и обогащать наше сознание, расширять его границы. К сожалению, наши ожидания не всегда соответствует действительности. Довольно часто мы сталкиваемся с проявлением высокомерия и собственной исключительности, нежеланием понимать и принимать иную культуру, считая другой уклад жизни «недостаточно развитым и низким» в сравнении с собственным миропониманием, то есть сталкиваемся с этноцентризмом.

Этноцентризм имеет глубокие корни в самой истории человечества. Неоднократно предпринимались попытки «окультурить» другие народы любыми способами, включая силу. Еще Тит Ливий писал: «С чужаками, с варварами всякий грек был и будет в вечной войне, ибо не что-либо изменчивое и временное,

а непреложный закон природы заставляет их питать взаимную вражду» [2, с. 511].

Культурный конфликт здесь преломляется всегда на самом важном для человека уровне, а именно: в индивидуальном сознании, где и проявляется этноцентризм как явный, так и скрытый. Как правило, этноцентризм выполняет функцию социальной дифференциации и разобщения [3, с. 75]. Так, в настоящее время российское общество сталкивается с европейским этноцентризмом, в его резкой, воинствующей форме, выраженной в подозрительности, ненависти, обвинении во всех своих проблемах. С тем, что Ф. Ницше и М. Шеллер называли ресентиментом [4, 5], то есть одновременно с неприятием «чужих» норм идет активное внедрение, навязывание своих «правильных» идеалов и ценностей.

В принципе, этноцентризм как социальное явление, многосторонен и неоднозначен. Он может проявлять себя и с позитивной стороны, например, в период социальных катаклизмов, когда необходима сплоченность общества. Проявление этноцентризма зависит от актуального состояния общества, специфики его исторического развития. Например, многие евразийские народы, имеющие коллективистскую культуру, являются этноцентричными. Его наличие обусловлено ростом национального самосознания, особенностями формирования собственной политической системы, содержанием национального характера, системой социальных отношений, уровнем образования, историческими условиями и т. д.

Представляется, что проявления этноцентризма, особенно его негативных сторон, во многом обусловлены стереотипами восприятия. Чтобы принять и понять чужую культуру в нее необходимо погрузиться, уметь коммуницировать с новой и непривычной для себя действительностью.

При этом человеку сложно расставаться со своим стереотипами, что вполне понятно. Людям свойственно полагать единственно верными, прежде всего, свои сложившиеся взгляды и убеждения. Обыватель не всегда готов их анализировать, сравнивать, критиковать, к тому же, это отнимает время и силы. Кроме того, стереотипы являются важным элементом самоидентификации личности.

Конечно, какие-то общие черты стереотип способен схватывать и отражать, в нем имеется «зерно истины», но оно не может заменить собой богатство характеристик и индивидуальность людей. Реальный мир и люди не всегда соответствуют их образу в нашем сознании, но при этом вместо того, чтобы признать свои ошибки, мы заявляем, что «так бывает» или это «исключение из правил». В результате люди оказываются не в состоянии принять «непохожесть» другого человека и его культуры. Напротив, наделяют их уже готовыми, схематичными свойствами и образами. Жесткость, негибкость подобных стереотипов создает большие сложности в общении, они могут выступать фундаментом национализма, расизма, и вести к процессам дискриминации.

Место стереотипов в межкультурной коммуникации. Исследователи отмечают, что чаще всего стереотипы очень поверхностны, некорректны и даже примитивны. Для стереотипного мышления просто неинтересны индивидуальные особенности и различия между людьми. В результате наша психика освобождается от постоянного анализа и размышлений, все происходит в соответствии с привычной схемой [6, с. 1–5]. Эту особенность стереотипного мышления часто используют политические силы с целью манипулирования общественным сознанием. С помощью подконтрольных СМИ и «лидеров общественного мнения» эти силы создают иллюзию знания другой культуры в ее упрощенном виде, навязывают определенные вкусы, ценности и т. д. Если к этому добавить отсутствие времени, способности и просто желания анализировать каждый факт, особенно если он заряжен эмоционально, становится понятным желание масс принять привычную «картину мира» и зафиксировать свое место в ней. Так в сознании общества формируется требуемое отношение к реальности, поделенной на «врагов» и «друзей».

Проблема толерантности в восприятии той или иной культуры – одна из важных в современной действительности. Если человек не хочет понимать и принимать особенности другого народа, другой культуры, то ему гораздо легче сделать заключение об их неправильности, абсурдности или чуждости «нормальному»

человеку. Интересно в этой связи замечание А.Т. Бейшеновой: «Древние греки, по сути, вынуждены были создавать образ врага, который в полном соответствии с самой логикой борьбы, непримиримого противостояния, должен был носить отрицательные черты, а сами греки ... должны были быть живым воплощением положительных качеств» [7, с. 117].

Действительно, человек в своей жизни постоянно пытается найти и опираться на таких людей, чьи взгляды, можно охарактеризовать, как «свои». Такие суждения понятны, надежны, привычны и безопасны в отличие от «чужих» убеждений [8, с. 49]. В данном контексте следует отметить, что существуют автостереотипы и гетеростереотипы. Например, говоря о своей культуре, обычаях, языке, мы стараемся подчеркнуть их достоинства – долгую историю, богатство содержания и т. п. Характеризуя иную культуру, мы изначально настроены критично. Одни и те же особенности и свойства мы оцениваем по-разному. В одном случае говорим – непосредственность, в другом – беспардонность. У нас – широта души и размах, а у других – расточительность и т. д. Такое возможно, если цель – дать негативную оценку «чужой» культуре [9].

Подвергаться сомнению и критике может все: ценности и нормы, религия и мораль, понятие о прекрасном и безобразном, добре и зле. Таким образом, культивируя чувство гордости за свою культуру, одновременно очерняя ценности другого народа, мы видим отчетливое проявление этноцентризма, который, с его укоренившейся системой стереотипов, стремится изолировать одних людей от других. Сформировать уничижительное отношение одной культуры по отношению к другой [10].

Вместе с тем понятно, что людей, полностью свободных от стереотипов, не существует. Конечно, степень стереотипизации их мышления разная, поскольку это зависит от многих факторов. Социальная среда и опыт взаимодействия с другими культурами, воспитание, образованность, особенности характера и другие факторы – все это в той или иной мере определяет содержание и устойчивость стереотипов. Чем больше опыт взаимодействия, чем больше в нем контактов с «другими», тем легче человеку принять иной образ жизни и ценности культуры.

Стереотипы являются неким основанием восприятия мира: они формируются на определенной системе ценностей, убеждений. Стереотипы помогают экономить наше время в процессе познания и узнавания. Благодаря им мы имеем определенные ожидания и способы прогнозировать обратную связь, создавать модель поведения. Стереотипы способствуют самоорганизации и дают ощущение некоего контроля ситуации, помогают объяснить свое поведение, при необходимости оградить себя от агрессивной среды.

В целом, пусть и поверхностно, стереотипы могут характеризовать определенные национальные признаки группы, ее типичные черты. Но сама расстановка плюсов и минусов, определение явления, как хорошего или плохого, навешивание ярлыков, ведут к тому, что стереотип выступает как негативное явление, поскольку способность мыслить критически дана не всем и не всегда. В одном случае мы вполне рассудительны и разумны, способны анализировать, сопоставлять, делать выводы, но как только человек оказывается в определенной группе или под влиянием толпы, вся разумность пропадает. «Взятый в отдельности, каждый из нас, в конечном счете, разумен; взятые же вместе, в толпе, во время политического митинга или даже в кругу друзей, мы все готовы на самые последние сумасбродства» [11].

В идеале стереотип должен быть основой для коммуникации, помогать знакомиться с новой культурой и способствовать быстрой обработке поступающей информации. Конечно, человеку при контактах с другими народами и культурами приходится сталкиваться с процессом изменения собственных стереотипов. Это достаточно сложная умственная работа, которая связана с поиском корней своих стереотипов, их возможным пересмотром или заменой. Однако для успешного взаимодействия необходимо уметь ломать «ментальные ярлыки» и стремиться понять культуру тех, кто для нас являются «другими».

Литература

1. *Липпман У.* Общественное мнение / У. Липпман; пер. с англ. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

2. *Альбрехт М.И.* История римской литературы: в 3 т. Т. 2. / М.И. Альбрехт. – М.: Греко-Латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2002. – 704 с.
3. *Зинченко В.Г.* Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учеб. пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Карнозе. – М.: Флинта, 2021. – 223 с.
4. *Ницше Ф.* К генеалогии морали // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – 424 с.
5. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер; пер. с нем. – СПб.: Наука; Университетская книга, 1999. – 231 с.
6. *Ильюшкин В.В.* Стереотипы межнационального восприятия / В.В. Ильюшкин // International scientific review. – 2014. – № 1. – С. 1–5.
7. *Бейшенова А.Т.* О некоторых конфликтных аспектах в отношениях между Востоком и Западом / А.Т. Бейшенова // Вестник КРСУ. – 2016. – Т. 16. – № 10. – С. 115–118.
8. *Павловская А.В.* Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации / А.В. Павловская // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – № 1. – С. 12–20.
9. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 352 с.
10. *Садохин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / А.П. Садохин. – М.: КНОРУС, 2014. – 254 с.
11. *Брушлинский А.П.* Социальная психология в России и теория С. Московичи / А.П. Брушлинский [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://psihologiyaotnoshenij.com/stati/vek-tolp-moskovichi-analiz-socialnaya-psihologiya-v-rossii-i-teoriya-serzha-moskovichi> (дата обращения: 23.05. 2025).

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ СНИЖЕНИЯ У СОВРЕМЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ

Критическое мышление – это сложный когнитивный процесс, включающий в себя интерпретацию, анализ, оценку и осмысление информации с целью формирования объективных выводов. Такое мышление позволяет человеку не только отличать достоверные факты от манипулятивных данных, но и принимать осознанные решения в условиях избыточного информационного потока. Однако современные тенденции свидетельствуют о снижении интереса молодежи к философии и гуманитарным наукам, что негативно сказывается на развитии критического восприятия реальности. Согласно исследованиям [1, 2], неспособность к аналитическому мышлению становится масштабной социальной проблемой. В виду цифровизации общества распространение фейковых новостей, конспирологических теорий и дезинформации становится возможным в связи с недостатком навыков критического анализа.

Серьезным фактором, способствующим ослаблению критического мышления, является повсеместное использование цифровых технологий. Постоянное взаимодействие с гаджетами изменяет когнитивные процессы, снижая объем оперативной памяти и стрессоустойчивость [3, 4]. По данным зарубежных исследователей, обилие информации в сети приводит к формированию поверхностного стиля мышления, когда люди ограничиваются беглым просмотром материалов, не анализируя их содержание в достаточной мере [5]. Это явление получило название «клиповое мышление» и является одной из ключевых проблем современного образования. Дополнительным препятствием для развития критического мышления становится так называемый «информационный пузырь» – ситуации, в которых человек получает исключительную информацию, подтверждающую его существующие взгляды и убеждения [6].

Алгоритмы социальных сетей и поисковых систем подстраивают контент под интересы пользователя, что снижает его способность и доступность к восприятию альтернативных точек зрения. В результате чего возникает эффект когнитивного искажения, который усугубляет поляризацию мнений и препятствует объективному анализу ситуации.

Таким образом, критическое мышление находится под угрозой ввиду сочетания нескольких факторов: снижения интереса к философии и аналитическим наукам, чрезмерного влияния цифровых технологий, формирования клипового мышления и информационных пузырей. Вопрос о решении этих проблем является актуальным не только в контексте образования, но и в сфере общественно-го развития и формирования информационной культуры.

Интенсивное и неконтролируемое развитие современного общества и науки, особенно информационно-технологической составляющей, ведет к упрощению структурной организации мыслительного процесса, созданию так называемого «клипового мышления», а также к уменьшению объема анализа поступающей информации, что приводит к практическому сокращению больших текстов, объемных работ (в том числе и на философскую тематику: сокращение содержания, упрощение структуры текста, использование популяризированной информации). При этом возможно допущение критически важных ошибок восприятия в сфере политологии, социологии, философии и здравоохранения («эффект подтверждения», то есть склонность выбирать лишь ту информацию, которая согласуется с личными убеждениями человека, что возвращает нас к проблеме информационных пузырей).

Для анализа проблемы использованы эмпирические исследования последних пяти лет, посвященные когнитивным способностям молодежи. Сравнительный метод позволил выявить различия в критическом мышлении между поколениями. Также были рассмотрены статистические данные влияния цифровых технологий и искусственного интеллекта (ИИ) на когнитивные способности и восприятие информации [7, 8]. В качестве примера приведена исследовательская работа студента КГМА Аль-Рубаи Абдусамад

Хусам Гадбан на предмет влияния ИИ на обучение студентов, степень их веры в способности нейросети, а также дальнейшие возможности его применения в образовательной сфере.

По результатам исследования были сделаны следующие выводы:

1. 92 % считают допустимым использовать его для объяснения сложного материала.
2. 87 % студентов хотя бы раз использовали ChatGPT для учёбы.
3. 63 % используют его регулярно (еженедельно или чаще).
4. 58,3 % считают, что имеются ошибки в информации.

Наиболее популярные цели использования:

- поиск объяснений по сложным темам (76 %);
- подготовка к экзаменам (58 %);
- составление конспектов и рефератов (41 %).

Автор поставил вопрос грамотного применения языковых моделей (ИИ), так как респонденты отмечают снижение критического мышления, что статистически отражено в его исследовании.

Выраженную автором точку зрения подтверждает и более широкая работа Михаэля Герлиха (AI Tools in Society: Impacts on Cognitive Offloading and the Future of Critical Thinking, 2025), в которой отмечается: «...значительная отрицательная корреляция между частым использованием ИИ и критического мышления...» [9].

Помимо явного риска снижения критического мышления, стоит также отметить и возможные риски со стороны психического здоровья: расстройства адаптации, когнитивные разгрузки и амнезии.

Расстройство адаптации (РА), согласно DSM-5 (2013), относится к стресс-индуцированным реакциям с выраженной эмоциональной или поведенческой дезадаптацией. В то же время критическое мышление (КМ) – это не только когнитивная активность, но и часть метакогнитивной регуляции поведения и эмоций [10]. Анализ показывает, что КМ способствует формированию конструктивных копинг-стратегий и снижает уровень иррациональных установок (Facione, 2015).

В исследовании Ursu&Măirean (2022) зафиксирована взаимосвязь между когнитивными и эмоциональными стратегиями адаптации. Было показано, что высокие показатели КМ связаны с:

- менее выраженными тревожными реакциями;
- активным поиском решения проблем;
- способностью к позитивной переоценке событий.

Верность данного исследования подтверждает и Т.Г. Дружина в своей работе «Критическое мышление как фактор формирования психологических защит после перенесенного стрессового расстройства». Она показывает, что:

А. При повышенном использовании критического мышления растет адаптация человека (в данном случае комбатантов) к стрессовым условиям и факторам, сокращается период реабилитации, более вероятно использование высших механизмов психологической защиты.

Б. Напротив, при сниженном критическом мышлении растет дезадаптация, повышается вероятность использования низших механизмов психологической защиты. Это может быть чревато появлением или развитием психических заболеваний ПРЛ (проекция, пассивная агрессия и эмоциональный ипохондризм), паранойи, шизофрении (дезорганизованной фазы) и т. д.

Когнитивная разгрузка – черта человеческого интеллекта, согласно которой он переносит часть своих процессов на созданные им устройства. Еще с античности, философы и ученые были озабочены данным процессом: с одной стороны он давал преимущества, с другой же имел серьезные минусы [11, с. 101–104].

К примеру, в «Федре» Платона Сократ описывает, как египетский бог Тот, изобретатель письменности, пришел к фараону Египта Тамусу и предложил даровать своё великолепное изобретение египетскому народу. «Эта наука, царь, сделает египтян более мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости», – сказал Тот египетскому владыке. Но Тамус не хотел принять дар: «...он несет забывчивость в души тех, кто его изучает: они не будут практиковать использование своей памяти, потому что будут доверять письму, которое является внешним и зависит от знаков,

принадлежащих другим...». Платон, отчасти, иронизирует и вкладывает этот рассказ в уста Сократа. Тем не менее аналогичное утверждение вполне может быть применено и по отношению к другим «изобретениям» интеллекта человека: калькуляторы, ЭВМ, наконец, интернет [12].

Именно в связи с последним появилась новая концепция: «цифровая амнезия» (имеющая как сторонников, так и противников), кратко ее проявление можно охарактеризовать следующим образом: если информацию можно найти, испытуемые склонны запоминать меньше. Из положительных аспектов можно привести в пример концепцию «трансактивная память» или групповое мышление, каждый индивид является носителем определенной части информации, тогда как коллектив, группа – при сборе всех индивидов обладает всей полнотой информации.

В результате проведенных исследований, по мнению исследователей, можно выделить следующие характеристики мышления современного поколения:

- рост клипового мышления и снижение способности к длительному сосредоточению [3, 5];
- упрощение структуры восприятия информации: предпочтение коротких текстов и визуального контента;
- высокая подверженность эффекту подтверждения [2];
- в отличие от поколений, выросших в условиях ограниченного доступа к информации, современное поколение воспринимает информацию преимущественно поверхностно [4];
- снижение аналитических способностей: проявляется в трудностях при выявлении манипуляций в медиапространстве [1].

В процессе исследований были выявлены обстоятельства, способствующие снижению критического мышления, в частности это:

- доминирование цифровых платформ, создающих персонализированные информационные пузыри. К таковым можно отнести: социальные сети, в особенности: Instagram, TikTok; маркетплейсы, некоторые браузерные игры и т. п. [6];
- культура мгновенного удовлетворения потребностей, снижающая терпимость к сложным задачам.

Данные действия можно развернуть в следующей простой физиологической схеме:

- во-первых, сложное действие – формирование мотивирующего фактора с затратой энергии – анализ действия – затрата энергии – получение результата. Как видно, на формирование мотивирующего фактора и на осуществления действия необходима энергия;
- во-вторых, с точки зрения принципа наименьшего противодействия или минимальной затраты энергии: действие – затрата энергии – результат, то есть снижается затрата энергии на формирование мотивирующего фактора, что в итоге является более выгодным для мозга.

Современное поколение сталкивается с новыми вызовами, которые оказывают влияние на развитие критического мышления. Искусственный интеллект, цифровые технологии и изменившиеся образовательные подходы играют ключевую роль в этом процессе. Решением проблемы может стать усиление роли философии и логики в образовании, развитие медиа-грамотности и осознанное использование ИИ в обучении. Особенно важно это в сфере социологических [10, 11, 14–16] и медицинских наук. Для достижения данного эффекта возможно применение новых методов обучения с привлечением ИИ и постепенным наращиванием осмотрительности по отношению к его использованию; это может быть: информирование о степени недостоверности предоставляемых работ, предвзятости и неэтичности данных (в зависимости от владельца или страны-владельца платформы ИИ), передачи конфиденциальных данных третьим лицам; информирование, что ИИ, в первую очередь, продукт обработки всего интернет-пространства, в том числе и непроверенных или заведомо ложных источников информации; во вторую очередь – в ходе машинного обучения ИИ могут случаться сбои.

Искусственный интеллект может «придумывать» информацию, максимально достоверную, но не имеющую отношения к реальности, поскольку не способен делать четкие, позитивистски интерпретируемые выводы о действительной реальности. Вместо этого,

ИИ создает свою реальность, которая служит основой для ограниченных выводов [16].

Словом, искусственный интеллект может как улучшать аналитические навыки, так и усугублять пассивное восприятие информации. В этой связи важно, чтобы исследования в данной сфере, были направлены на поиск сбалансированных методов развития критического мышления, как необходимого условия жизнедеятельности современного общества.

Литература

1. *McPeck J.E.* Critical Thinking and Education. New York: St. Martin's Press; 2020.
2. *Stanovich K.E.* Rationality and the Reflective Mind. Oxford University Press; 2021.
3. *Carr N.* The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. New York: W. W. Norton & Company; 2020.
4. *Greenfield P.M.* Mind and Media: The Effects of Television, Computers, and Video Games. Harvard University Press; 2021.
5. *Wolf M.* Reader, Come Home: The Reading Brain in a Digital World. Harper; 2018.
6. *Pariser E.* The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press; 2019.
7. *Kahneman D.* Noise: A Flaw in Human Judgment. Little, Brown Spark; 2021.
8. *Sunstein C.R.* Too Much Information: Understanding What You Don't Want to Know. MIT Press; 2020.
9. *Gerlich. M.* AI Tools in Society: Impacts on Cognitive Offloading and the Future of Critical Thinking. Kloten-Zurich: Center for Strategic Corporate Foresight and Sustainability, SBS Swiss Business School, 2025.
10. *Денисова Е.Г.* Эмоционально-личностные и метакогнитивные предикторы психологического благополучия студентов в современных условиях / Е.Г. Денисова, П.Н. Ермаков, И.В. Абакумова, Н.В. Сылка // Психологическая наука и образование. – 2022. – № 5. – Т. 27. – С. 85–96;

11. *Дружбина Т.Г.* Критическое мышление как фактор формирования психологических защит после перенесенного стрессового расстройства / Т.Г. Дружбина // Омский Научный Вестник. – 2008. – № 4 (69). – С. 101–104.
12. *Платон. Федр* / Платон; пер. А.А. Глухова. – СПб.: Изд-во РХГА, 2017. – 232 с.
13. *Newport C.* Digital Minimalism: Choosing a Focused Life in a Noisy World. Penguin Publishing Group; 2019.
14. *Christian B.* The Alignment Problem: Machine Learning and Human Values. W. W. Norton & Company; 2020.
15. *Минасян С.М.* Развитие критического мышления у поколения Alfa: сравнительный анализ с предыдущими поколениями / С.М. Минасян, М.А. Дарбинян // CCS&ES. 2024. №2.
16. *Вешнева И.В.* Технологии искусственного интеллекта: классификация, ограничения, перспективы и угрозы / И.В. Вешнева // Известия Саратовского ун-та. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2023. – № 4.

Р.Ч. Инаркиев, Ю.В. Ли

ПАТРИОТИЗМ Z-ПОКОЛЕНИЯ: ЦЕННОСТИ, ВЫЗОВЫ И ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

С 2020 года по настоящее время считается, что мировая экономика находится в фазе спада, переходящего в депрессию. Причинами наступления данной фазы и изменения современной конъюнктуры экономики послужил ряд факторов, в частности рост глобальной нестабильности, социальная напряжённость, научный прогресс в технологическом секторе.

Сложившаяся ситуацию напрямую повлияла на возрастающий уровень патриотизма в ряде стран по всему миру. В одних государствах инициатором этого процесса выступает правительство, заинтересованное в проведении патриотического воспитания населения

с целью формирования лояльности к государственной политике. В других странах основными носителями и кураторами патриотических настроений, как правило, являются представители правых и ультраправых движений.

Для комплексного понимания современного феномена патриотизма необходимо рассмотреть развитие патриотических идей в различные исторические эпохи и особенности их воплощения в разных странах.

Патриотизм (*греч.* πατριώτης – «соотечественник», πατρίς – «родина», «отечество») – это социальное чувство, выражающее высшую, вплоть до готовности пожертвовать своими витальными и экзистенциальными потребностями, степень привязанности (любви) человека к родине.

Как социальное чувство патриотизм был известен человечеству издревле. В разные эпохи менялся объект патриотизма. В каменном веке после появления родоплеменных общин непосредственно патриотизм был направлен на родовую общину, что было связано с кровным родством и невозможностью выжить за пределами общины. С ростом городов и усилением социального неравенства ценности, формирующие патриотизм подлежали изменению. Впервые патриотизм в качестве зрелого социального феномена появился в Античную эпоху.

Вероятно, предтечей патриотизма выступало понятие «арете», которое означало высокое нравственное качество и было присуще героям мифов и представителям благородных сословий. Постепенно данное понятие демократизировалось и политизировалось. В учениях Платона «Государство» и «Законы» «арете» превращается в стремление к справедливости как высшей добродетели, к которой должен тянуться как обычный человек, так и государство [1, 2]. Ученик Платона Аристотель придавал «арете» значение гражданской добродетели в своём труде «Политика» [3]. Патриотизм для него – это активное участие в делах государства и преданность общему благу.

Если в Античности *patria* (родина) объединяла в себе разные чувства граждан – религиозные, политические, этические, –

то в раннее Средневековье такое понимание практически исчезло, так как патриотизм проявлялся по отношению к своему господину, а не к родине. Со временем слово *patria* стала востребовано в церковном политическом лексиконе и стало пониматься как Царство Небесное. Один из самых ярких мыслителей того периода, Фома Аквинский, обозначил своё виденье патриотизма в работе «Сумма теологии» [4]. В нём он рассматривает патриотизм как часть добродетели справедливости, где человек обязан любить и почитать свою родину после Бога и родителей. Со временем ввиду процесса секуляризации *patria* стало обозначать национальные монархии.

В период Ренессанса произошло ослабление религиозного чувства, выступавшего в качестве субститута патриотического чувства, и, как следствие, это привело утверждению светского патриотизма в качестве ценности формирующегося «буржуазного общества». Данные идеи можно увидеть в работах философов того времени. Например, Жан-Жак Руссо писал в работе «Общественный договор», что поддерживает идею активного гражданства, где в данной системе патриотизм – это преданность законам, сформированным общей волей народа [5].

Существует определённая классификация патриотизма по ряду факторов: по объекту лояльности, по форме проявления патриотизм. В зависимости от того, что понимается под объектом лояльности, различают следующие виды патриотизма: племенной (объект лояльности – семья, племя); местный (объект лояльности – село, город); национальный (объект лояльности – нация, народ, история и культура народа, социальные ценности народа); государственный (объект лояльности – государство); классовый (объект лояльности – социальный класс); корпоративный (объект лояльности – организация, которая с точки зрения человека выражает общественные интересы).

В зависимости от форм проявления патриотизма различают: патриотический индифферентизм (безразличное, равнодушное отношение к объекту патриотизма, вплоть до его полного забвения); аффективный патриотизм (активное проявление патриотических чувств, вызванное глубоким переживанием своей принадлежности к объекту патриотизма).

А.В. Кошкин в своей работе «Горизонт диалектики» выдвинул свою концепцию диалектического понимания патриотизма и двух его выражений: реакционного патриотизма, склонного к противостоящей переменам реакции, и проактивного патриотизма, который, наоборот, совершенно четко основывается на детерминации «наши»/«не наши» и борется с объединением интересов всех со всеми, и его установка связана с невозможностью жизни по-старому и необходимости перемен для скорейшей трансформации социальной реальности, в которой находится Родина, в принципиально новую форму [6].

Также следует чётко различать патриотизм и национализм. Выделяют объекты, на которые направлено чувство в случае патриотизма и национализма. Так, если объектом привязанности в случае патриотизма выступает государство, то в случае национализма – нация. Для национализма характерны: идеализация нации и её истории; культивирование чувства национального превосходства; согласие с национальными авторитетами; придание крайне высокого значения привязанности к национальной группе; определение самосознания личности через групповую принадлежность; подавление амбивалентных установок по отношению к нации; определение нации в терминах культуры; представление о нации как о гомогенной общности; высокая вероятность принятия чужой нации при социальном сравнении. Патриотизм же характеризуется: адекватной оценкой национальной привязанности; критическим отношением к своей национальной группе, её оценкой с точки зрения личностных представлений о «добре» и «зле»; плюрализмом и зачастую критическим отношением к истории нации; критическим отношением к национальным авторитетам.

Одним из наиболее наглядных проявлений патриотизма стали мужество и самоотверженность народов Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Нападение нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 года сопровождалось ожиданиями со стороны немецкого военного командования о возможной дестабилизации политической обстановки внутри страны и перерастании её в гражданский конфликт. Однако эти расчёты не оправдались:

вопреки прогнозам, советские народы не восприняли вермахт в качестве освободительной силы от существующего режима. Напротив, произошло масштабное национальное единение, направленное на отражение агрессии и защиту Отечества, что стало свидетельством глубоко укоренённого патриотического сознания и высокой степени гражданской ответственности.

Патриотизм в период Великой Отечественной войны выступил как важнейший мобилизационный ресурс советского общества, сыграв ключевую роль в объединении нации перед лицом внешней угрозы. Он проявлялся не только в самоотверженности и массовом героизме на фронтах, но и в трудовом подвиге гражданского населения в тылу. Патриотические чувства укрепляли внутреннюю моральную устойчивость личности, способствовали преодолению страха, лишений и неопределённости. Война воспитала глубинную привязанность к родной земле, к исторической памяти, культурным символам и коллективной идентичности, сделав патриотизм важным элементом духовного сопротивления агрессору.

Особое значение имела всенародность военного патриотизма, выходящего за рамки идеологических установок и официальной риторики. Патриотизм носил экзистенциальный характер, проявляясь в конкретных действиях: в защите родного дома, сохранении культурных традиций, заботе о будущем поколения. Он объединял людей различных национальностей, социальных слоёв и мировоззрений, формируя общее чувство ответственности за судьбу Отечества.

После начала Специальной военной операции в России наблюдается заметный подъём патриотических настроений традиционно-го течения среди части Z-поколения. В условиях геополитической напряжённости молодёжь всё чаще начинает осознавать значимость национальной идентичности, истории и культурных корней. Обуславливается данный патриотический подъём не только воздействием внешних факторов, но и пропагандой правительства России. Возрастание патриотических настроений несёт как положительные, так и негативные последствия для народов России. Несомненно, что популяризация патриотизма среди молодого

поколения формирует у них активную гражданскую позицию. Многие подключаются к волонтерским движениям, гуманитарным инициативам, участвуют в патриотических акциях и проектах, направленных на поддержку армии, беженцев и пострадавших. Для нового поколения патриотизм приобретает формы цифровой активности – от создания информационных материалов до участия в онлайн-платформах, где продвигаются национальные смыслы и ценности.

Несмотря на положительное влияние патриотизма в России, в настоящее время можно выделить ряд серьёзных проблем, связанных с этим явлением. Одной из ключевых является резкая поляризация общества на леволиберальные и правоконсервативные взгляды, что уже привело к масштабной эмиграции из страны. Дефицит человеческих ресурсов становится сдерживающим фактором для экономического развития Российской Федерации, что подтверждается заявлениями главы Банка России Эльвиры Набиуллиной [7]. Поляризация, в свою очередь, может спровоцировать радикализацию отдельных слоёв общества, что чревато ростом ксенофобии и нетерпимости по отношению к другим народам на фоне продолжающегося военного конфликта.

Цифровая эпоха и глобализация кардинально изменили восприятие мира у молодого поколения. Открытый доступ к информации, возможность свободного общения с представителями разных культур и наций способствуют формированию универсальных ценностей – стремления к самореализации, свободе, критическому мышлению. Молодёжь всё чаще ориентируется на индивидуальные достижения, развитие личностного потенциала, право на собственное мнение. В этом контексте патриотизм может восприниматься как нечто архаичное или ограничивающее свободу, если он подаётся исключительно как безусловная лояльность к государству.

Однако современное понимание патриотизма может и должно развиваться в гармонии с новыми ценностями. Патриотизм Z-поколения – это не слепая преданность, а осознанная любовь к своей стране, сопряжённая с критическим отношением к её проблемам и стремлением к её улучшению. Самореализация может

включать в себя вклад в развитие общества, свобода – означать ответственность за происходящее вокруг, а критическое мышление – стремление сделать родину лучше. Таким образом, патриотизм перестаёт быть противоположностью глобальных и личностных ценностей, а становится их логическим продолжением.

В условиях глобализации и цифровизации патриотизм приобретает новые формы – он становится более гибким, личностным и рациональным. Молодёжь выражает свою гражданскую позицию через участие в общественных дебатах, создание цифрового контента, борьбу с фейками и дезинформацией, поддержку прав человека. Патриотизм XXI века – это умение видеть ценность своей страны на фоне глобального мира и вносить вклад в её развитие с позиции информированного, свободного и ответственного гражданина.

Современные вызовы патриотическому воспитанию во многом связаны с изменением информационного пространства. Информационные войны, потоки фейков, манипуляции историей создают у молодёжи искажённое представление о прошлом и настоящем своей страны. Критическое мышление, с одной стороны, становится защитным инструментом, а с другой – может привести к циничному отношению к патриотическим ценностям, если информация не подкреплена достоверными источниками и живыми примерами. Без личного опыта и подлинных историй о подвигах и трагедиях родины патриотизм рискует превратиться в абстрактное или формальное понятие.

Литература

1. *Платон. Государство* [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Platon_Gosudarstvo.pdf (дата обращения: 22.05.2025).
2. *Платон. Законы*. М.: Мысль, 1999. – 830 с.
3. *Аристотель. Политика* [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (дата обращения: 22.05.2025).
4. *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I*. Издательство: Киев: Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, Экслибрис. 2002. – 560 с.

5. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или принципы политического / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 146 с.
6. *Кошкин А.В.* Горизонт диалектики / А.В. Кошкин. – СПб.: Аврора, 2020. – 176 с.
7. Заявление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров Банка России 13 сентября 2024 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=20993> (дата обращения: 22.05.2025).

Р.Ч. Инаркиев, Ю.В. Ли

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

Последние пять лет стали одними из самых нестабильных с начала XXI века. Это связано, в первую очередь, с обострением конкуренции ведущих держав за статус первой экономики мира, что ведёт к геополитическому соперничеству. Кульминацией этого противостояния стала война между Россией и Украиной, начавшаяся в 2022 году, которая на наших глазах приводит к кардинальному изменению международных отношений. Для комплексного понимания настоящей политико-экономической ситуации необходимо рассмотреть структуру политического плюрализма и факторы, повлиявшие на становление современного многополярного мира.

Впервые понимание политического плюрализма было объяснено и введено немецким правоведом и философом Карлом Шмиттом в его работе «Политическая теология» в 1932 году. В ней он ввёл концепт «плюриверсума», в котором состоит сущность представления К. Шмитта о природе политического. Суть концепта заключается в невозможности существования единого мирового государства. Основываясь на понятии плюриверсума, Карл Шмитт разработал систему друг/враг в политологии. Он считал, что, если на Земле существует хотя бы одно государство, будут существовать и другие [1].

Отличительной особенностью концепции друг/враг от других дихотомий (религиозной – бог/дьявол, моральной – добро/зло, видовой – человек/животное, половой – мужчина/женщина и др.) является её основание на рассудочной оценке ситуации и волевом решении. Спецификой данного разделения служит теоретическая возможность взаимозамены данных фигур, ведь понимание, кто враг, а кто друг, складывается в конкретных обстоятельствах. В свою очередь, решение проблемы друг/враг и определяет политику всего государства [2].

Для Карла Шмитта абсолютной чертой концепции плюриверсума являлось её неограниченность в масштабировании политики. Понятие политического у Шмитта во многом схоже с древнегреческим термином «полития». Под политией понимается политическая единица любого уровня, а также совокупность институциональных форм и процессов, определяющая политическое устройство общества. Принято разделять политии на три условных уровня масштабирования: малые – области, города и т. п., средние – государства, большие – империи, т. е. совокупность государств, политические блоки [3].

В качестве объяснения взаимоотношений внутри самих политий и перехода с одного уровня на другой Шмитт ввёл теории «прав народов» и «большого пространства». Народ, по Шмитту, составляет содержание политий. Сам народ не является политическим, однако является политико-образующим фактором. Вследствие этого на народ тоже распространяется закон политического плюрализма, наблюдается разнообразие народов на каждом отдельном уровне государства. В этом заключается теория «прав народов» [3].

Империя – это крупнейшая и высшая форма политии. Она основана на максимализации творческой мощи народов. Империи формируются в результате мощного подъёма одного народа, который вовлекает другие народы в общий процесс развития. Консолидация народов для общего результата приводит к созданию упорядоченной структуры. Этот переходный этап Шмитт называл преконцептом. Таким образом, империя рассматривается как единое целое на всех политических уровнях. Этот процесс объясняется теорией

«больших пространств». Эта теория описывает формирование культурной и мировоззренческой идентичности народа. Ключевой фактор теории – потребность народа в пространстве для построения империи. Это достигается распространением языка, нравов и традиций. В результате это может привести как к прямому территориальному объединению, так и к завоеванию [3].

В своём труде «Номос Земли» Карл Шмитт описал закономерности формирования империй, которые ведут к установлению многополярного мира. Шмитт выделил 4 основных этапа [3]. Он назвал эти ступени развития номосами. Данное слово происходит из древнегреческого языка и означает «закон», «порядок», «правило».

Первый номос заключался в Средневековом порядке [3]. В этом номосе существовали политии всех трёх типов: малые и средние (города и княжества), а также большие (католический мир).

Во втором номосе государственное устройство значительно изменилось [3]. Произошёл отход как от малых политий (подгосударственных автономных образований), так и от больших. Этот период породил феномен нации, основанный на идентичности.

Третий номос характеризует двухполярное устройство мира и геополитическом соперничестве СССР и США в период «Холодной войны» [3]. Существовало две потенциальные «большие политии» в виде двух противоборствующих лагерей, капиталистического и социалистического. Эти две больших политии находились в преконцептуальной стадии, поскольку средние политии – нации – не были формально упразднены.

Четвёртый номос, по Шмитту, должен был наступить в будущем и означал переход от двухполярного мира к совершенной форме плюриверсума [3]. Территориальное деление, согласно этой концепции, должно было основываться на больших политиях, которые становились бы частью международного права, переходя из преконцептуальной стадии. Однако предположение Карла Шмитта о переходе к четвертому номосу не совпало с реальными событиями, последовавшими за распадом СССР. Одной из возможных причин этого стало то, что Шмитт в своей теории не учитывал влияние экономических факторов на международные отношения.

После окончания Второй мировой войны СССР был одной из самых пострадавших стран. Общее число людских потерь составило 26 миллионов человек, из которых почти 18 миллионов пришлось на потери среди гражданского населения. За весь период войны в СССР было уничтожено порядка 32 тысяч заводов и разграблено около 98 тысяч колхозов. Несмотря на колоссальный демографический и экономический удар, нанесённый Третьим рейхом, СССР, благодаря грамотной мобилизации людских ресурсов для восстановления экономики и эвакуации оставшихся заводов вглубь страны, а также последующему созданию взаимосвязанных, но способных работать обособленно промышленных центров в Сибири и Центральной Азии, смог выйти из войны индустриальным и военным гигантом в континентальной Европе. Однако более развитой страной оставались США, чья внутренняя промышленность никак не пострадала в обеих мировых войнах благодаря географической удалённости от военных действий и, напротив, только укрепилась в этот период.

Последующее установление двухполярного мира и начала продолжительного геополитического соперничества было ожидаемо. Ведь ещё до победы над нацистской Германией между лидерами стран-участниц антигитлеровской коалиции начались разногласия в видении дальнейшей выработки послевоенной программы мира и безопасности в Европе, обсуждаемой на Ялтинской конференции, а после капитуляции Третьего рейха – на Потсдамской конференции. США и Великобритания боялись явного увеличения влияния коммунизма в Европе и его продвижения дальше на Запад. Именно идеологический фактор стал определяющим для политического соперничества. Началом этого геополитического конфликта считается произнесённая экс-премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем в 1946 году «Фултонская речь», на которой им был обозначен главный политический враг Западного мира в лице Советской власти [4, с. 168]. На стороне социалистического блока выступал СССР, а в дальнейшем страны Варшавского договора, заключенного в 1955 году между СССР и социалистическими правительствами Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Польши,

Румынии, Албании и Германской Демократической Республики, а на стороне капиталистического блока – Великобритания, Франция и США, а также остальные страны-участники Североатлантического альянса.

Результатом Холодной войны стало падение социалистического лагеря. Основными причинами этого стали замкнутая экономика социалистических стран, эффективное использование информационного оружия странами Запада, ослабление идеологической верности граждан и разногласия между лидерами стран данного блока. Плановая экономика и отсутствие рыночной конкуренции привело к тому, что с каждым десятилетием советская экономика ухудшалась всё сильнее. Этот экономический спад проявлялся в снижении качества производимой продукции и увеличении процента брака на производстве в 50-е годы XX века. Причиной этого было отсутствие материальной заинтересованности предприятия в повышении качества товаров [5, с. 3].

Катализатором волнений внутри СССР стала политика перестройки и гласности, проводившаяся в 1985–1991 годах Генеральным секретарём ЦК КПСС, а затем Президентом СССР Михаилом Сергеевичем Горбачёвым. Она способствовала отходу населения СССР от идеологии советского человека к национальной идентичности.

После распада СССР в мире установился однополярный мир с гегемонией США и стран НАТО. Капиталистический лагерь, как выигравшая сторона, является центром концентрации всех актуальных процессов в мировом масштабе. На протяжении данного периода можно наблюдать активное участие США в международных отношениях других стран для продвижения своих политико-экономических интересов путём интервенционизма. Это обуславливается тем, что Запад стремится закрепить победу над постсоветскими странами, стратегически оказывает давление на Россию, стремится сорвать возможное появление нового политического блока в Евразии [6]. Данная политика США нарушает принцип суверенного равенства государств, прописанный в Уставе ООН, который определяет государственный суверенитет, неприкосновенность

территориальной целостности и невмешательство во внутренние дела всех членов ООН. Вследствие этого всё чаще стали использоваться методы ведения гибридных войн и образования непризнанных государств. Однако стоит отметить факт применения данных методов влияния и во время двухполярного мира как со стороны США, так и СССР. Примером являются Корейская война и война во Вьетнаме.

Гибридная война – термин, появившийся в конце XX века в США, который обозначает ведение войны против какого-либо государства как традиционными (т. е. с участием регулярных воинских подразделений, разведки и т. д.), так и нетрадиционными способами (политическим и экономическим давлением, ведением информационной войны, подрывной деятельностью спецслужб на территории государства-неприятеля, спонсированием оппозиции, сепаратистов и террористических сил на территории государства-неприятеля). Самыми яркими примерами данного типа войн, проведёнными США, являются Югославские войны 1991–2001 годов, Первая и Вторая интервенции в Ливию в 2011 и 2015 годах.

Одним из примеров непризнанных государств является частично принятое государство Китайская Республика (Тайвань). Значимость данного острова для США очень высока. Тайвань ограничивает территориальные воды КНР, что позволяет оказывать сдерживающее политико-экономическое давление на КНР. Благодаря своей близости к материковому Китаю Тайвань является потенциальным военным плацдармом для ведения боевых действий в случае войны между США и КНР. Также Тайвань является важным экономическим партнером США, который поставляет высококачественные интегральные микросхемы для американской электроники.

Реакцией на западное влияние является стремление стран проигравшего лагеря, в особенности России, закрепиться на урезанных позициях, подготовка к рывку и возвращению своего влияния через сосредоточение внутренних возможностей и подготовку асимметричных альянсов [6].

В настоящее время мир продолжает находиться в состоянии однополярного момента. Однако современная глобальная система находится в точке бифуркации. Причиной этого стало начало Россией Специальной военной операции на территории Украины в 2022 году, направленной на укрепление своей сферы влияния и противодействие западному вмешательству. Этот конфликт привёл к обострению противоречий между ведущими мировыми державами, ускорению геополитической трансформации, а также формированию новых альянсов и структур международного взаимодействия, деятельность которых направлена на создание альтернативного экономического и политического блоков, способных конкурировать с Западом.

Экономика Китая продолжает занимать всё более значимые позиции благодаря усиленному финансированию инновационных разработок и развитию высокотехнологичных отраслей. Это подтверждается увеличением количества зарегистрированных патентов: в 2024 году в КНР было зарегистрировано 1,6 млн патентов, тогда как в США – 0,6 млн.

Следует отметить возникновение разногласий внутри западного блока в связи с приходом республиканцев к власти в США по итогам последних выборов. Эти разногласия касаются стратегии урегулирования конфликта на Украине. Администрация США стремится сократить военную и финансовую помощь Киеву, инициировать переговоры о перемирии, рассматривая условия обеих сторон, и постепенно снижать своё вовлечение в обеспечение стабильности в Восточной Европе. В то же время европейские лидеры настаивают на продолжении военной и финансовой поддержки Украины, а также на усилении санкционного давления на Россию с целью проведения мирных переговоров исключительно на украинских условиях.

Подводя итог, можно сказать, что современный мир переживает переходный этап от однополярной системы, сложившейся после окончания Холодной войны, к многополярному миропорядку. Этот процесс сопровождается усилением геополитического соперничества, укреплением позиций региональных центров силы

и трансформацией глобальных экономических связей. Ключевыми тенденциями являются ослабление влияния США и Запада, рост влияния Китая, России, Индии и других развивающихся держав, а также усиление противостояния между различными геополитическими блоками.

Литература

1. *Шмитт К.* Политическая теология / К. Шмитт. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. – 336 с.
2. *Шмитт К.* Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 35–67.
3. *Шмитт К.* Номос Земли: *Civitas Terrena* / К. Шмитт. – М.: Владимир Даль, 2008. – 670 с.
4. *Злобин Н.В.* Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5 марта 1946 г. / Н.В. Злобин // Новая и новейшая история. – 2000. – № 2. – 169 с.
5. *Мороз И.А.* Проблемы ассортимента и качества товаров в советской торговле в 50-е годы XX века [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-assortimenta-i-kachestva-tovarov-v-sovetskoj-torgovle-v-50-60e-gody-xx-veka/viewer> (дата обращения: 25.02.2024).
6. *Дугин А.Г.* Теория многополярного мира. Плюриверсум: учебное пособие для вузов / А.Г. Дугин. – М.: Академический проект, 2015. – 349 с.

А.К. Иманалиева

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вся история общественных отношений напрямую связана с таким механизмом, как управление. В ходе своего развития общественность на постоянной основе сталкивается с ситуациями, когда

необходимо принятие управленческого решения. Иными словами, в современном обществе сформированы бесконечное число управленческих отношений в разнообразных областях жизнедеятельности, в том числе и в сфере политики, в которой благополучное разрешение поставленных задач без осуществления эффективных управленческих воздействий попросту невозможно.

В то же время современные тенденции отображают важность параметров процесса политического управления, именно они оказывают существенное воздействие на ключевые характеристики функционирования общества, его стабильность, а также успешность.

У каждого государства сформирована своя специфическая политика в контексте управления, в которую включены такие параметры, как организация, концепция, и технологическая поддержка. Отметим, что политическое управление представляет собой один из важнейших феноменов жизнедеятельности любой социальной системы, при этом внесение каких-либо изменений отражается на динамике общественно-политического развития.

Исследуя данную тему, отметим труды некоторых авторов, которые позволят более детально раскрыть особенность политического управления в современных общественных отношениях. Одним из первых из исследователей, который изучал данный вопрос, был Аристотель. В своих трактатах он раскрывал тему проблем в управлении античным государством, а также рассматривал совершенствование форм политического правления и управления общественными делами [1].

На наш взгляд, политическое управление представляет собой формирование стратегического целеполагания в условиях наличия множества альтернативных вариантов, для осуществления процесса достижения политических целей, а также легитимации целедостижения, осуществляемого в процессе управления. В то же время политическое управление представляет собой интегративную конструкцию, объединяющую феномены политики и управления в самостоятельном формате.

Рассматривая целеполагание в политическом управлении, стоит обратить свое внимание на труды В.И. Кнорринга, который

исследовал тему цели, которая занимает ключевую позицию в данном аспекте [2].

Также особое значение цели в политическом управлении рассматривал и В.Г. Афанасьев. По его мнению, в управлении всегда имеется конечная цель. Для социальных систем характерны такие же свойства, поскольку в них содержательные, функциональные, и структурные характеристики управления определяются их целью. В трудах В.Г. Афанасьева отмечается, что цель представляет собой достижение определенного состояния системы как заключительный результат [3]. При этом В.И. Буренко отмечает, что цель представляет собой сущностную характеристику взаимосвязи между субъектами и объектами управленческих отношений как таковых [4].

Таким образом, можно выделить значимую роль целеполагания в процессе политического управления. Необходимо отметить, что эффективность процесса управления зачастую определяется в соответствии со степенью достижения поставленной политической цели.

Непосредственно цель – это не дистанционно сформированный план, она нуждается в определении и формировании со стороны внешнего актора политического управления, а также в обеспечении ее достижения в рамках управленческого процесса. В политическом управлении актором является субъект управления. Актор формирует политическую цель и руководит управленческим процессом для ее достижения.

Следовательно, в целеполагании важно наличие актора наряду с целью для осуществления политического управления. Процесс постановки цели и самого политического управления требует наличие интеллектуальных навыков сфере функционирования общества, что обуславливает формирование модели политического управления, которая, в свою очередь, задает рамки общественного развития. В основе модели зачастую закладывается оценка реального состояния развития общества, формирование целевых показателей развития, а также интеллектуальные возможности и потенциал субъектов управления. Как правило, важным индикатором,

который определяет успешность и результативность политического управления, представляет собой общественный интеллектуальный капитал.

Отметим, что в качестве субъектов для политического управления рассматривают государственные, общественные и политические институты и организации, в которые привлечены человеческие ресурсы. Следовательно, политическому управлению присуща субъективность, обусловленная личными качествами сотрудников данных организаций. Это все обуславливает воздействие субъективного представления на модель политического поведения, что сказывается на ее дальнейшем развитии.

Помимо этого, цель формируется исходя из определенной системы ценностных координат, в которой расположен субъект управления. Таким образом формулировка цели может быть разнобразной, и это обусловлено зависимостью от ценностного пространства, в котором происходит целеполагание. Поскольку актор является непосредственным индивидом, который ставит и продвигает политические цели. Возможно, что ряд целей могут и не существовать или же быть неприемлемыми для субъекта управления в силу его субъективных особенностей.

Субъект политического управления формирует свои ценности и смыслы во многом основывается на коммуникативных процессах получения информации, конструирующих, выражаясь языком У. Липпманна, псевдореальность, замещающую реальность объективную [5].

Таким образом, при помощи трансляции определенного рода информации по различным коммуникационным каналам, возможно регулирование параметров и субъективности восприятия актора политического управления, что, как следствие, отражается на принятии решений. Необходимо учитывать, что в каждом государстве существует своя идеология, на которой взращиваются будущие акторы, которые в последующем принимают на себя политическое управление.

Соответственно существует прямая связь между содержанием информационно-коммуникационного пространства, в котором

находятся политические деятели, что опосредствует дальнейший выбор цели.

Необходимо учитывать, что политические воззрения имеют операбельные свойства и формируются извне при помощи информационно-коммуникационного воздействия. Следовательно, представляется возможным воздействовать на управление архитектурой целей, а также формирование доступных для субъекта политического управления диапазонов целей.

Соответственно вытекает вывод, что при помощи информационно-коммуникационного влияния на субъекты политического управления возможно и регулирование управленческих процессов, особенно при постановке целей и восприятия, доступных для управленческого процесса политических альтернатив. В связи с этим мы можем констатировать, что политическое управление, независимо от того, как трактуется важность политической и управленческой составляющей в различных научных подходах и концепциях, имеет коммуникативную природу, определяющую его ключевые параметры и характеристики, включая особенности постановки политических целей и выбор соответствующих им альтернатив.

Исследуя понятие политического управления, необходимо отметить и такое понятие, как объект политического управления. В классических управленческих моделях на объект политического управления оказывается воздействие. Поскольку политическое управление имеет социальные свойства и является одной из форм регулирования общественных отношений, к объектам процессов политического управления относят индивидов, группы людей, общественно-политические структуры. В свою очередь, у них уже сформированы личные убеждения, ценности, модели поведения, которые напрямую формируют результаты и характер целевого коммуникационного взаимодействия.

В свою очередь, субъекту политического управления необходимо умение в управлении политическими убеждениями и представлениями индивидов, социальных групп или же политических сил, для достижения поставленных целей. В то же время необходимо обеспечить формирование эффективных моделей поведения с точки зрения субъекта политического управления.

Для этого применяется ценностно-смысловой транзит в мировоззрении целевой аудитории, который необходим в процессе политического управления. В данном случае зачастую применяются технологии убеждающей коммуникации, как следствие формируются иные политические ценности и убеждения в выделенной целевой аудитории.

Американский исследователь К.И. Ховланд, который основал Йельскую школу убеждающей коммуникации в своей работе «Коммуникация и убеждение», отмечал, что такой инструмент, как «убеждающая коммуникация», изменяет поведение, убеждение выбранной целевой аудитории касательно различных объектов, личностей или символов [6]. Следовательно, убеждающая коммуникация – это эффективный инструмент для достижения поставленных субъектом политического управления целей.

Основой современного политического управления, для которого необходимо умение воздействовать на формирование необходимых ценностно-смысловых пространств и поведенческих моделей является технология убеждающей коммуникации. В то же время необходимо отметить двоякий характер коммуникационных процессов, проходящих в рамках осуществления политического управления. Воздействие с помощью коммуникации на объект управления предоставляет возможность для осуществления поставленных целей, это в рамках одной стороны. С другой стороны, при коммуникационном воздействии на субъекты управления, политические акторы имеют возможность управлять постановкой целей извне, что обуславливает дальнейший вектор управленческого процесса.

На практике субъекты управления ограничены актуальным контекстом в формировании цели или выборе альтернативы воспроизводства управленческого воздействия. Именно в таких условиях субъекты управления осуществляют деятельность. В то же время новый уровень технологии коммуникации, предоставляет возможность оказывать воздействие на контекстуальную среду, в которой находятся субъекты управления. Данный механизм позволяет воздействовать на восприятие субъектами управления разного рода событий и процессов.

По мнению исследователя А.Ю. Шутова, убеждающая коммуникация представляет собой спланированное действие, которое направлено на формирование стереотипов, которые, в свою очередь, представляют собой в будущем ориентиры, оказывающие влияние на политические и социальные воззрения индивидов в отношении воспринимаемых объектов, приходящей информации. Примером могут послужить заказы на формирование образа политика или формирование отношения к политическому событию и прочее. В качестве инструмента для распространения данной информации привлекаются масс медиа [7].

Еще одним важным элементом коммуникационного воздействия является обратная связь. В ходе взаимодействия субъекта управления и управляемого объекта было выявлено воздействие второго на первый при помощи обратной связи. Н. Винер представитель американской школы философии и математики посвятил данной теме свои исследования, в ходе которых сформировал термин «обратной связи». По мнению Н. Винера, понять понимание потребностей и воззрений в обществе возможно при исследовании исходящих сигналов, при этом их форма информационно-коммуникативная. В исследованиях Н. Винера показано, что при помощи обратной связи возможна стабилизация и дестабилизация политической системы. Таким образом, при получении достоверной информации управляющим субъектом, создаются условия эффективного функционирования политической системы [8].

В то же время обратная связь за счет влияния на объект управления, создает условия для совершенствования управленческого воздействия. Иными словами, для любых современных общественных отношений характерно наличие обратных связей между объектом управления и управляющим субъектом. Для поддержания стабильности действующего политического режима, важным фактором является налаженная обратная связь.

Итак, для информационного общества важным аспектом является коммуникация, которая необходима в политическом управлении. В общественных отношениях постоянно протекают различные процессы, которые формируют новые взгляды и мнения.

Практически на всех этапах хода политического управления, мы наблюдаем постоянный обмен информацией по каналам коммуникации различного уровня, это, в свою очередь, определяет информационно-коммуникационную основу современного политического управления.

Для политического управления необходим налаженный информационно-коммуникационный процесс между представителями политической элиты и обществом для реализации поставленных целей. Соответственно специфику современной системы политического управления определяет возможность создания новых информационных и коммуникационных технологий.

Литература

1. *Асмус В.Ф.* Античная философия / В.Ф. Асмус. – М.: Высшая школа, 2017. – 400 с.
2. *Кнорринг В.И.* Теория, практика и искусство управления / В.И. Кнорринг. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 2001. – 511 с.
3. *Афанасьев В.Г.* Общество: системность, познание и управление / В.Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1981. – 431 с.
4. *Буренко В.И.* Власть – Политика – Управление в системе отношений «Общество – государство» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Burenko/> (дата обращения: 22.03.2025).
5. *Липпманн У.* Общественное мнение / У. Липпманн; пер. с англ. Т.В. Барчуновой. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. – 382 с.
6. *Hovland C.I.* Communication and persuasion: psychological studies of opinion change / by Carl I. Hovland, Irving L. Janis, and Harold H. Kelley. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1982.
7. *Шутов А.Ю.* Политическое восприятие страны как проблема теории коммуникации / А.Ю. Шутов // Россия – Польша: проблемы взаимного восприятия: материалы междунар. научн. конф. – М.: Изд-во Московского университета, 2013. – 190 с.
8. *Винер Н.* Кибернетика и общество / Н. Винер. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 200 с.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ БРЕНДИНГА ТЕРРИТОРИИ В РОССИИ

Брендинг территорий – это подход, направленный на увеличение привлекательности стран, регионов, городов и областей. Его цель заключается в том, чтобы выделить их на фоне конкурентов, привлечь инвесторов, туристов, новых жителей и квалифицированных специалистов, а также выйти на международные рынки. «Брендинг мест направлен на преодоление дефицита материальных и нематериальных ресурсов в регионе; в его основе лежит идея донесения до широкой общественности представления об уникальности территории» [1].

«С давних времен на Руси люди неосознанно занимались тем, что теперь принято называть территориальным брендингом и маркетингом: проводили ярмарки в самых посещаемых окрестным населением местах, возле монастырей и церквей. Монастыри иногда получали право частично оставлять себе ярмарочные и торговые пошлины, поэтому разными способами привлекали продавцов и покупателей. Постепенно торговцы селились возле монастырей, возникали города» [1]. Города Сергиев Посад в Московской области, Жиздра – в Калужской области и Тихвин – в Новгородской области появились во многом благодаря расположенным рядом монастырям.

В XVI–XVII веках зародился первый бренд – вологодское кружевоплетение, а в XVIII веке появились ивановский ситец и гжельская керамика. Эти бренды в царской России превратили названия регионов в символы, отразившиеся в фольклоре, например, в пословице «В Тулу со своим самоваром не ездят» [1] и песне «Оренбургский пуховый платок» [1]. В данных случаях формирование территориального бренда стало результатом создания уникальной и качественной продукции.

В России первые шаги по систематизации маркетинговых программ для регионов были предприняты во второй половине

XX века. Это стало следствием ускорения глобализационных процессов, ранее замедленных двумя мировыми войнами и экономическим кризисом.

«Распад СССР поставил бывшие республики перед необходимостью поиска новой индивидуальности. Возник вопрос о критериях, которыми можно измерить эффективность использования брендинга территории. Задачу специалистов того времени сильно упрощал тот факт, что говорить об успехе или провале кампании можно только в долгосрочной перспективе, и даже десяти лет недостаточно, чтобы судить об успешности государственного бренда» [1]. В это время в России еще не задумываются о значимости территориального брендинга.

Российские города редко могут продемонстрировать успешные примеры собственного брендинга. Несмотря на то, что практика разработки логотипов и фирменных стилей существует, бренды российских городов зачастую не способны конкурировать с зарубежными аналогами. Проблема заключается не в нехватке профессиональных агентств, способных выполнить эту задачу, а в неэффективных связях между государственными структурами и агентствами, а также в отсутствии единой стратегии для создания и укрепления городских брендов. Схожие трудности наблюдаются и в развитии брендов регионов.

При этом брендинг регионов и стран активно набирает популярность и становится одной из наиболее востребованных форм маркетинга в мире. «В XXI веке преимущества брендинга территорий осознали и власти российских городов. Например, Ульяновская область избрала образ территории демографического возрождения. В 2007 году Сергей Морозов, губернатор Ульяновской области, впервые объявил ежегодную областную акцию «Роди патриота в День России», а 12 сентября был официально объявлен выходным днем – власти исходили из того, что ребенок, рожденный в День России, должен быть зачат 12 сентября. Семье, в которой ребенок рождается 12 июня, дарят автомобиль «УАЗ-Патриот». Традиция прижилась: по состоянию на 14 января 2010 года 716 беременных женщин изъявили желание принять участие в акции «Роди патриота в день России» [2].

Один из ведущих российских исследователей в области брендинга территорий и генеральный директор консалтинговой компании «Stas Marketing Partners» Андрей Стась считает, что в России есть два особенно удачных проекта брендинга мест – это города Мышкин и Суздаль. «В случае с Мышкиным, который расположен на берегу Волги, на пути следования круизных теплоходов, туроператоры просто договорились причаливать на мышкинской пристани. В городе поняли, что туристам нравится атмосфера застывшего во времени уездного городка, и стали создавать подчеркнуто провинциальные музеи. С 1996 года в городе проводится Фестиваль мыши. Что касается Суздаля, то он просто удачно использовал свой исторически сложившийся образ и туристическую инфраструктуру, созданную в советское время. Для привлечения туристов в городе придумали собственные праздники, например, Неделью русалок, День птиц и День огурца, которые в основном финансирует гостиничный бизнес» [1].

«В связи с проведением XXII зимних Олимпийских игр в Сочи был создан удачный территориальный брендинг. Одну из попыток удачного брендинга Санкт-Петербурга предприняло агентство «Волга-Волга», рекламная кампания которого носит название «Никаких медведей. Только красота». Вологодская область уверенно заявила о бренде «Душа Русского Севера» и начала внедрять его в социальные сети, сувенирную продукцию, документацию и официальные мероприятия. Коми продолжает активно развивать свой туристический бренд «Эко Республики» [3].

Казань можно считать одним из первых городов России, успешно освоивших территориальный брендинг. Она стала одной из первых, кто представил туристический бренд, включавший логотип со словом «KAZAN», выполненным в стиле эпохи Возрождения, дополненным восточным орнаментом и стилизованным изображением дракона. Слоган бренда звучал: «Казань – где Европа встречается с Азией». Однако город не остановился на этом. В 2009 г. столица Татарстана запатентовала титул «Третья столица России» и создала новый бренд, основываясь на этом статусе.

Город Пермь получил узнаваемый бренд, основой которого стала большая красная буква «П» под лозунгом: «Просто, понятно, повторяемо». Этот подход получил положительные отзывы от экспертов и был признан одним из самых современных и удачных территориальных брендов в России.

В Республике Адыгея руководство решило организовать открытый конкурс на создание логотипа, в котором мог принять участие любой желающий. Из представленных 45 вариантов в финал прошли три работы, и победителем было объявлено трёхгорье – символ, отражающий значение числа три для адыгейцев. Три стрелы на флаге региона также символизируют три древних княжеских рода. Однако, несмотря на итоги голосования, власти заявили, что общественное мнение не может быть определяющим фактором в выборе логотипа. В результате Адыгея пока остается без официально утвержденного бренда.

Туристическая привлекательность для Ненецкого автономного округа не является приоритетной задачей, так как регион обеспечивает стабильный приток средств за счет запасов нефти и газа. Тем не менее в 2011 году округ разработал собственный логотип при участии агентства «Notamedia». Концепция бренда звучит как «Ненецкий автономный округ – североевропейская кладовая России». В основе логотипа и фирменного стиля лежит традиционный орнамент ненцев, который также присутствует на флаге и гербе региона. Сам логотип включает четыре элемента: чум как символ заботы о жителях, а также оленя, рыбу и каплю нефти, представляющие три ключевые отрасли экономики округа.

Опыт городов и регионов в продвижении на туристических рынках показывает, что для эффективного брендинга территорий требуется системный и профессиональный подход.

Жизнь *бренда* включает два ключевых этапа: его разработку и последующую поддержку. Сам процесс создания бренда не является актом продвижения территории, поскольку продвижение возможно только после того, как бренд будет сформирован. Основной проблемой на этапе разработки часто становится стремление многих участников сразу перейти к продвижению, минуя полноценное создание бренда.

«Разработка бренда территории (города, края и т. п.) включает несколько этапов. Первый этап – исследование города, которое должно завершиться точным пониманием идентичности города. Второй этап – разработка концепций бренда, который должен завершиться выбором одной точной идеи для города. Третий этап – воплощение бренда, который включает в себя визуализацию идеи. Четвёртый этап – создание организационной структуры вокруг бренда города и программы поддержки бренда» [4].

После разработки бренда начинается длительный процесс его поддержки. На всех этапах создания бренда важно вовлекать жителей, так как они являются носителями идентичности города и основными потребителями бренда. Вовлечение горожан становится ключевым инструментом для формирования бренда как объединяющей идеи, которая должна сплотить местное сообщество и стать основой для взаимодействия города с внешним миром.

Однако большинство проектов территориального брендинга в России страдает от недостаточной эффективности. Часто преимущества, которые регион стремится предложить, остаются непонятными целевой аудитории, или же разработчики акцентируют внимание на ценностях, значимых для них самих, но не для туристов и инвесторов, которых регион пытается привлечь. Ключевой ошибкой становится привлечение жителей региона для оценки и выбора бренда. Это оправдано лишь тогда, когда основная цель брендинга – сокращение оттока населения. Если же задача заключается в повышении туристической или инвестиционной привлекательности, эксперты в процессе выбора бренда должны представлять интересы туристов и инвесторов.

Местные жители являются важным объектом территориального брендинга, ведь без их любви и гордости за свою территорию невозможно создать комфортную атмосферу для гостей. В этом контексте бренд становится символической основой для формирования позитивного отношения жителей к своему региону и служит инструментом идеологической работы с населением.

Другая распространенная ошибка – *выбор символов, которые не создают четкой ассоциации с конкретной территорией.*

Например, буква «П», выбранная в качестве бренда Перми, может быть связана у целевой аудитории с другими городами, такими как Петрозаводск или Пенза. Еще один пример – Череповец, где после длительных исследований, проведения народного конкурса и работы отдела по маркетингу территорий в администрации был выбран слоган «Город возможностей». Несмотря на проделанную работу, слоган оказался слишком универсальным и лишенным уникальности, что ослабляет его эффективность как элемента бренда.

Эффект территориальной матришки. Многие города России политически и экономически подчиняются регионам. Это создает иллюзию, что бренд региона может быть автоматически перенесен на все муниципалитеты. Однако в действительности развитие и брендинг должны быть сосредоточены на конкретных городах, а не только на регионах. Политическое влияние при этом нередко доминирует, что мешает эффективному продвижению. Например, в Крыму следует уделять внимание брендингу отдельных объектов, а не полуострова в целом.

Еще одной частой ошибкой является недостаточное внимание к продвижению бренда. После того как власти проводят конкурс или заказывают разработку бренда у специализированного агентства, они часто считают, что создание логотипа, символа или слогана достаточно для того, чтобы бренд начал «работать» на территорию. В реальности бренд не станет автоматически узнаваемым и не будет ассоциироваться с регионом без постоянного и активного продвижения.

Технологическая проблема. В России отсутствует четкая методология успешного использования территориального брендинга. Практики, основанные на зарубежном опыте, не адаптированы к местным условиям, а сформулированных успешных методик практически нет.

И главная проблема заключается в том, что бренд, не поддерживаемый реальными действиями по улучшению качества жизни на территории, теряет всякое значение. Саймон Анхольт подчеркивал, что реклама региона, которая не сопровождается реальными усилиями по улучшению инвестиционного климата, туристической

инфраструктуры и уровня жизни, не является брендингом. Это всего лишь реклама, не имеющая долгосрочного эффекта и не создающая истинной ценности для территории [5].

Таким образом, брендинг территорий открывает большие возможности, если подойти к нему правильно. Почти каждое место обладает историческими, природными и другими уникальными особенностями, которые могут стать основой для формирования его идентичности. Важно уметь выявить эти особенности и развить их, используя системный подход, который позволит создать сильный и привлекательный бренд.

Несмотря на существующие проблемы, есть и несколько перспективных направлений для развития территориального брендинга в России:

1. *Матрешка «снизу-вверх»*. Важным шагом для развития брендинга является передача большего числа ресурсов муниципалитетам для самостоятельного развития. Это обсуждается на уровне правительства, и, если города получают больше стимулов для привлечения инвестиций, предпринимательства и туризма, брендинг станет более востребованным инструментом для муниципального роста.
2. *Внутренняя коммерциализация*. Для городов, которые уже создали свой бренд, следующий шаг – его коммерциализация. Например, сувенир с логотипом города Сасово в Москве не вызовет большого интереса пока известность бренда не достигнет нужного уровня. Бренд необходимо продвигать, и для этого потребуется время и инвестиции, особенно в условиях экономического кризиса. Важно искать любые возможности для продвижения бренда в ограниченных условиях.
3. *Вовлечение городских сообществ*. Во многих успешных примерах брендинга как в России, так и за рубежом, важно участие горожан. Городское сообщество играет ключевую роль в разработке, внедрении и продвижении бренда. Когда жители города активно вовлечены, это создает сильный и положительный имидж бренда.

4. *Клуб городов-брендов.* «В большинстве случаев инициаторами новостей о территориальном брендинге являются не города, а агентства и дизайнеры. Зачастую их инициативы становятся новостью для горожан. Отрасль должна стремиться к тому, чтобы генераторами новостей становились сами города, а также к тому, чтобы развивалось взаимодействие между городами, решающими схожие задачи» [3].

В заключение можно выделить несколько тенденций, прогнозируемых экспертами в области территориального брендинга:

- значительное увеличение числа успешных проектов по брендингу, особенно среди малых городов;
- растущий интерес к брендингу среди посёлков и сёл;
- увеличение числа проектов, реализуемых за счет спонсорской помощи, что позволит избежать значительного использования государственного бюджета;
- города станут активнее заниматься юридической защитой своих прав.

Можно сделать вывод, что территориальный брендинг будет всё больше превращаться в самостоятельную профессиональную отрасль с собственными правилами, лучшими практиками и методами.

Анализ динамики развития брендинга территории в России позволяет сделать вывод, что наибольший потенциал для развития в условиях информационной экономики имеет территориальный брендинг отдельных городов и регионов. Этот процесс имеет глубокие исторические корни, начиная с периода Киевской Руси, когда уже существовали элементы территориальной идентичности и брендинга [6, с. 145–155]. Примеры успешного использования брендинга территории в России включают рекламные кампании, связанные с Олимпиадой в Сочи, брендинг г. Казани, г. Санкт-Петербурга, а также экореспублики Коми. Эти примеры показали, как эффективное использование брендинга может повысить туристическую привлекательность, улучшить инвестиционный климат и укрепить идентичность территорий.

Однако, несмотря на успехи, существуют проблемы, такие как недостаточная проработка и отсутствие единых методик, недостаточное вовлечение местных жителей, а также нехватка квалифицированных специалистов в области территориального брендинга. Эти проблемы требуют дальнейшего изучения и разработки более четких подходов, методик и практик. Перспективы развития территориального брендинга в России связаны с ростом интереса к малым городам и поселкам, улучшением юридической защиты прав на бренды и увеличением числа проектов, реализуемых без значительного использования государственного бюджета.

Литература

1. Национальный брендинг и брендинг территорий ценностей [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.marketing.spb.ru/lib-special/regions/nation_branding.htm (дата обращения: 13.01.2025).
2. История возникновения бренда территорий [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.advertology.ru/print81687.htm> (дата обращения: 14.11.2024).
3. Брендинг территорий: Тренды 2014–2015. Главные проблемы и тенденции развития отрасли в России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/brending-territorij-trendy.html> (дата обращения: 13.01.2025).
4. Территориальный брендинг в России: опыт, проблемы, тенденции [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnyy-brending-v-rossii-opyt-problemy-tendentsii> (дата обращения: 19.11.2024).
5. *Anholt S.* Place Branding and Public Diplomacy [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.springer.com/business+%26+management/journal/41254>.
6. *Черепанова Д.А.* Брендинговый подход к проблеме формирования политического имиджа государства / Д.А. Черепанова // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – № 3. – С. 147–155.

О ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ

Философское понятие ценности всегда вызывало жаркие дискуссии среди философов и культурологов. Оно являлось источником самых разных, часто противоположных, точек зрения в развитии аксиологии, ибо ценности всегда выступали и будут выступать важнейшим элементом жизни общества. Для создания фундаментальной основы изучения культуры в ее теоретическом и практическом аспектах, необходимо сформулировать понятие ценностей и выявить их сущность. Наверное, излишне говорить о тесной связи культуры и ценностей. Эта проблема связана с бытием и функционированием самой культуры, а данное бытие определяется имеющимися и доминирующими ценностями.

На рубеже XX столетия в Европе появилось новое философское направление, которое подвергло критике идеализм, немецкую классическую философию и мир с торжеством хаоса и упадка морали. Это направление известно как философия жизни, или неклассическая немецкая философия. Особый интерес представляет теория ценностей Ф. Ницше. Она оказала большое влияние на проблему рассмотрения ценностей в дальнейшем развитии философского знания. Ф. Ницше убежден, что понятие ценности является универсальной категорией, объединяя собой проблемы антропологии, онтологии, этики и эстетики.

Отметим, что Ф. Ницше предопределяет своими высказываниями специфику наступающего XX века, массового общества и массовой культуры. Он провозглашает «переоценку всех ценностей», переход «по ту сторону добра и зла». «Бог умер» – заявляет Ницше. Человек отныне может делать все что хочет, он не должен отчитываться ни перед кем, кроме самого себя. Работы Ницше достаточно необычны, они опережают и предвещают историческое время. Сам он отмечал, что его труды написаны «кровью», для «немногих», для избранных. Большинству людей они будут непонятны и чужды как своей афористичностью, так и страстностью изложения.

Философ ставит под сомнение необходимость существования мира устоявшихся традиционных ценностей, включая религию, мораль, право, искусство. Эти идеи составили основу его философии отрицания, или нигилизма. Уже в раннем произведении «Рождение трагедии из духа музыки», мы видим истоки его знаменитых идей о разделении дионисийского и аполоновского начал в человеке, идею вечного возвращения и сверхчеловека, идею переоценки ценностей.

В книге «Человеческое, слишком человеческое» Ф. Ницше выступает против лжи, царящей в обществе в виде моральных ценностей, как «идеализм и всякое мошенничество высшего порядка» [1]. Основы нигилизма нашли ярчайшее выражение в его работах «Воля к власти», «Антихрист» и «Так говорил Заратустра». Нигилизм – это точка зрения абсолютного отрицания, она не связана ни с какими положительными идеалами. Однако Ницше предлагает использовать нигилизм в качестве инструмента, способного уничтожить старую и отыскать новую мораль, новое искусство, новые идеалы человека будущего. «Нигилизм в его понимании – это когда «высшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос «зачем?»» [2, с. 31]. Все старое отжило, все потеряло свой смысл, а потому может быть только полное отрицание всего. Для этого он призывает заняться «переоценкой ценностей».

Современность, согласно Ф. Ницше, ужасна, беспросветна и наполнена скукой. Это скука мелких людей с их мелкими заботами, с мелкими мыслями и понятием о счастье, которое они, якобы, нашли. Это мир, где царят посредственные люди и их большинство, где творческое меньшинство еще более уменьшается. В такой ситуации деградации нужны новые цели и новые смыслы, нужен новый человек. Он предвещает появление сверхчеловека, «белокурой бестии», который придаст обществу цель и смысл его существования. Подобно грозе или буре, он вдохнет жизнь в умирающее общество, в его инстинкты жизни, вернет миру утраченные здоровье и радость, раскрасит мир красками. Это будет иной мир и иные ценности.

Под сверхчеловеком философ понимает любого человека, который желает саморазвития и роста своей личности. Это

будет человек, свободный от норм и табу, стереотипов и шаблонов, он не побоится брать ответственность за свои мысли и поступки. Для этого надо «превзойти» человека, превзойти себя настоящего, ибо он только мост на пути к сверхчеловеку. Ницше восклицает: «Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?» [3, с. 8]. На этом пути нельзя сделать шаг назад, нельзя останавливаться или усомниться, поэтому такой путь опасен и не каждый его вынесет. Но только он может отвернуть человека от небес и иллюзорного мира и повернуть его к Земле, своему «Я», к ценности себя как личности.

Ф. Ницше сокрушается, что «Я» давно утеряно человечеством, ибо «ты старше, чем я», потому жметесь человек к другому, стремится быть похожим на него, быть как все. Человек должен заново полюбить себя, свою непохожесть, свое тело, свою волю, заново открыть себя для себя. Тогда и само человечество станет иным, станет лучше и сильнее, в него вернутся здоровые инстинкты и любовь к жизни. Хотя для Ницше приоритетом является не общество, а личность, сверхчеловек как цель. Сам он восхищался сильными личностями: Цезарем, Наполеоном, Бисмарком, благодаря которым пробуждаются истинные и правильные инстинкты, а главное, «воля к власти», борьба за власть.

Рассматривая наличные ценности, исследователь называет их ценностями декаданса, и относит к ним ценности добродетели и божественности. Также к декадансу относит он христианство. Ницше пишет, что христианство учило и учит людей самоотречению, жертвенности, страданию и состраданию. Все эти ненужные, но привычные ценности, вернее, «лжеценности», лишь отрицают радость жизни и саму жизнь. Что есть для Ф. Ницше христианство и почему он посвятил столько страниц его критике? Он пишет, что христианство проповедует слабость и греховность человека, его полную зависимость от Бога. Христианство выдвигает жесткие требования, заставляя человека чувствовать себя ничтожеством в сравнении с Богом, что само по себе уже нелепо. Человек всю свою жизнь несет на себе это тяжкое бремя греха, веруя в сверхъестественные

силы и моля их о прощении. Если Бога нет, то нечего и бояться, нет никакого греха, нет нарушения божественных заповедей и табу, а есть полная свобода. Для свободного человека не существует ценности Бога, он сам является высшей ценностью. Религия и церковь, вот истинные враги всего живого на земле, всего человечества, так как именно они навязывают «лжеценности» и стремятся подавить любую живую мысль, любую уникальность человека. Поэтому, утверждал Ф. Ницше, христианство опирается на инстинкты униженных, угнетенных и поработченных низших сословий.

Согласно доктрине Ф. Ницше, вопросы религии и веры всегда связаны в единое целое с проблемами ценностей и морали. Он считает, что прежняя мораль должна быть уничтожена, и в этом уничтожении открывается возможность для создания нового мира и новых ценностей. «Смерть Бога» открывает для человека дверь в новый мир, мир возрождения утерянного человечества и утерянных ценностей, которые будут учитывать цели реального мира и реальной жизни человека без иллюзий потустороннего мира.

Отторжение моральных ценностей, отказ от веры в Бога являются обязательным шагом на пути великого становления, «великого полдня» – появления сверхчеловека. В отличие от А. Шопенгауэра с его культом сострадания, Ф. Ницше считает именно сострадание самым большим злом, называя ненадежным щитом, наносящим муки. Сам феномен сострадания вызывает у него негодование, ибо оно ведет к деградации самой жизни, культивированию слабости и нездоровья, делает невозможной «волю к власти». Зачем сострадать человеку, у которого нет ни сил, ни амбиций, нет воли, как таковой. Он не нужен обществу и прогрессу. Сама по себе религия враждебна человеку, а христианство со своим культом сострадания – самый страшный враг. Христианин по Ф. Ницше, «...это самый наивный и отсталый подвид человечества...» [4, с. 99].

Мы платим за сострадание слишком дорого, ибо, когда человек страдает обреченному на гибель, он сам постепенно слабеет, опустошается, его силы тают. Законы выживания в природе должны действовать и в обществе, жизнь отсекает все слабое и больное, здоровое и сильное должно расти и расцветать. Философ считает,

что христианство обесценивает человека, его идеалы навязаны человечеству: «Я исполнен подозрения и злобы к тому, что называют идеалом, ... поскольку я постиг, насколько «высшие чувства» суть источники бедствия, то есть умаления и обесценения человека» [4, с. 32–68].

Именно слабые люди любят рассуждать о таких, по их мнению, ценностях, как милосердие, прощение, искупление, равноправие, чего в жизни просто не может быть по всем законам природы. Ф. Ницше считает, что только власть, воля к власти предопределяет устойчивость, рост и развитие, определяет собой прогресс человека. Религия же унизила само понятие «человек», заставила его вымаливать милости у Бога вместо того, чтобы создавать их самому.

Ожидание этих «высших милостей», ценностей Бога растягивается порой на всю жизнь. Само учение христианства церковь извратила, приспособила его в своих целях: «она обесценила всякую ценность, из всякой истины она сделала ложь, из всего честного – душевную низость» [4].

Ценности и их значение были выдуманы и воздвигнуты над человеком. Они являются потусторонними, являются повелением Бога, и были получены из некоего идеального мира, который является «истинным». Но так как истинным миром, по мысли Ф. Ницше, является мир земной, то пришло время отказа от трансцендентных истин и ценностей, пришло время излечить человека, осуществить переоценку ценностей, вывести человечество к новой, подлинной морали.

Нигилизм Ф. Ницше стал отправной точкой в постановке идеи о необходимости новых ценностей. Ницше считает, что всякое великое в жизни достигается нарушением законов и норм морали, постановкой себя вне любых норм морали. Моральный человек – это человек, поклоняющийся выдуманным законам, поэтому он не может быть удачливым, счастливым, не может добиться успеха. Любой герой, любой великий человек есть, по сути своей, преступник, но преступник, обладающий самым лучшим качеством – волей к власти. Недостаток этого качества, по Ницше, привел к созданию убогой, больной морали, где все истинные ценности жизни

выступают как греховные. Созданная больными людьми, мораль тоже является больной, и не может вызывать в наше время никакого доверия, ибо заставляет презирать и ненавидеть силу, здоровье, власть и волю к власти. Такая мораль была создана с помощью совершенно аморальных средств, таких как насилие, несправедливость, войны, ложь, принижение человека. То, что создано безнравственным путем, не может само быть нравственным. «Жизнь не имеет иных ценностей, кроме степени власти – если мы предположим, что сама жизнь есть воля к власти» [2]. Согласно идее Ф. Ницше, «...общеобязательная мораль устанавливается силой, ибо с помощью ее достигается известная выгода: а для того, чтобы обеспечить ей победу, объявляется война безнравственности» [2].

Добродетель объявляется идеалом, ее сущность четко формулируется, что ведет к формированию человека, лишённого уникальности и личностных качеств, похожего на других людей. Эти догмы благочестия должны помочь вырастить добродетельного человека, который, по мнению Ницше, вообще есть «недочеловек», или низший вид.

Человек подчиняется законам, авторитетам, стереотипам и мнениям, в создании которых не участвовал и которых сам не желал. Кто создал имеющиеся идеалы, в каких целях они созданы? Ницше считает, что они навязаны человеку обществом и религией. Данные идеалы не должны существовать вообще, они не имеют связи с реальностью, поэтому человечеству пора забыть слово «идеал».

Моральные нормы и идеалы убивают жизнь, объявляют ценностью отказ от самой жизни, отказ от своих желаний, проповедают слабость, альтруизм, сострадание, самопожертвование. В такой жизни нет места страстям и инстинктам настоящего человека, ибо они объявлены греховными, их надо искоренить, как противоречащие разуму и добродетели. Философ считает это полным абсурдом, но этот абсурд был реализован в истории человечества с помощью хитрости, силы и принуждения.

Инстинкты, эмоции и радости жизни попытались заменить нормами, табу, разумом, но это не принесло человеку счастья. Мораль подорвала сам стержень жизни человека, внушив ему ложные

ценности и отрицая ценность самого человека. Скептицизм, любовь, страсти, желание обладания, сила, решительность и воля – все это объявлено врагами человека с помощью морали. Проповедь ценностей слабости и зависимости, по Ницше, вызывает только удивление и презрение. Он говорит, что единственным критерием ценности выступает «воля к власти», а рассуждение о «моральном» или «аморальном» являются пустыми разговорами.

Ценность человека определяется его волей, полезностью или бесполезностью его действий, деятельностью, но не моралью. Ценность человека в его свободном выборе, свободе от религий и шаблонов. Поэтому Ф. Ницше выделяет в обществе два типа людей – чернь и элиту, рабов и господ, отличающихся по отношению к морали, религии, творчеству.

Элита всегда желает перемен, она стремится изменить реальность к лучшему. Именно элита является в истории создателем истинных ценностей. Чернь, или рабы, являются нетворческим большинством, не обладающим «волей к власти». Они не имеют значения для прогресса, никогда не создавали и не способны создавать общечеловеческие ценности. Их праведный «совершенный» мир соткан из страданий, боли, презрения к Земле, ненависти к здоровым людям и медленного умирания. Более всего их страх и презрение направлены на элиту, наделенную силой, здоровьем, жадой жизни, веселостью, интеллектом и независимостью суждений. Согласно Ф. Ницше, почти все они являются серой массой, больными неудачниками. Они понимают свою убогость и отверженность, а потому используют мораль для оправдания своей неполноценности.

Именно такие люди являются авторами чуждой морали, в частности христианской. Она основывается на таких вредных для развития человека понятиях, как греховность, покаяние, милосердие, смирение, добро, непотворение злу. Все, что даровали человеку жизнь и природа, они подвергли критике и проклинали: «...на всех силах и влечениях, при помощи которых существует жизнь и рост, лежит проклятие морали: мораль как инстинкт отрицания жизни. Необходимо уничтожить мораль, чтобы освободить жизнь» [5, с. 34].

К сожалению, пишет Ф. Ницше, именно эти рабские качества были навязаны человеку. Они стали господствовать, способствуя выживанию ущербных и слабых людей, уменьшению инстинктов власти и воли, уменьшению количества господ, элиты. Что касается религиозной морали, то она всеми силами способствует деградации человека, уменьшению его жизненных потенций и уничтожению любой «воли к власти». Именно религиозная мораль провозглашает аскетизм как норму и благо жизни, как идеал. Необходима новая мораль или отсутствие таковой вообще, что поможет воскресить истинный дух человека и человечества – дионисийский дух, который человечество утратило.

Анализируя ценности, Ф. Ницше называет, как ненужные и отжившие, понятия совести и вины. Отвергая христианскую мораль, философ отвергает и совесть как осознание вины. И то, и другое являются негативными феноменами и не могут быть оставаться ценностями элиты и сверхчеловека. Совесть и вина заставляют человека безмолвно подчиняться обществу и его требованиям, постоянно отдавать себя собственному суду. Совесть провоцирует сомнения и неуверенность в себе, вызывает стадные инстинкты, которые проявляются в такой же стадной деятельности с доминантой греховности, страха, несовершенства, слабости и покаяния. Ницше отмечает: «Совесть – это болезнь, это не подлежит сомнению, но болезнь в том виде, в каком болезнью является беременность [5]. На месте совести должен появиться другой феномен, который не будет связан с виной, страданиями, болью, а приведет к раскрытию новых творческих способностей, которые принесут истинное счастье. Настоящий поступок зрелого человека не может и не должен вызывать чувство вины или муки совести, поэтому угрызения совести – это показатель недостаточной «воли к власти», незрелости личности и необходимости суметь «превзойти» себя.

Цель любого человека одна – реализовать жизненные силы, понять и ощутить свою жизнь как ценность, где основой как доминантная ценность будет воля к власти. Воля к власти является у него главным критерием оценки человека и его ценности. Воля к власти есть единственный путь к Сверхчеловеку. Такой человек может

создавать новые ценности, «играть» на краю пропасти, не боится посмотреть в «бездну», которая смотрит в него, он не боится смерти. Сверхчеловеку не нужен Бог, не нужны его милости, он не верит в него, не боится кары божьей, он сам для себя Бог. Ф. Ницше считает, что вера в богов или Бога была всегда вызвана страхом смерти, но для Сверхчеловека нет страхов, а значит, «Бог умер».

Отметим, что фраза «Бога нет» многократно повторяется Заратустрой, но решающей роли не играет. Ф. Ницше не собирается доказывать ни тезис, ни антитезис. Вера в Бога, которая поработочает человека, религиозная мораль, которая вредна, господство иллюзий, забвение Земли и ее радостей, уход человека в потусторонний мир – вот что волнует Ницше. Смерть Бога открывает возможность для создания мира новых ценностей, новых смыслов мира и бытия, а целью нового бытия должно стать появления Сверхчеловека, «Умерли все боги, теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек», – говорит Заратустра. Цель создания сверхчеловека – «...вот истинная цель!» [2, с. 529]. Но сверхчеловек Ницше не сверхъестественное существо, не мессия, не вождь, он является реальным идеалом для каждого, кто свободен духом, ибо такая свобода есть основа величия. Стать выше себя, преодолеть себя, стать мостом на пути к сверхчеловеку, принести себя в жертву Земле и погибнуть, чтобы жил Сверхчеловек.

Безусловно, учение Ф. Ницше противоречиво, эмоционально, неоднозначно, но оно заставляет размышлять. Его «болевой точкой» является индивид как бесконечно становящаяся ценность.

Литература

1. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше. – М.: Эксмо, 2018. – 352 с.
2. *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2005. – 873 с.
3. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М.: АСТ, 2019. – 416 с.
4. *Ницше Ф.* Ессе Номо. Антихрист / Ф. Ницше. – М.: АСТ, 2019. – 352 с.
5. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали / Ф. Ницше. – М.: Академический проект, 2007. – 398 с.

О ПРОБЛЕМЕ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

Говоря о постмодернизме, создается впечатление, что это понятие не имеет чёткого смысла и даже видимой связи с реальностью, исключая разве что его несомненную историческую связь с модерном, что следует из самого названия. Что означал модернизм как известная концепция философии и науки? Дело в том, что классическая философия была тесно связана с онтологической проблематикой и сама стремилась стать теорией бытия. Более того, истинным знанием считалось именно знание о бытии. Что касается философии постмодерна, то акцент перемещается на теорию познания, а не бытия. Она полностью отказалась от исследования бытия, передав его для изучения частным наукам, появляются новые концепции и подходы, в которых на первый план выходят гносеология и учение о научном методе.

Также важными и разрабатываемыми становятся идеи прогресса как научного, так и технического. Положив в основание идею прогресса, радикально меняется антропологическая доктрина: переосмысливаются и подвергаются критике предшествующие теории и подходы к рассмотрению человека и его сущности. Возникают новые теории, где человека начинает рассматриваться не столько, как творение природы, а как творение самого себя в процессе эволюции. Отныне он не дитя природы и процесса эволюции, а соавтор своей собственной жизни. На вершину выдвигается значение мышления человека, его разумность, а сам разум понимается как развитие естественных органов. Сегодня философы все чаще приравнивают понятие модерна к идеалу разумного знания эпохи Просвещения. Очевидно, что постмодерн – это то, что следует после модерна, но данный этап в развитии общества не просто следует, но и отрицает модерн, являясь его антитезой. Он знаменует собой конец привычных традиционных структур и институтов. Происходит потеря веры в саму идею прогресса

и существование некоей определенной всеобщей цели у человека и общества.

Для модерна были характерны такие категории, как упорядоченность, стабильность, универсальность, в то время как постмодерн отдает предпочтение разобщенности, многообразию, непохожести и понятию случайности. Можно сказать, что постмодерн не является термином, который применим к обществу в целом или какой-то сфере деятельности в конкретном случае. Скорее, его можно отнести к системе знаков или символов, которые специфично преломляются во времени и пространстве. Парадигма критического мышления ломается, наука приобретает новые смыслы, а сам постмодерн начинает восприниматься как возможность нового способа восприятия мира, лежащим в основе менталитета новой эпохи с ее новой культурой. Что касается появления первых постмодернистских теорий, то на этот счет единого мнения среди ученых нет.

Исследователь постмодернизма Ихаб Хассан полагает, что постмодернизм начинается с появления литературного произведения, – «Поминки по Финнегану» (1939) Д. Джойса. Удивительное описание дано им эпохе постмодернизма: «Икушенные в подозрительности, обращенные в скептицизм, приверженцы децентрации, плюралистические, прагматичные, полихронные, мы вряд ли можем отдать предпочтение нашему моменту, как И. Кант отдал предпочтение эпохе Просвещения. Вместо этого мы сделали ставку на отказ от близости, делирий рефлексии и безграничную тревогу самоопределения. Кто я, кто мы – это ли не хор момента? В конце концов, возможно, постмодернизм и есть постоянное упражнение в самоопределении, или попросту двусмысленная автобиография эпохи» [1].

Само понятие «постмодерн», или «постмодернизм» с восьмидесятых годов XX века прочно входит не только в образовательный, университетский лексикон, но и становится элементом повседневной речи. Условно можно сказать, что термин «постмодерн» используется как для обозначения специфики самой культуры второй половины XX в., так и особенностей современной философской мысли. Он представлен именами Жоржа Батая, Жака Лакана,

Жака-Франсуа Лиотара, Жюль Делеза, Жана Бодрийяра, Феликса Гваттари, Жака Деррида и других. Необходимо отметить, что постмодерн выступает в качестве нового, особого типа мировоззрения, в котором главной ценностью объявляется и провозглашается свобода во всех ее проявлениях. Желания и эмоции, жизнь, как игра, играющий человек и его спонтанность выступают на первый план в рассмотрении человека, его сущности и функционирования в социуме. Присутствует сильное критическое отношение к современности и происходящим в ней процессам, что ведет к плюрализму мнений и оценок современной культуры, ее состояния и перспектив.

Основные принципы постмодерна можно сформулировать следующим образом:

1. Объективная сущность является иллюзией.
2. Истина неоднозначна и множественна.
3. Обретение знания всего лишь бесконечный процесс пересмотра словаря.
4. Действительность формируется под воздействием человеческих желаний и поступков.
5. Человеческое познание не является истинным отражением мира, оно всего лишь интерпретирует его.

Главная задача, которую провозгласили постмодернисты, заключалась в необходимости сломить многовековой диктат разума, показать его слабость и даже ничтожность. Претензия разума на адекватность процесса познания и достижение истины являются даже не заблуждением, а ложью. Это не более, чем обычное человеческое тщеславие или гордыня.

В середине XX века западные исследователи дружно заявляют об «устарелости человека». В связи с таким подходом, устаревшими объявляются и все человеческие экзистенциалы, все то, что мы связываем с сущностью человека и личности. На смену личности и даже индивиду приходит нечто неопределённое – некий «человеческий экземпляр». Сама личность начинает анализироваться только в движении, процессе коммуникации, а различные культуры – в системе взаимодействия и диалога. Философы постмодерна констатируют:

современный прогресс ведет к дегуманизации, а техника вытесняет все человеческое и самого человека тоже.

Экономические отношения производства и сферы услуг с необходимостью приводят к овеществлению человека, он постепенно становится вещью процесса производства или потребления. При этом экономические отношения редуцируют возможности человека, превращая их в примитивные. Один из главных теоретиков постмодерна Жак-Франсуа Лиотар еще в конце семидесятых годов в работе «Состояние постмодерна» писал: «Объекты и мысли, рожденные в научном знании и капиталистической экономике, содержат в себе **правило**, поддерживающее саму возможность их существования: реальности нет, если только она не засвидетельствована консенсусом между партнерами по поводу определенного знания и определенных обязательств» [2, с. 85].

В свете постмодернистской теории мы видим, как мир теряет свою устойчивость, что в новой реальности нет никаких устойчивых качеств. Человек вынужден постоянно заново открывать самого себя, являясь непрерывной изменчивостью и неопределенностью. Если в концепции модернизма сущность человека состояла в едином потоке жизни, в самом единстве жизни, которая была направлена на развитие самосознания, то сущность человека постмодерна характеризуется постоянными начинаниями, разломами, нестабильностью и изменчивостью. Отныне человек «строит бытие на песке», он не уверен ни в чем, он не может полагаться на проверенные координаты устаревшего и уютного модерна, ибо нет ничего устойчивого. Отныне перед ним открыт новый непонятный мир, где нет никакого центрального субъекта, нет никаких понятных целей, нет исходного пункта, да и смысла жизни, по сути, тоже нет.

Необходимо начинать жить по-новому: перестать искать и обосновывать смысл жизни, пытаться понять развитие общества или морали, хорошего и плохого, красоты и безобразия. Надо учиться жить сегодняшним днем, настоящим, не заботясь о будущем и не вспоминая о прошлом, ибо все это не имеет смысла. Человек больше сам не является центром и не находится в центре своих действий и решений, он должен жить в постоянно изменяющейся

ситуации, он становится маленьким и бескачественным, растворяясь и исчезая в постмодерне, что приводит к заявлению постмодернистов о «смерти субъекта».

Постмодерн выступает против единой истины, провозглашая их множественность, а также множественность сторон и проявлений самого разума. Это с необходимостью приводит постмодерн к сомнению в реальности, действительности материального мира. В результате действительность появляется и проявляется в постмодерне, как простая симуляция и виртуальная реальность, реальность знаков. Например, у Ж. Бодрийяра: «Потребление включает в свою сферу все: не только вещи, но и отношения, историю, природу, даже науку и культуру. И во всех случаях феномены, попавшие в сферу потребления, приобретают свойства потребляемой вещи: они служат знаками престижа и средствами иерархии, они испытывают на себе цикл моды, короче, они представляют собой, например, не науку, а знак науки, не культуру, а знак культуры и т. п.» [3, с. 251–264].

Философствование для постмодерна может являться таковым только в результате окончания и разрушения любых доктрин. Например, Ж.-Ф. Лиотар говорил, что оно происходит под знаком смерти субъекта и тотальной потери смысла и разрушения всех значений [2, с. 85]. В постмодерне социальные связи и отношения выступают, как реальность, но эта реальность множества языковых игр, каждая из которых имеет свои правила и им подчиняется. У любого человека появляется реальная возможность участия, что в процессе игры приводит к неожиданным поворотам. В результате игры человек может проявить свою неординарность и оригинальность и интерпретировать ситуацию, как текст. Отметим, что для постмодерна также характерно стремление поиска особых уровней психического, которые принадлежат уже сфере не сознания, а бессознательного. Это приводит еще к одной из характерных черт философии постмодернизма. По вопросу о ценностях, постмодернисты утверждают, что не ставят перед собой целью полное непризнание и отрицание их существования. Для них главной целью выступает переосмысление, переоценка и возможная деконструкция устаревших,

тормозящих развитие человека ценностей. Как утверждал Мишель Фуко: «Постмодернизм – это не отрицание прежних традиций, а их переосмысление и разрушение» [4].

Одним из первых мыслителей философии постмодерна является упоминавшийся французский ученый Жан Франсуа Лиотар. В своей книге «Состояние постмодерна» он разъясняет феномен постмодерна как культурологический. Он считает, что постмодерн выступает, как закономерная реакция на устаревшее, неверное видение мира в философии модернизма. Лиотар считает, что отличие постмодернистской философии состоит в идее, что всегда существует выбор, у общества и человека в наличии нескольких альтернатив. Они присутствуют в самых различных сферах – как в познавательной, так в исторической и социальной.

Американский ученый Ричард Рорти выдвинул мнение, что вся существовавшая философия ничего не достигла в объяснении бытия, ибо искажала личностное бытие человека, лишала его уникальности собственного творчества в собственной жизни. В своем учении он утверждает, что предметом философского анализа должны стать социум и формы человеческого опыта. Социумом Рорти считает процесс общения людей и формы такого общения, где каждый индивид преследует свои цели и интересы. Именно интересы и выступают мотивом деятельности. Рорти называет постмодернизм вызовом, который служит целям освобождения человека от попыток навязать ему какую-то истину, особенно, абсолютную. Он считает, что каждая новая концепция истины исторична, как и выдвинувший ее человек, а критерием истинности является ее полезность. При этом истина инструментальна, а ее полезность должна определять ее необходимость для определенных целей человека или общества. То, что удобно для общества и человека, то и является истиной [5, с. 130–135].

Французский философ Жак Деррида вообще критикует понимание бытия как некоего присутствия. Он считает, что никакого настоящего не существует: есть только прошлое и будущее, а сам исторический процесс не более, чем метафора: «Всякое понимание начинается с метафоры, переноса, и конечно, заканчивается

метафорой, переносом, и конечно, этот путь – от переноса к переносу – и есть история». Деррида принадлежит знаменитое высказывание, что «нет никакого конца книги и нет никакого начала письма» [6, с. 54].

Опираясь на специфику современной культуры, произошедшие изменения в искусстве, морали, религии, Деррида выдвигает новый тип философствования – философствование без субъекта, но при этом предлагает перейти на гуманитаризацию и антропологизацию философского знания, что само по себе невозможно без присутствия в нем самого субъекта.

Человек в постмодернистской интерпретации «никогда не может быть тождественным себе». Он всегда есть непрерывный поток становления и изменения, короткий момент коммуникации, частица всеобщей человеческой взаимосвязи. Духовный мир человека понимается, как хаос, непрерывный процесс чередования идей, выражений, вкусов, образцов поведения и стилей, которые производятся самим человеком, являясь неповторимыми и уникальными. Любое сформулированное, данное определение, дефиниция человеком себя, считается подавлением непрерывности процесса его становления. Отсюда, самость человека не может быть типологизирована: она всегда произвольна, специфична, зависит от конкретной ситуации. Человек не может управлять своей самостью, ибо сам не знает, кто он такой! Любое знание выступает, как акт самоидентификации, и поставит нас заново в жесткие рамки ненужных и устаревших с уходом философии модернизма, определений и самоопределений, что необходимо избегать.

В результате постмодернисты пришли к отказу от такого фундаментального понятия, как личность. Если мы привыкли определять личность, как индивида с устойчивой системой качеств, освоившего пространство социального, и поэтому обладающего сознанием и действующего как сознающий индивид, то в постмодернизме такое понимание личности отвергается. Не существует никаких социальных закономерностей, особенно в формировании личности, а потому процесс ее становления для постмодернистов – это дело личного выбора, произвольного, ничем не обусловленного.

Литература

1. *Ихаб Хассан*. За пределами постмодернизма: к эстетике доверия. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://vsealism.ru/ihab-hasan-za-predelami-postmodernizma/> (дата обращения: 20.05.2024).
2. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 1998. – 159 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.
4. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М.: Прогресс», 1977. – 407 с.
5. *Рыбас А.Е.* Рорти и Ницше: спор об истине / А.Е. Рыбас // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки. СПб.: Сайт Web-кафедра философской антропологии. – 2003. – С. 130–135. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/edition/rabochie-tetradi-po-komparativistike> (дата обращения: 20.05.2024).
6. *Ильин И.* Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм / И. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.

И.Е. Лукьященко, А. Алымкулов

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В МЕДИЦИНЕ ПОСТМОДЕРНА

Прежде чем мы подойдем к проблеме отношений в медицине, остановимся кратко на самом термине «постмодерн». Данный термин используют для направления второй половины XX века, которая отвергла все предшествующие принципы эпохи модернизма. Постмодернизм мы можем назвать неким «культурным знаменателем» эпохи. Этот уникальный период вызывает много споров, но общепринятым является мнение, что в основе его лежит парадигма рассмотрения реальности, как бескачественного

хаоса. Он представлен такими именами, как Жорж Батай, Жак Лакан, Жак-Франсуа Лиотар, Жиль Делез, Жан Бодрийяр, Феликс Гваттари, Жак Деррида и другие. При этом некоторые из них отрицали свою причастность к постмодерну. Придя на смену модернизму с его верой в прогресс, разумность и силу науки способствовать развитию человечества, постмодерн начинает активно все эти положения отрицать. Нет больше веры в поступательное развитие и прогресс, нет цельных концепций мироздания и человека, нет ничего точного и определенного. До сих пор ученые не сошлись во взглядах на эту уникальную эпоху и ее представителей. Что это – некое новое явление в культуре, философии и искусстве, или период кризиса, который проходит эпоха модерна?

Само формирование эпохи постмодерна проходит в 1960–1970-е годы, оно связано с тем, что происходят изменения в экономике, культуре, науке и искусстве. Все доминантные идеи модерна подвергаются пересмотру и критике. Происходит угасание и смерть основных положений и супероснований, на которые опиралось общество и его мировоззрение – это бог (Ницше), автор (Барт), человек (гуманитарности), разум (рационализм).

Критика модерна не возникла на пустом месте, она была порождена самой действительностью и происходящими в ней метаморфозами. Нестабильность общества, базовая тревога, одиночество, новые ценности и цели, погоня за вещами – все это приводит к новым вопросам не только интеллектуалов, но и самих потребителей. Надо найти ответ на вопрос: «Стала ли жизнь сама по себе не только удобной, сытой и комфортной, но и более человеческой? Стала ли она более справедливой, а человек лучше и совершеннее? В каком состоянии находится наше познание и разум, возможно ли постижение истины?» Эти вопросы чаще вызывают отрицательный ответ. Даже самые яростные поборники прогресса редко отвечают на этот вопрос положительно. Да и нужно ли, ведь пора забыть о самой возможности поиска правильных ответов, ибо они просто не существуют, все зависит от ситуации и контекста. Надо научиться фиксировать мир в движении, постоянном преобразовании – воспринимать «жизнь как она есть».

К основным чертам постмодернизма следует отнести следующие моменты:

1. Ценностями провозглашена абсолютная свобода во всем.
2. Человек недисциплинирован, исполнен желаний и целей, его действия хаотичны и случайны, он сам определяет себя и свою сущность в каждый период времени.
3. Важны только спонтанность, желания и интересы самого человека.
4. Классическая логика и сама теория знаков устарела и изжила себя.
5. Герменевтика – мир этот громадный и глобальный текст.
6. Обретение знания – это бесконечный процесс пересмотра словаря.
7. Человеческое познание не отражает мир, а только интерпретирует его. Любая интерпретация является верной, и ни одна интерпретация не имеет преимуществ перед другой.
8. Истина не существует, она неоднозначна и множественна. Абсолютная истина есть иллюзия или обман.
9. «Смерть субъекта». Философствование без субъекта.
10. Теория симулякров и «симулятизация» реальности. Вся реальность есть совокупность знаков, не имеющих связи с действительностью.

Обратимся к некоторым известным представителям постмодернизма. Яркой фигурой постмодерна является М. Хайдеггер, давший резкую критику понятий метафизики. В своих экзистенциально-лингвистических теориях и их выводах он отказался от использования таких категорий, как материя и дух, субъект и объект, сосредоточив свое внимание на «деконструкции» разума и его исторических форм, используя феноменологический метод, разработанный Гуссерлем. Этот метод состоит в отказе от всех своих предшествующих знаний и предубеждений, сосредоточения на каждом конкретном моменте, который человек наблюдает в данном времени, исследуя сами структуры сознания и свои переживания. Главной структурой переживания является направленность сознания на определённый объект, или интенциональность. Истина,

по Хайдеггеру, не является корреспондентской, или соответствием наших представлений наличной реальности. Не являясь отражением реальности, истина укоренена в способе бытия человека [1].

Жак Деррида является одним из самых влиятельных философов конца XX века. В первую очередь, он философ языка. Деррида считает, что язык не является основой для процесса познания и вообще не имеет связи с миром. Любой язык – это всегда некая нестабильность, двусмысленность и противоречивость, ему свойственны постоянные изменения в семантике. Он отбросил всякую возможность установить для текста какой-либо единственный и устойчивый смысл. «Вся культура рассматривается как совокупность текстов, с одной стороны, берущих начало в ранее созданных текстах, а с другой – генерирующих новые тексты». Или другое его известное выражение – «Нет никакого конца книги, и нет никакого начала письма» [2, с. 54].

Можно обратиться к влиятельному представителю аналитической традиции в философии, – Ричарду Рорти, который получил известность как философ, призывавший отказаться от предшествующей философской традиции, особенно в области гносеологии. Рорти отрицает положение, согласно которому знание есть «зеркало природы», отражение реального мира нашим сознанием, где внешний мир совершенно от него не зависит. Для исследователя такое положение является источником ошибок и застоя в философии. Он утверждает, что философские методы образуют набор условных «словарей», с которыми люди либо соглашаются, либо отказываются от них со временем. При этом ученые руководствуются, как обстоятельствами социальной жизни, так и пользой такого применения. Следовательно, философия есть и будет только интерпретацией и посредницей между различными областями культуры. Она является необходимым и удобным мостиком между властью, наукой и религией [3].

Отметим, что в результате логика постмодернизма привела к отрицанию существования плохого и хорошего, правильного и неправильного, добра и зла, высокого и низкого. Как выразился известный французский социолог Ж. Бодрийяр: «Целевые

установки исчезли, теперь нас порождают модели. Больше нет идеологии, остались одни симулякры». Ничто не является установившимся и определенным, особенно мы сами: «Мы уже не способны верить, но мы верим в того, кто верит. Мы уже не способны любить, но мы любим лишь того, кто любит, мы не знаем, чего хотим, и хотим лишь того, чего хочет кто-то» [4, с. 118].

Говоря о проблемах в медицине, отметим, что медицина всегда отражает мировоззрения и установки общества, его нормы и ценности. Она находится и функционирует под постоянным воздействием, как социального – политического, так и экономического и культурного устройства общества, изменяясь вместе с ним. Само общественное развитие детерминирует изменения в отношениях врача и пациента, протоколах лечения и регламентации лечебного процесса. Каким образом развивалось подобное взаимодействие? Первоначально, в эпоху «предмодерна», врач воспринимался как спаситель, целитель, несший в себе некие недоступные другим, священные знания. Это сакральное знание могло передаваться через поколения, наследуясь потомками. Быть врачом считалось высоким званием и предназначением, поэтому священный долг и совесть стояли на первом месте. В таком обществе пациент смотрел на врача, как на полубога, от которого зависит его здоровье и жизнь, доверяясь ему полностью. Поэтому, как в диагностике, так и процессе лечения не могло быть никакой самостоятельности пациента – все решения принимал и отвечал за них врач. О знаменитых целителях древности складывались целые легенды.

В эпоху модерна врач является просто специалистом, деятельность которого основывается на специальных знаниях. Опытный врач предпочтительнее, так как к знаниям добавляется зрелое рациональное мышление и накопленный опыт. Была разработана четкая грань между болезнью и здоровьем, нормой и патологией, из чего и следовало исходить при диагностике и лечении. Целью такой медицины было стремление найти причину заболевания и устранить ее, продлить жизнь пациенту. Пациент вступал в контакт с врачом и постоянно находился под наблюдением, проверяя свое состояние и четко выполняя все рекомендации врача.

В эпоху постмодерна ситуация кардинально меняется. Сакральность профессии совершенно исчезает, врач все чаще подвергается критике и обвинениям, становится просто винтиком огромной человеческой «машины», единицей процесса производства, где всё подчинено определенному алгоритму и нормам. Отныне его работа – это оказание услуг, при котором он должен следовать определенным протоколам и шаблонам, соответствовать заданным стандартам. Сегодня есть поставщик «услуг» (врач) и потребитель (пациент). При этом данные ролевые разграничения достаточно абстрактны. В результате мы имеем отношения некоего абстрактного врача с абстрактным пациентом, где образ взаимодействует с образом, что ведет переходу от привычной реальности к образу реальности.

Понятие нормы в постмодерне просто отсутствует, ибо она больше не считается необходимой – все зависит от ситуации и предпочтений, интересов и моды. Пациент эпохи постмодерна не мечтает о гармонии телесного и духовного, он стремится не к излечению от болезни, а к некоему придуманному им образу, например, «выглядеть на миллион». В результате есть картинка под названием «каким я хочу быть», и это «хочу» делает врача обслуживающим персоналом с соответствующим к нему отношением. Отныне он в одной «связке» с официантами или парикмахерами.

Лечение чаще всего выступает как простое снятие синдромов боли или дискомфорта, улучшение внешности, а не повышение качества жизни и установление истинной причины болезни, как это было в модерне. Что касается воображаемого себе образа пациента, то здесь огромную роль играют СМИ, реклама, мода и т. д.

Развитие технологий и работа онлайн ведет к ограничению реального взаимодействия врача с пациентом. Чаще всего, врач прибегает к получению информации и ее обработке, не вступая в контакт, в физикальное обследование. Это происходит на основании результатов анализов или снимков, считается более современным и ускоряющим работу инструментальными методом для врача, экономией его времени. Отныне диагноз можно поставить на расстоянии уже перед первым появления пациента или даже перед операцией,

что сокращает время личного общения, при котором происходило бы более детальное знакомство с больным, как с конкретной личностью, а не только с его анализами и снимками. Такая современная, так называемая, «оптимизация» работы привела к двойному обезличиванию – и врача и пациента.

Сегодня распространена схема, где все ограничивается сопоставлением имеющихся результатов анализов с жалобами и проблемами пациента, насколько они соответствуют предполагаемому диагнозу. Личное присутствие заменяется стопкой документов, включая страховку и личные данные вплоть до места работы и семейного положения, которые не имеют никакого отношения к больному или болезни. При наличии или отсутствии документов будет производиться корректировка медицинской помощи, например, очередность и время операции, объем медицинского вмешательства, который может оказать данный врач, или отказ в лечении.

Даже при наличии всех бумаг и страховок, врач ограничен в методах и формах самого лечения, ибо подчиняется определенному стандарту, или протоколу лечения. Качество работы оценивается по документам и по истории болезни. В результате реальный больной исчезает и заменяется неким его образом. Этика, мораль, нравственность, и доверительные отношения между врачом и пациентом более не существуют, они заменяются протоколами и медико-экономическими стандартами, которые, в свою очередь, могут со временем изменяться. Как пример можно привести протоколы лечения ковида, которые не раз менялись, и предыдущий признавался неполным и ошибочным, что привело к большому количеству смертей.

Таким образом, в эпоху постмодерна отношения между врачом и пациентом обезличиваются, а само общение постепенно утрачивается. Этот процесс набирает силу и скорость и часто перед врачом находится только «образ болезни», но отсутствует сам больной. Такая ситуация разучила врачей видеть в пациентах людей, а пациенты все чаще прибегают к помощи Интернета, не доверяя врачам.

Особенности новой эпохи, как в зеркале, отражаются в медицине. Изменилось не только время и общество, но сам человек стал

иначе относиться к себе и своему телу и здоровью. Тело становится предметом продажи и имеет стоимость как для карьеры, так и для благосостояния человека. Отныне это частная собственность, которой распоряжаются по законам рынка или моды, а не «работоспособной гармонии» модерна. Неважно, что будет потом, важно «здесь и сейчас».

Отношения между врачами тоже претерпели изменения. Уходят в прошлое понятия врачебной дружбы и поддержки, каждый сам за себя в борьбе за пациентов, что часто приводит к наговору на своих же коллег или прямой лжи. Известный философ Ф. Фукуяма охарактеризовал данное время, как ситуацию, когда индивидуализм, который являлся фундаментальной ценностью общества, незаметно начинает переходить от «гордой самостоятельности свободных людей в род замкнутого эгоизма без оглядки на ответственность перед другими людьми» [5].

Сегодня огромное значение приобретает вопрос медицинских исследований и проводимых опытов во всех сферах медицины – их последствия. Особенно это касается нанотехнологий и биотехнологий, направленных на работу с человеком и его геномом. Ф. Фукуяма утверждал, что здесь невозможно провести границу между добром и злом, между преимуществами и изъятиями. Он говорит, что во многих случаях медицинская техника и новые технологии просто предлагают нам «сделку с дьяволом». Это относится, например, к продлению жизни, но снижению ее качества в виде понижения интеллекта. Многие средства сегодня способны избавить от депрессии, но одновременно понижают силу духа противостоять испытаниям и сложностям. Медикаментозная терапия, стирает грань между тем, чего мы достигаем сами, силы нашего организма и тем, что дало нам лекарство [6, с. 122].

Так как в постмодернизме нет четкой границы между добром и злом, то нет и устоявшихся норм. Можно бесконечно приводить примеры, когда зло становится добром, а добро выступает как зло. Все относительно, ибо нет никаких критериев, общих правил и ценностей, а понимание хорошего или дурного зависит от существующей ситуации, интересов и преследуемой цели. Поэтому понятие

нравственности достаточно условно, или вообще надо от него отказаться.

Литература

1. *Хайдеггер М.* Вещь и творение // Хайдеггер М. Исток художественного творчества. – М.: Академический проект, 2005. – 526 с.
2. *Ильин И.* Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм / И. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
3. *Рорти Р.* Универсализм, романтизм, гуманизм: лекции / Р. Рорти. – М.: РГГУ, 2004. – 56 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 1999. – 224 с.
5. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2008. – 474 с.
6. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.

А.Н. Нурбекова

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ И ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

На сегодняшний день правительство Кыргызстана активно работает над цифровой трансформацией образования, ориентируясь на международные стандарты и передовые технологии. Важнейшими элементами этой трансформации являются цифровые платформы, онлайн-ресурсы, автоматизированные системы управления образованием и специализированные программы для повышения квалификации педагогов.

Внедрение новых ИКТ в образовательную сферу способствует повышению мобильности, интерактивности и развитию интересов учащихся. Одним из ключевых направлений политики в сфере образования является создание равных условий для равного доступа к качественному образованию, независимо от социального статуса и географического положения учащихся [1].

Современные цифровые технологии в образовании позволяют решать множество задач, включая:

- обеспечение равного доступа к качественным образовательным ресурсам для учащихся по всей стране, независимо от их местоположения;
- автоматизацию процессов управления учебными заведениями, что снижает бюрократическую нагрузку и повышает эффективность работы;
- создание гибких моделей обучения, позволяющих учащимся выбирать удобный темп освоения материала;
- обеспечение прозрачности образовательных процессов, что снижает коррупционные риски при зачислении учащихся, проведении экзаменов и оценке знаний.

Решение данных задач не только способствуют интеграции в мировое образовательное пространство, но и помогают решать внутренние проблемы, такие как нехватка учебных материалов, ограниченный доступ к образовательным ресурсам и низкий уровень цифровых компетенций у преподавателей и учащихся.

С целью обеспечения широкополосного доступа к Интернету, в рамках программы «Digital CASA – Кыргызстан» были реализованы следующие действия:

- проложено более 3000 км ВОЛС, или более 100 % от прогнозного индикатора;
- завершены строительно-монтажные работы по организации 212 распределительных узлов, или более 100 % от планового объема работ;
- подключены к ВОЛС 1237 из 1432 государственных социальных объектов, или 86 % от планового объема;
- завершены работы по организации 30 новых магистральных узлов, или 100 % от планового объема [2].

Однако, несмотря на эти достижения, в стране сохраняются проблемы, связанные с цифровым неравенством. В частности, около 32 % граждан в отдаленных районах не имеют стабильного доступа к интернету, а базовые цифровые навыки есть только у 38 % населения.

Вместе с тем, развитие интернета, позволило создать несколько образовательных платформ в нашей стране.

1. Информационная система управления образованием (ИСУО).

Данная государственная платформа является ключевым инструментом цифровизации образования, позволяя автоматизировать административные процессы. На платформе зарегистрировано более 1,5 млн учащихся и около 200 тыс. преподавателей [3].

2. Электронный дневник «Күндөлүк».

Платформа «Күндөлүк» позволяет родителям и учителям в режиме реального времени отслеживать успеваемость учащихся. Однако система сталкивается с техническими сбоями и проблемами доступности интернета.

3. Программа повышения квалификации «ICT-санарип».

Программа «ICT-санарип» предоставляет курсы по цифровым технологиям для педагогов, способствуя повышению их квалификации и развитию новых методик преподавания. Данный проект реализован при поддержке ЕС и оказывает поддержку правительству Кыргызстана с целью продолжения реформы сектора образования, включая укрепление взаимосвязи между содержанием образования, компетенциями учащихся и потребностями рынка труда. На платформе «ICT-санарип» для учителей проводятся 10-дневные курсы по обучению ИКТ-технологиям, по окончании выдают сертификаты.

4. Реестр учителей «Мугалим» [4].

Государственная платформа «Мугалим» является единой базой данных преподавателей, включающей информацию об их стаже, квалификации и вакансиях в образовательных учреждениях. Платформа «Мугалим» позволяет также подавать вакансии в электронном формате. В нем размещены все преподавательские вакансии по республике, и при приеме на работу учитель автоматически заносится в реестр занятых педагогов и другие связанные данные.

5. Платформа «Билим».

Единая точка доступа ко всем информационным системам Министерства образования и науки. Портал разработан для предоставления пользователям мгновенного доступа к их образовательным аккаунтам, обеспечивая единый и безопасный доступ к разнообразным образовательным ресурсам. На сайте реализовано 16

доступных сайтов: Цифровое образование, Реестр сертификатов, аттестатов, дипломов, Система лицензирования и аккредитации, Электронные библиотеки и прочее [5].

В заключение следует отметить, что цифровизация образования в Кыргызстане, в частности внедрение электронных порталов и дневников, открывает новые перспективы для развития и модернизации образовательной системы. Несмотря на существующие вызовы, цифровое образование помогает сделать учебный процесс более доступным, прозрачным и эффективным. Внедрение электронных порталов является важным шагом к созданию современной системы образования, которая отвечает потребностям цифрового поколения и требованиям глобализованного мира. С дальнейшим развитием и поддержкой цифрового образования Кыргызстан сможет создать более инклюзивную и инновационную образовательную среду, подготовленную для обучения и адаптации к будущим вызовам.

Литература

1. Указ Президента КР от 31 октября 2018 года УП № 221 «О Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы» [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/430002/edition/1095562/ru> (дата обращения: 15.02.2025).
2. О деятельности проекта «DIGITAL CASA-KR» за 2023–2024 год. Компонент 2. Региональная инфраструктура цифровой связанности. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://digital.gov.kg/activities/o-deyatelnosti-proekta-digital-casa-kr-za-2023-2024-god-komponent-1-regionalnaya-infrastruktura-czifrovoj-svyazannosti/> (дата обращения: 15.12.2024).
3. ИСУО МОиН КР [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://emis.edu.gov.kg/Dashboard> (дата обращения: 05.04.2025).
4. Реестр педагогических кадров [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mugalim.edu.gov.kg/ru> (дата обращения: 10.12.2024).
5. Билим [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://bilim.gov.kg/ky> (дата обращения: 10.02.2025).

ВЕЩЬ КАК НОСИТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В эпоху быстро сменяющихся технологий вещь как носитель социальной и ее культурной памяти представляет материальный объект культуры в прошлом и трансформацию ее в настоящее время. В этом смысле вещь выступает важным элементом, являясь не только предметом повседневного обихода, но также носителем социальных кодов и символов. Предметный мир становится зеркалом и транслятором, отражающим социокультурные процессы, которые формируют коллективную память предшественников. Стоит подчеркнуть, что в условиях глобализации вещь становится связующим звеном между индивидуальным и общим, между уникальным и универсальным. Представляя возможность выражать и сохранять культурное наследие, а также формировать новые методы поглощения и сохранения информационного кода в динамичном постоянно изменяющемся мире. Поэтому вещь не только служит функционалом потребностей, но и играет ключевую роль в формировании и сохранении смысла собственной «самости и символичности».

Большое значение для понимания вещи как носителя социокультурной памяти и ее трансформации в эпоху цифровой революции имеют труды представителей У. Эко, Ю.М. Лотмана, А.Ф. Loseва, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Э. Кассирера, Г. Маклюэна, С.М. Карымова, А. Палажченко, В.А. Бородина, Р.М. Алгулиева, А. Ассмана.

Вещи обладают свойством стать ключом к воспоминаниям, как бы открывая портал в прошлое, становятся атрибутом особой магии, позволяющей путешествовать в лабиринтах собственной исторической данности.

Философское понимание вещи Э. Кассирера, в основном, опирается на духовный мир, поскольку сама культура рассматривается

как последовательность символических форм, где вещи воспринимаются философом как символы, функционирующие на различных уровнях человеческого существования, будь то бытовой или культовый уровень. При исследовании материального мира, концентрируется внимание на символической реальности, поскольку именно в ней вещь приобретает свой онтологический статус [1, с. 53]. Следовательно, вещный мир культуры представлен символом пространства, которым человек оперирует. Символическая сущность проявляется в материальных предметах, окружающих человека, и пока эти знаки вещи остаются неотъемлемой частью жизни, они будут существовать, но уже в другой формации внешней оболочки. Сквозь время, вещь рассказывает о культурном многообразии ценностей, не утратив знаково-символическое значение.

В рамках материальной культуры предметный мир рассматривается как часть обширного спектра материальных трансформаций развития человечества, в архитектуре, искусстве, одежде и предметах быта. Результат проведенных исследований структурно-семиотического подхода московско-тартурской школы, традиционного мировоззрения народов Южной Сибири, а также труды российских ученых, позволяют выявить роль вещей в формировании, сохранении и передаче социальной и культурной памяти. Вследствие этого можно утверждать, что космологические представления, выраженные в коллективном мышлении в виде зашифрованного мифа, находят свое отражение в вещи, где вещь является хранителем и носителем ретроспективной информации.

Для того чтобы перейти к анализу вещи как хранителя смыслов культуры, носителя социокультурной памяти и ее трансформации в современности, нужно рассмотреть, каким образом изменялась вещь согласно периодизации в различных культурах.

В традиционном смысле носителем информации являются бумага, камень, шкура животного, пластмасса, металл, магнитные ленты, компакт-диски и другой, в наше время, физический объект, на который записали содержимое и с которого можно считать, – это и есть носитель [2]. В XXI веке такие твердотельные накопители [3], как жёсткие диски и флеш-карты, стали неотъемлемой частью

хранения и передачи данных, включая высокую емкость, надежность и скорость передачи информации, используемых в персональных компьютерах, ноутбуках, фотокамерах и иных электронных устройствах, привлекли широкий спектр пользователей. Тем не менее даже с появлением передовых технологий такие уже на сегодня устаревшие форматы, как DVD и Blu-Ray, сохраняют свою актуальность, особенно в сфере дистрибуции фильмов, музыки, программного обеспечения и видеоигр. Однако с техническим прорывом – стриминговых сервисов и онлайн-загрузки, использование контента становится всё более цифровым, открывая новые возможности для мгновенного доступа к разнообразному контенту без необходимости физического носителя. С другой стороны, материальные носители сохраняют свою роль в современном мире. Книги, журналы, учебники, брошюры и рекламные материалы продолжают печататься на бумаге, обеспечивая осязаемый и традиционный способ распространения информации, а библиотека как долгосрочный хранитель информации считается архивируемой базой, сохраняя приемственность накопленного опыта знаний поколений.

Таким образом, в эру цифровых технологий различные типы носителей памяти продолжают сосуществовать, предоставляя разные возможности для хранения, передачи и использования информации.

Если окунуться в историю *Homo sapiens*, прослеживаются древние надписи на стенах пещер, включая петроглифы, которые представляют собой уникальные археологические находки, свидетельствующие о способностях неандертальцев и указывающие на то, что предки наносили петроглифы, как известно, изначально краской. На ранних петроглифах, относящихся к верхнему палеолиту (период около 40000–20000 лет до н. э.), преобладали изображения животных, включая, мамонтов и саблезубых тигров, в период неолита (приблизительно 10000 лет до н. э.) стали появляться изображения человека, а также рисунки ритуалов и успешной охоты. Воздействие природных условий привело к эволюции настенной живописи, потому как дождь вымывал угольную, глиняную и меловую надпись и поэтому представители первобытных общин

прибегли к гравировке силуэтов животных на скалах с использованием острых камней [4, с. 84–88]. Однако и такой подход не обеспечивал эффективность в записи и сохранения информации, поэтому в дальнейшем шумеры использовали метод выдавливания знаков на сырых глиняных табличках с применением клиноподобных тростниковых палочек, откуда собственно и название «клинопись» [4, с. 84–88]. Такие таблички представляли собой документы с десятками глиняных страниц, тем не менее, несмотря на продуктивную деятельность цивилизаций, глина оказалась неудобной для обработки больших текстов, порождая необходимость в поиске более эффективного и долгосрочного носителя информации. В Персии появился древний материал – дефтер – из высушенных шкур животных, в переводе с турецкого означает тетрадь. Данная методика заинтересовала греков, а также жителей города Пергам, которые освоили технологию изготовления дефтеров. Вследствие чего во II веке до н. э. они усовершенствовали процесс обработки шкур и начали производство пергамента [4, с. 84–88]. Пергамент, как новый носитель информации, обладал рядом преимуществ, отличаясь высокой надежностью хранения информации благодаря своей прочности, устойчивости к ломкостям и трещинам. Кроме того, пергамент был многоразовым, что подразумевает возможность повторного использования. Так например, в молитвеннике X века исследователи обнаружили несколько слоев записей, сделанных вдоль и поперек, стёртых и зачищенных. С применением рентгеновского анализа на молитвеннике был обнаружен древнейший трактат Архимеда [4, с. 84–88]. Книги на пергаменте, изготовленные с использованием данной технологии, стали палимпсестами, представляющими собой рукописи поверх стёртого или соскобленного текста.

Как известно, со временем в Китае люди стали создавать «бамбуковые книги», выжигая текст на узких пластинах, скрепляя их шнурами, однако такой формат хранения данных был непрактичным, потому как занимал много места, а шнуры изнашивались. В последующем стали пробовать отражать надписи на шелке, используя пальмовые листья, сшивали в своеобразные «книги» [4, с. 84–88], но и на этом уровень развития человечества

на объектах как накопителей информации не останавливался. Создавался пласт из различных материалов, но основой все же были волокна шелковицы или тутового дерева. Процесс изготовления был занимательным видом деятельности – разделение волокон в два слоя: грубый для обычной бумаги, а мягкий для особых записей.

В европейской истории греки и римляне экспериментировали с различными материями, используя разное сырье, включая свинцовые листы и костяные пластинки. С начала VII века до н. э. закрепляется практика использования стилуса – острой палочки – для записей на деревянных дощечках, покрытых воском, образуя так называемые восковые таблички. Корректирование надписей осуществлялось тупым концом стилуса, предоставляя дополнительные возможности. Дощечки обычно группировались по четыре, отсюда понятие в переводе с древнегреческого «тетрадь». Однако, несмотря на удобство, восковые таблички были непрактичными и сохранность записей становилась актуальной проблемой дискуссий в контексте развития письменности.

В период с XI по XVI век коренные народы Южной Америки разработали систему письма, известную как «кипу» (или *quipu* на языке индейцев кечуа, что означает «узел») [4, с. 84–88]. Данный подход включал в себя веревки, к которым крепились ряды шнурков, формируя своеобразные «сообщения» путем кодировки узлов, характерными по-своему типу, количеству и цвету, а также расположению и переплетению нитей, закладывая определенный «код» или «алфавит». В Северной Америке индейские племена закладывали свой метод письменности, называемый «вампум» (или *wampum*, сокращение от *wampumpeag*) [4, с. 84–88], который включал в себя нанизывание небольших раковин на шнуры, образуя полосы. Таким образом индейские племена создавали целые сообщения и послания.

В древнерусской культуре письменным источником информации с IX по XV век служил верхний слой березовой коры, известный как береста. Буквы на бересте создавались путем вырезания грифельной или заточенной деревянной палочкой, затем поверхность протиралась углем или сажей. В особенности большое

количество берестяных табличек было обнаружено при археологических раскопках Великого Новгорода. Данный метод послания нашел применение в оперативном обмене информацией между городами, отражая письма, содержащие бытовые указания, финансовые требования и коммерческие предложения. Помимо бересты, в древнерусской письменности также применялось узелковое письмо, известное узловыми структурами. К концу XVI века в России появилась собственная бумага. Материал стал широко используемым носителем информации, заменяя бересту и другие более ранние технологии письменности в культуре Руси.

С развитием научных технологий возникает потребность в более эффективном хранении и обработке кодирования в различных программных и вычислительных устройствах. Материальным носителем информации служили перфокарты – прямоугольные карточные материалы с перфорированными отверстиями. Данные на перфокартах программировались в зависимости от наличия или отсутствия отверстий в определенных позициях, что давало команду для исполнения вычислительного устройства.

Вплоть до 80-х годов XX века перфокартные носители пользовались большим спросом, пока не вытеснили более эффективные и емкие носители, такие как тонкая железная проволока (1920-е гг.), магнитная лента (с 1928 года), магнитные диски (середина 1960-х гг.) и оптические диски (начало 1980-х гг.).

В начале XXI века наблюдается трансмутация материальных вещей в области хранения информации: предпочтительными относительно традиционных оптических и магнитных носителей становятся полупроводниковые микросхемы памяти. Твердотельные накопители активно вытесняют жесткие диски и открывают новые возможности в области хранения и доступа к данным.

Памятники материальной культуры выступают средством хранения и передачи сложного комплекса информации, в котором выделяются утилитарные, эстетические знаковые и иные характеристики. Совокупность таких свойств, полифункциональная природа бытовых предметов, отвечающих и практическим, и символическим требованиям, делает их феноменом человеческой культуры [5–11].

Следовательно, специфика ретроспективной кодировки информации письменных источников в материальных объектах, таких как камень, бумага, и в будущем – жесткий диск, имеет свои особенности. Наверное, неслучайно слово «вещь» является заимствованием из старославянского языка «вешть» (вещь), которое, в свою очередь, образовано от корня *vektь* с добавлением суффикса -ь. Корень термина связан с древнеиндийским “*vákti*” (говорить) и латинским «*vox*» (слово, голос), сохраняя тем самым схожий смысл [12].

Сегодня современные возможности виртуального пространства позволяют хранить и транслировать информацию в особенностях текстового вещественного кода культурной памяти медиа-мира. Технологическая культура, которая является господствующей в нашем обществе, претерпела глубокие трансформации, повлияв в значительной степени на образ жизни человека. Интернет в современном мире выступает не только в качестве проводника передачи информационных потоков, но и представляет собой коммуникативную среду, включающую в себя культурное и социальное наполнение, являясь своего рода хранилищем ценностей человеческой цивилизации. Виртуальное пространство Интернета становится новой когнитивной средой, в которой каждая личность, вне зависимости от возрастных рамок, самостоятельно обретает новые знания в результате взаимодействия различных этнических культур, и тем самым способствует достижению взаимопонимания между участниками сетевого общения.

В рамках взаимодействия интернет-среды и культуры возникает вопрос о построении и развитии киберкультуры, которая представляет собой интегрированную систему ценностей, норм, обычаев и образа жизни, сформированную внутри онлайн-сообществ. Возникновение и развитие киберкультуры подчиняются тем же закономерностям, что и другие субкультуры. В этом контексте киберкультура обладает уникальным набором эмпирических характеристик, которые позволяют определить ее ведущую роль. Ей присущи свои источники влияния, собственная мода, особый жаргон и социальная стратификация. Киберкультура характеризуется не только своеобразием коммуникационных практик и специфическими

формами взаимодействия, но также является чрезвычайно динамичной и эволюционирующей сферой, где участники активно создают и адаптируют новые символы, идеи и традиции. Таким образом, Интернет можно рассматривать не только как канал-носитель и среду передачи информации, но и как виртуальное пространство, где формируется новое культурное наследие.

Онлайн-площадки превращаются в своеобразные репозитории, аккумулирующие в себе социокультуризм – окружающую среду, в основе которой лежат повторяющиеся образцы, стереотипы и матрицы, бесконечно производимые и воспроизводимые. Новые технологии виртуальности вещей стали наиболее характерными формами выражения социальной культуры в медиа. Человек оказывается запертым внутри замкнутой механистической системы, функционирующей на принципе постоянного обновления, где старые элементы вещиизма заменяются новыми. Виртуальная реальность содействует носителям современной культуры и формирует массовое сознание, где основной ценностью становится потребление новых вещей.

В своей работе «К критике политической экономии знака» (1972) французский социолог Ж. Бодрийяр представляет два подхода к изучению потребления: «экономический» – основанный на логике потребительской и меновой стоимости, и «социологический» – связанный с логикой знаковой стоимости и символического обмена. Он призывает рассматривать потребление как фундаментальный дискурс, который проявляется через социальную демонстрацию и скрыт за дискурсом обычного предметного потребления, описываемого теорией потребностей и их удовлетворения. В связи с этим социолог обнаруживает ряд специфических особенностей потребления, которые указывают на то, что эта категория имеет свою особую двойственную природу, объединяющую экономический базис и социальную надстройку: передача информации через Интернет и цифровые технологии лишена физической формы и приобретает символическую природу обмена. Компьютерные технологии становятся главным средством и информационной среды коммерческой деятельности. Интернет

людей превратился в Интернет вещей – такова эволюция, которую мы сейчас наблюдаем.

Виртуализация и расширение Интернета привели к тому, что сегодня в сети все больше устройств и предметов, способных взаимодействовать и обмениваться данными. Явление, известное как Интернет вещей (internet of things; сокращенно – IoT) [13, с. 178–181], открывает новые возможности для автоматизации разных областей, где устройства могут взаимодействовать друг с другом без прямого участия человека. Сеть интернета вещей представляет собой социальную паутину, которая состоит из обычных интернет-узлов, доступных для всех. Благодаря этому телесность человека расширяется посредством экстракорпоральных органов, которые представляют собой внешние устройства, в то время как интернет-вещи трансформируют среду обитания людей, оказывая влияние на их поведение и сознание. Именно в этом и заключается суть антропотехнологических преобразований, темп которых неуклонно ускоряется – повседневная жизнь подвергается трансформации. Американский футуролог Элвин Тоффлер писал: «Массовое стандартизированное производство сменится новой индивидуализированной трудовой системой, основывающейся на интеллектуальной деятельности с применением информационных технологий, повысится производство пусть и не массового, но тем не менее богатого ассортимента товаров» [14, с. 42–48], и с появлением Интернета вещей, предсказания становятся неоспоримыми.

Внедрение интернета вещей необходимо рассматривать не только как техническую инновацию, но и как важный этап в эволюции сети, способный существенно изменить жизнь общества и человека. Значительное распространение интернета вещей в нашей повседневной жизни требует серьезного изучения как знакового явления в процессе эволюции глобализации культуры.

Таким образом, в эпоху быстро сменяющихся технологий вещь как хранитель и носитель культурной памяти переживает трансформацию от настенных надписей, книг и журналов до эффективной и мобильной передачи информации своим последователям. Виртуальное пространство позволяет воспроизводить текстовый

вещественный код социальной памяти. Интернет-пространство становится новой когнитивной средой, где зарождается киберкультура, представляющая интегрированную систему ценностей. Особенность взаимодействия общества формирует особенное культурное наследие в медиа-пространстве, именно здесь происходит адаптация новых символов, идей и традиций. Виртуальная реальность, формируя массовое сознание, неосознанно подталкивает на потребление новых вещей – Интернет вещей. Сеть интернет-пространства представляет собой социальную паутину, доступную для всех, в чем и заключается суть антропотехнических преобразований на сегодняшний день.

Литература

1. *Карымова С.М.* Философия Э. Кассирера в исследовании вещного мира традиционных культур / С.М. Карымова // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия, этика, религиоведение. – 2010. – № 340. – С. 53–56.
2. Основные определения и области применения информации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://cemz.krsu.edu.kg/prepodavatellyu/kompyuternaya-gramotnost/istoriya-informatsionnykh-tekhnologij-informatsiya> (дата обращения: 20.02.2025).
3. Твердотельный накопитель [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B4%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C (дата обращения: 20.02.2025).
4. *Палажченко А.* История бумажного листа / А. Палажченко // Наука и жизнь. – 2009. – № 12. – С. 84–88.
5. *Иорданский В.Б.* Хаос и гармония / В.Б. Иорданский. – М.: Наука, 1982. – 343 с.
6. *Клочков И.С.* Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время / И.С. Клочков. – М.: ГРВЛ, 1983. – 208 с.

7. *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: Опыт реконструкция мировосприятия / Е.В. Антонова. – М.: Наука, 1984. – 202 с.
8. *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры: проблемы мировоззрения ираноязычных евразийских степей I тысячелетия до н. э. / Д.С. Раевский. – М.: ГРВЛ, 1985. – 256 с.
9. *Вейнберг И.П.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока / И.П. Вейнберг. – М.: Наука, 1986. – 208 с.
10. *Гуревич А.Я.* История – нескончаемый спор / А.Я. Гуревич. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. – 889 с.
11. *Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов / Н.Л. Жуковская. – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1988. – 194 с.
12. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%B2/%D0%B2%D0%B5%D1%89%D1%8C> (дата обращения: 04.03.2025).
13. *Бородин В.А.* Интернет вещей – следующий этап цифровой революции / В.А. Бородин // Образовательные ресурсы и технологии. – 2014. – № 2. – С. 178–181.
14. *Алгулиев Р.М.* Интернет вещей / Р.М. Алгулиев, Р. Махмудов // Информационное общество. – 2013. – № 3. – С. 42–48.

Н. Пак, А.Х. Бугазов

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Месопотамия и Египет – два культурных центра, которые выделяются как две из самых древних цивилизаций в истории человечества. Их вклад в развитие ранних культур не может быть переоценен, поскольку они положили основы для многих аспектов современной цивилизации.

Месопотамия, располагавшаяся между реками Тигр и Евфрат, и Древний Египет, простиравшийся вдоль реки Нил, развивались в долинах этих рек. Эти водные артерии были жизненно важными источниками воды и плодородия для обеих областей. Они не только обеспечивали необходимую влагу для растений и животных, но и способствовали развитию сельского хозяйства, служа основой для заселения этих территорий. Кроме того, реки служили маршрутами торговли и коммуникации между различными общинами, стимулируя социальное и культурное взаимодействие.

Одним из наиболее важных достижений этих цивилизаций было создание систем письменности. В Месопотамии была разработана клинопись – одна из первых форм письменности в мире. Она служила основой для регистрации сделок, законов и исторических событий. В Египте, в свою очередь, развилась иероглифическая система письма, которая позволила египтянам записывать свои религиозные тексты, фиксировать важную информацию и передавать знания следующим поколениям [1].

Эти инновации в области письменности привели к созданию обширного наследия, включая многочисленные тексты и документы, которые исследователи и историки до сих пор изучают для понимания жизни, обычаев и культуры этих древних цивилизаций. Это богатое наследие оказывает колоссальное влияние на современные исследования в области истории, археологии и филологии.

Таким образом, Месопотамия и Египет оказали огромное влияние на развитие человеческой цивилизации, внесли значительный вклад в развитие сельского хозяйства, системы письменности и административного управления. Их историческое значение, уникальные культурные традиции и инновации продолжают вдохновлять и направлять современное общество.

Месопотамия и Египет, две величайшие цивилизации древности, проявили значительные достижения не только в создании систем письменности, но и в формировании сложных и разнообразных религиозных верований и обрядов. Эти верования были глубоко вложены в их культуры и общества, оказывая влияние на все – от социальной организации до искусства и науки.

В Месопотамии пантеон богов был многочисленным и сложным, где каждое божество символизировало различные аспекты жизни и природы. Это отражало месопотамское понимание мира, где каждая часть природы и человеческой жизни была связана с божественной силой. Это влияние религии было всевластно, оно проникало в каждый уголок их общества, формируя их законы, обычаи, искусство и архитектуру.

В Египте, подобно Месопотамии, система верований была сложной и разнообразной. Божества, такие как Ра, Исида и Озирис, были важными частями египетского пантеона и играли ключевую роль в повседневной жизни и культуре египтян. Их вера в эти божества оказала значительное влияние на формирование их общества, культуры, законов и обычаев.

Архитектура также была важной частью обеих цивилизаций. В Месопотамии появление зиккуратов, величественных ступенчатых башен, стало отражением их архитектурного гения. Эти здания служили не только как места для отправления религиозных обрядов, но и выполняли важные административные функции, служа центрами местного управления и социальной жизни [2].

В Египте архитектура достигла своего пика в строительстве пирамид. Эти грандиозные сооружения, возвышающиеся над песками, были не только могильными комплексами для фараонов и их семей, но и символами власти и величия египетского царства. Пирамиды стали символом вечности и бессмертия, отражая мощь и значимость, которую египтяне придавали жизни после смерти.

В общем, эти две цивилизации внесли огромный вклад в развитие ранних культур, создав сложные системы верований и достигнув значительных достижений в области архитектуры. Их историческое значение и культурные традиции продолжают вдохновлять и направлять современное общество на пути исследования и понимания древних цивилизаций.

Месопотамия и Египет оставили неизмеримое культурное и социальное наследие, которое оказало глубокое и долговечное влияние не только на близлежащие регионы, но и на дальние уголки мира. Их богатство и разнообразие в области письменности,

уникальность и комплексность религиозных верований, выдающиеся примеры архитектурных стилей и передовые технологические достижения стали объектом активного заимствования, адаптации и дальнейшего развития для многих других цивилизаций. Среди этих последующих цивилизаций были такие мощные и влиятельные, как древнегреческая, финикийская, персидская и римская.

Греки и римляне, например, внедрили в свои культуры адаптированный и модифицированный алфавит, основанный на финикийском алфавите. Они также активно заимствовали и интегрировали в свою культуру различные элементы архитектуры, философии и мифологии из древних цивилизаций Ближнего Востока. Философия и культура этих древних обществ в значительной степени способствовали развитию интеллектуальной мысли и культурной практики в классическом мире.

Более того, использование и адаптация месопотамских и египетских технологий, таких как ирригация и строительство, способствовали экономическому и социальному развитию этих обществ. Эти технологии и знания, в свою очередь, распространились по всему миру, стимулируя инновации в области сельского хозяйства и градостроительства.

В результате этого процесса культурного заимствования и адаптации Месопотамия и Египет стали культурным фундаментом для многих последующих цивилизаций. Их вклад в мировую историю и культуру продолжает ощущаться и сегодня, оказывая влияние на многие аспекты нашего современного общества, включая искусство, науку, религию и философию.

Именно так, несмотря на прошедшие тысячелетия, Месопотамия и Египет продолжают оставаться незабываемыми в истории человечества, занимая ключевое место в нашем понимании прошлого и формировании будущего [3].

Политеизм – это вера во множество божеств, которая играла ключевую роль в многих ранних религиозных системах. Понятие политеизма было особенно распространено в таких древних цивилизациях, как Месопотамия, Египет и Древняя Греция, где политеизм был важной частью религиозного и культурного ландшафта.

Каждое божество в этих политеистических системах обычно ассоциировалось с определенными аспектами природы, человеческой жизни или общественных явлений. Это отражение разнообразия жизни в множестве божеств делает политеизм уникально гибким и адаптивным видом религии.

Рассмотрим, например, египетскую мифологию. В ее основе лежат многочисленные боги и богини, каждый из которых имеет связь с различными элементами природы – солнцем, небом, землей, источниками воды и т. д. Эти божества играли центральную роль в религиозных верованиях и обрядах древних египтян, формируя их понимание природного мира и их места в нем.

Некоторые из этих богов были связаны с природными явлениями, такими как реки, горы и небесные тела, в то время как другие представляли собой божества, связанные с человеческими деяниями и общественными явлениями – войной, любовью и торговлей.

Таким образом, политеизм, обнаруженный в этих ранних цивилизациях, представляет собой сложную и разнообразную систему верований, которая отражает широкий спектр человеческого опыта и взаимодействия с окружающим миром [4].

Мифологические представления, безусловно, играли важную и определяющую роль в формировании социальных норм и уникальных культурных практик многих древних обществ. Мифы не только помогали людям понять и объяснить различные природные явления и значимые жизненные события, они служили важным инструментом для установления и поддержания моральных и этических принципов, регулирования поведения членов общества и легитимизации политической власти.

Мифологические нарративы использовались для передачи и сохранения знаний о мире и человеческой природе, формировании и поддержании социальных и культурных ценностей, а также для легитимизации общественных иерархий и структур власти. Они помогали людям найти объяснение сложных и непонятных явлений, структурировать свой опыт и понимание мира, а также формировать свои представления о морали, этике, идеалах и ценностях. В качестве примера можно привести египетский миф

о божестве-царе. Этот миф не только подчеркивал тесную связь между религией и политикой, но и легитимизировал власть фараона, представляя его как земного исполнителя божественного порядка. Такой подход помогал обеспечивать социальную стабильность и поддерживать устойчивую иерархию власти в обществе.

Аналогичные мифы, отражающие главные социальные и культурные ценности, можно найти и в месопотамской мифологии. Они показывают, как важно было для обществ того времени использовать мифологические представления для поддержания и укрепления социального порядка и культурных традиций.

Мифология формировала не только индивидуальное сознание, но и социальные структуры, культурные нормы и практики. Влияние мифа проникло во все сферы жизни, оказывая значительное воздействие на культурное и социальное развитие общества. Именно поэтому изучение мифологии представляет такой большой интерес для исследователей различных областей знания [3, с. 34].

С течением времени и углублением развития различных цивилизаций, становилось все более очевидной потребность в систематизации и укреплении религиозных верований и убеждений. Эта критически важная потребность привела к созданию религиозных текстов, которые играли ключевую роль в фиксации и передаче мифологических представлений, религиозных обрядов, законов и этических установок общества.

К примеру, в Древнем Египте были написаны пирамидные тексты и знаменитая «Книга мертвых». Содержащиеся в этих произведениях тексты представляют собой коллекцию древних египетских религиозных гимнов и молитв, написанных на стенах и саркофагах пирамид. Они служили не только источником исторической информации, но и обеспечивали духовное руководство для душ умерших. В «Книге мертвых» также находятся заклинания, которые должны были помочь умершим в их путешествии в потусторонний мир [5].

В Месопотамии был составлен эпос «Энума Элиш», который описывает божественные битвы и происхождение мира. Этот текст представляет собой одну из самых ранних версий мифа о создании

мира и служил основой для формирования религиозных и философских взглядов общества Месопотамии [6].

Неоценимую роль в религиозной практике древних цивилизаций также играли храмы. Их функции были многообразны – они служили местом проведения религиозных обрядов, жертвоприношений и молитв. Но это было далеко не все. Храмы также были центрами образования и социальной активности. Это были места, где проводились общественные дебаты, обучение и где формировались культурные традиции.

В храмах хранились священные тексты, изображения богов и другие религиозные артефакты, что делало их центральными пунктами культурного наследия. Храмовые комплексы не просто становились центральными пунктами культурной и духовной жизни общества, они вносили значительный вклад в формирование его идентичности и ценностей, становясь местами, где общество показывало свою приверженность богам и духовным убеждениям.

Археологические находки занимают центральное место в изучении и раскрытии истории и культуры древних цивилизаций. Эти материальные остатки прошлого, оставленные древними обществами, представляют собой своего рода временные капсулы, которые позволяют нам заглянуть в прошлое и увидеть уникальные аспекты жизни наших предков.

Эти находки превращаются в ценные источники информации, которые помогают ученым и исследователям воссоздать образ жизни древних людей, их технологии, социальные структуры и религиозные верования. Они также предоставляют нам возможность понять, как эти культуры развивались и менялись с течением времени, а также как они влияли на последующие поколения и цивилизации.

Например, археологические раскопки в Месопотамии и Египте, двух из самых древних цивилизаций в истории человечества, привели к обнаружению многочисленных артефактов, таких как скульптуры, стелы, керамика, образцы письменности и строительные конструкции. Эти находки дали ученым возможность более глубоко проникнуть в историю и культуру этих древних цивилизаций [7, с. 123].

Скульптуры и стелы, например, олицетворяют религиозные верования и социальные структуры этих обществ, показывая нам, какие божества они почитали, как они воспринимали мир вокруг себя, и как они организовывали своё общество. Керамические изделия, с другой стороны, могут намного больше рассказать о повседневной жизни древних людей, их ремеслах и технологиях, а также об их пищевых привычках.

Образцы письменности, такие как клинопись в Месопотамии и иероглифы в Египте, открывают перед нами важнейшие аспекты жизни этих древних обществ, включая их законы, экономические системы, исторические события и религиозные тексты. Они также служат ключом к пониманию их языка, литературы и философии.

Строительные конструкции, в свою очередь, позволяют нам увидеть их архитектурные достижения, способности в планировании и строительстве, а также понимание пространства и среды [7, с. 145].

Все эти археологические находки, в совокупности, дают нам уникальную возможность более глубоко понять историю и культуру этих древних цивилизаций. Они оставляют нам наследие, которое продолжает вдохновлять и влиять на нашу современную культуру и общество, демонстрируя нам, как далеко мы ушли, и напоминая о наших корнях и общем прошлом.

Античные культуры, такие как Месопотамия и Древний Египет, оставили неизгладимый след в современном социокультурном состоянии стран Ближнего Востока. Эти цивилизации, которые процветали тысячи лет назад, обладали насыщенной историей и культурой, результаты которых до сих пор видны в современном обществе. Их достижения в области архитектуры, искусства, литературы, математики, медицины и философии продолжают не только вдохновлять современных людей, но и оказывать влияние на современную культуру этого региона.

Античная архитектура, особенно строения Месопотамии и Древнего Египта, до сих пор оставляют глубокое впечатление своим масштабом и дизайном. Ступенчатые зиккураты Месопотамии и пирамиды Древнего Египта не только являются символами

этого региона, но и продолжают впечатлять и вдохновлять людей по всему миру. Они остаются важными свидетелями исторического мастерства и инновационных подходов к строительству, влияя на современные архитектурные тренды и техники [8, с. 73–84].

В области искусства, многие элементы дизайна и темы, которые были популярны в эпоху Месопотамии и Древнего Египта, продолжают использоваться в современной живописи, скульптуре и других формах визуального искусства. Эти античные образы и идеи продолжают вдохновлять современных художников и дизайнеров.

В области литературы, мифы и легенды античного мира часто используются в качестве источников вдохновения для современных авторов. Эпические повествования о героях, богах и бессмертных существах захватывают воображение читателей на протяжении веков.

В математике и науке знания, заложенные античными учёными, лежат в основе многих современных открытий и теорий. Концепции и методы, разработанные в Древней Греции и Риме, продолжают использоваться и развиваться учеными по всему миру.

В области философии и религии, многие из концепций и учений, заложенных в античных культурах, остаются актуальными и в современном мире. Они формируют мировоззрение и ценности людей, влияя на общественные нормы и поведение.

В целом, влияние античных культур на современное социокультурное состояние стран Ближнего Востока неопределимо. Они служат источником вдохновения, знаний и понимания, которые продолжают оказывать влияние на нашу культуру, образование и общественную жизнь.

С течением времени, даже несмотря на тысячелетия, прошедшие с момента существования античных цивилизаций, мы обнаруживаем, что многие элементы их культурного наследия не только сохранились до наших дней, но и продолжают оказывать влияние на современную культуру и мировоззрение. Вот несколько таких примеров:

Египетские пирамиды, сфинксы и храмовые комплексы являются яркими примерами культурного наследия, которое сохра-

нилось до сегодняшнего дня. Эти архитектурные чудеса не просто сохранились, но и до сих пор привлекают туристов со всего мира, являясь ярким символом богатой культуры Древнего Египта. Их архитектура и искусство до сих пор вызывают восхищение и являются источником вдохновения для многих современных архитекторов и художников.

Месопотамские зиккураты, стелы и артефакты – это еще пример культурного наследия, которое уцелело до наших дней. Эти объекты, которые можно увидеть в музеях по всему миру, а также на археологических памятниках в современных странах Ближнего Востока, таких как Ирак и Иран, продолжают вдохновлять исследователей и любителей истории, предоставляя ценную информацию о древних цивилизациях и их культурах [2, с. 45].

Наконец, религиозные и мифологические представления античных цивилизаций продолжают оказывать влияние на современные верования и культурные традиции как в странах Ближнего Востока, так и во всем мире. Эти древние идеи и практики, которые до сих пор остаются актуальными, являются ярким примером того, как идеи и практики, зародившиеся в древности, продолжают жить в современном обществе, формируя наше понимание мира и нашего места в нем.

Культурное наследие античных цивилизаций, таких как Месопотамия и Древний Египет, является неотъемлемой частью мировой истории и культуры. Несмотря на тысячелетия, прошедшие с момента их существования, многие элементы этого наследия продолжают оставаться актуальными и вдохновляющими для современного мира.

Литература

1. *Ефремов Н.А.* Письменность Древнего Египта / Н.А. Ефремов // Молодой ученый. – 2021. – № 7 (349). – С. 142–145.
2. *Грант Н.* Древний Египет и Древняя Греция. От пирамид до первой демократии / Н. Грант. – СПб.: Амфора, 2014. – 46 с.
3. *Рак И.В.* Мифы и легенды народов мира. Древний Египет. Месопотамия / И.В. Рак, А.И. Немировский, Л.С. Ильинская. – М.: Вече, 2017. – 432 с.

4. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура / Э.Б. Тайлор. – М.: Изд-во политической литературы, 2005. – 704 с.
5. *Боева А.Е.* Письменность и знания в Древнем Египте. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://foxford.ru/wiki/istoriya/pismennost-i-znanij-v-drevnem-egipte?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 22.11.2024).
6. Основные мифы. «Энума Элиш» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/101879> (дата обращения: 22.12.2024).
7. *Каменецкий И.С.* Археология: История раскопок и историография / И.С. Каменецкий. – М.: МГУКИ, 2006. – 43 с.
8. *Негуляева Т.В.* Архитектура и философия античности: становление классического направления в архитектуре / Т.В. Негуляева, С.Ф. Дядченко // Вестник ТГАСУ. – 2021. – Т. 23. – № 1. – С. 73–84.

Е. Пономарева

НЕЙРОМАРКЕТИНГ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ ИЛИ УГРОЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ?

Традиционные методы и технологии политического управления в XXI веке переживают глобальную трансформацию в связи с изменениями информационной среды, усложнением социальных процессов и ростом общественных ожиданий. По мере того, как эволюционирует колесо политических методик, усиливается недоверие к лидерам и институтам власти, а в некоторых случаях это приводит к полному отказу от участия в общественной жизни [1, с. 11].

В основе политического маркетинга лежит теория, согласно которой граждане рассматриваются как потребители политического продукта, а лидеры и органы государственной власти выступают в роли его производителей. Их поведение формируется

под влиянием идеологических убеждений, ценностей и принципов, что объясняется определением, предложенным Ф. Котлером и С. Леви: «...маркетинг – это такая функция политической организации, которая позволяет ей находиться в постоянном контакте с избирателями/гражданами, отслеживать изменение их ожиданий и потребностей и разрабатывать отвечающие их запросам продукты» [2, с. 5].

Ключевым инструментом является использование массовых каналов коммуникации (классические СМИ, масс-медиа, анализ демографических характеристик электората), направленных на привлечение внимания к кандидатам и партийным программам. Такой подход фокусируется на создании универсальных посланий, ориентированных на удовлетворение обобщённых потребностей аудитории, при этом зачастую не учитываются индивидуальные особенности и изменяющиеся запросы различных социальных групп. Несмотря на это, методы заложили основу для современных технологий.

Одним из таких направлений стал нейромаркетинг – междисциплинарная область, которая берет свое начало в нейробиологии, психологии и маркетинге, исследуя когнитивные и аффективные реакции человека, с целью улучшения маркетинговых стратегий. Управленческая элита активно использует инструменты, заимствованные из потребительского маркетинга, такие как уникальное торговое предложение, работа над имиджем и лояльностью, чтобы формировать восприятие избирателей и влиять на их выбор [3]. Интеграция брендинга с нейромаркетингом открывает новые возможности для анализа поведения электората на нейрофизиологическом уровне, но также вызывает опасения из-за потенциальной угрозы демократическим ценностям.

Основываясь на знаниях когнитивной нейробиологии, ученые пришли к выводу о том, что теория рационального выбора, на которой традиционно базируется политический маркетинг, не обладает достаточной эмпирической обоснованностью. В то время как нейронаука доказала, что мыслительные процессы формируются через сложное взаимодействие нейронных связей,

где за поведение человека отвечают нейронные процессы. «Было установлено, что изначально ограниченная когнитивная составляющая действия уже имеет аффективную основу в виде эмоциональной окраски воспринимаемой информации, прежде чем «включаются» рациональные механизмы принятия решения. Подтверждая тем самым присутствие иррациональности в человеческом поведении, нейронаука раскрыла закономерности эмоциональных реакций и восприятия» [4, с. 2]. К примеру, избиратели чаще голосуют не за конкретные программы, а за тех кандидатов, к которым они испытывают эмоциональную связь и доверие [5].

Используя эти закономерности, нейромаркетинг предлагает психологические и технические инструменты, которые позволяют выстраивать долгосрочные коммуникации, прогнозировать электоральное поведение и внедрять инновационные концепции в разработку политических кампаний.

Одним из ключевых направлений нейромаркетинга является концепция Nudge (в переводе с английского – «подталкивание»), которая предполагает оказание ненавязчивого воздействия на избирателей при сохранении их свободы выбора. Суть подхода заключается в том, чтобы с помощью специфических стимулов направлять индивида к выбору определенного решения, которое рассматривается как наиболее предпочтительное. Например, использование визуальных, аудиальных или тактильных стимулов позволяет повысить качество восприятия транслируемых политических образов. Такая методология дополняет традиционные подходы управления, минимизируя их недостатки, и улучшает коммуникацию с электоратом. В политических кампаниях Nudge может применяться через дизайн избирательных бюллетеней, формулировку сообщений или расположение политической рекламы в местах, стимулирующих внимание и позитивное восприятие [6].

Другим перспективным направлением являются технические инструменты маркетинга, которые используют современные нейросканирующие технологии и психологические методы. Эти технологии включают функциональную магнитно-резонансную томографию (fMRI), электроэнцефалографию (ЭЭГ) и отслеживание

движения глаз (eye-tracking), позволяющие анализировать реакции мозга на политические послания и кампании. Инструментальный маркетинг применяется для проведения диагностики предпочтений избирателей, выявления истинных причин их поведения и корректировки стратегий управления. Например, благодаря анализу реакции на визуальные образы кандидатов можно уточнить их имиджевую стратегию или оптимизировать политические лозунги, делая их более убедительными [7, с. 16–24].

Big Data стала неотъемлемой частью инструментов нейромаркетинга, активно используемых в политическом процессе для повышения эффективности коммуникационных стратегий. Анализ больших данных позволяет глубже понять поведение, предпочтения и эмоциональные реакции аудитории, что особенно важно для построения персонализированных взаимодействий. Сбор информации из социальных сетей, новостных ресурсов и других цифровых платформ помогает политическим субъектам определять темы, вызывающие эмоциональный отклик, и прогнозировать поведение избирателей, адаптируя кампании в реальном времени. Кроме того, такие технологии позволяют тестировать политические послания, выявляя наиболее эффективные сценарии, форматы и каналы коммуникации [8].

Как уже было сказано ранее, традиционные методы политического маркетинга, такие как анализ демографических характеристик, использование классических СМИ и универсальных посланий, претерпевают значительные изменения под влиянием новых технологий и научных подходов. Если раньше внимание акцентировалось на создании общих месседжей, то современные технологии позволяют углубить персонализацию. Так, методы нейромаркетинга дополняют классический подход, предлагая точный анализ когнитивных и эмоциональных реакций избирателей, что делает коммуникацию с электоратом более адресной и эффективной. Например, традиционные социологические опросы теперь дополняются анализом Big Data, что помогает выявить скрытые предпочтения различных групп населения. Такой синтез обеспечивает не только прее́мственность, но и адаптацию политического маркетинга

к вызовам цифровой эпохи, повышая его эффективность и усиливая влияние на электорат.

Практика показывает, что нейромаркетинговые технологии успешно применяются в политических кампаниях, как это продемонстрировали выборы 2024 года в США. В ходе этой избирательной гонки активно использовались инструменты анализа предпочтений электората и адаптации стратегий коммуникации в режиме реального времени, что позволило значительно повысить эффективность воздействия на аудиторию. Используя передовые технологии анализа данных и эмоционального вовлечения, команда Дональда Трампа разработала персонализированные и целенаправленные коммуникационные стратегии. Этот подход значительно расширил электоральную базу, обеспечив поддержку 48,7 % избирателей на общенациональном уровне и гарантировав победу в Коллегии выборщиков с результатом 312 против 226 голосов [9].

В условиях нарастающей поляризации политического ландшафта кампания Трампа сосредоточилась на ключевых проблемах, вызывающих обеспокоенность избирателей, – экономической нестабильности, культурной напряженности и безопасности границ. Сообщения, направленные на сильные эмоциональные реакции, способствовали укреплению лояльности ядра сторонников, а также привлекали независимых избирателей и ранее пассивных граждан [10]. Одним из главных инструментов нейромаркетинга стало использование эмоционального вовлечения и эффектного позиционирования, Трамп не просто озвучивал программы, а стремился вызвать у аудитории яркие эмоции: восхищение, гнев или ощущение угрозы, что позволяло удерживать внимание и делать его заявления вирусными [11].

Важнейшую роль в кампании сыграли нетрадиционные медиа, включая социальные сети, стримы и подкасты, которые позволили обойти предвзятость традиционных новостных каналов. Поддержка Илона Маска, активно участвовавшего через платформу X (бывший Twitter), усилила охват кампании. Маск не только предоставил финансовую поддержку, но и способствовал привлечению молодых избирателей через инициативы, подчеркивающие

технологическое развитие и инновации [12]. Кампания активно использовала шок-контент и провокационные высказывания, что позволяло привлекать бесплатное освещение в СМИ и формировать вокруг кандидата постоянный медиашум. Такой подход, сравнимый с тактиками брендов, использующих эпатажную рекламу, укреплял узнаваемость Трампа как политика, способного говорить без цензуры и «говорить правду». Кроме того, нейромаркетинговые стратегии использовались для трансформации юридических проблем и критики в дополнительные поводы для мобилизации, преподнося их как атаки на интересы избирателей, что усиливало их эмоциональную привязанность к кандидату [11].

Другой важной стратегией стало упрощение риторики. Трамп избегал сложных политических конструкций, предпочитая простые, запоминающиеся лозунги и месседжи, такие как «Make America Great Again». Это соответствует принципам нейромаркетинга, согласно которым чем проще информация, тем выше вероятность её усвоения и распространения.

Также важную роль играло использование символики. Красные кепки MAGA, стикеры и другие атрибуты создавали эффект идентификации сторонников, превращая их в своего рода сообщество с общей идеологией. Такой подход часто применяется в маркетинге для формирования лояльности клиентов к брендам [13].

Кроме того, Трамп успешно использовал Big Data и персонализированный таргетинг, анализируя поведенческие предпочтения избирателей. На основе этих данных создавались целевые сообщения для разных групп электората, а также адаптировались выступления кандидата в зависимости от конкретной аудитории. Это позволяло минимизировать затраты на рекламу, при этом достигая высокой вовлечённости избирателей.

Таким образом, выборы 2024 года продемонстрировали растущую значимость нейромаркетинга в политике. Использование данных, эмоционального анализа и целевых медиастратегий обеспечило Трампу не только возвращение на политическую арену, но и более широкую поддержку со стороны разнообразных демографических групп.

В Кыргызстане политические кампании в последние годы стали более ориентированными на использование современных технологий для воздействия на избирателей. Однако нейромаркетинг как специализированная дисциплина в политическом процессе страны не получил широкого распространения. В основном политические партии и кандидаты продолжают использовать традиционные методы маркетинга, такие как реклама в СМИ, участие в митингах и прочее. Однако в условиях растущей конкуренции и изменения политической среды нейромаркетинг может стать значимым инструментом для улучшения коммуникации с электоратом.

В Кыргызстане в последние годы активно развиваются цифровые технологии, и политические силы начали использовать данные из социальных сетей и интернет-ресурсов для разработки избирательных стратегий. Примером является успешное использование социальных сетей на предыдущих выборах, где политические партии активно анализировали поведение и предпочтения пользователей [14]. Однако такого глубокого внедрения нейромаркетинга, включая нейросканирование и другие продвинутые методы анализа мозговой активности избирателей, в стране пока не наблюдается. Технологии, такие как отслеживание реакции на рекламные материалы и использование фокус-групп для изучения эмоциональных откликов, могут быть полезны, но их применение в Кыргызстане требует высокой технологической базы и специфических знаний.

Перенос нейромаркетинговых технологий в Кыргызстан теоретически возможен, но требует значительных инвестиций в обучение специалистов, развитие инфраструктуры и создание необходимых условий для сбора и анализа больших данных. Важно отметить, что для успешного внедрения таких технологий необходимо учитывать специфику политической и культурной ситуации в стране. Например, в Кыргызстане политическая сфера во многом остается динамичной и нестабильной, что усложняет применение высокотехнологичных методов в долгосрочной перспективе. В то же время, развитие мобильных платформ, онлайн-платежей и систем

на основе искусственного интеллекта открывают новые возможности для применения в политической коммуникации.

Хотя нейромаркетинг предлагает эффективные способы воздействия на избирателей, важно учитывать его потенциальные угрозы для демократических процессов. Кыргызстан, являясь «островком демократии» в Центральной Азии, может столкнуться с рисками манипуляций общественным мнением. Использование нейромаркетинга для создания эмоционально привлекательных образов, если они не соответствуют реальности, может повлиять на свободный выбор граждан, снизив уровень осознанности и критического мышления. Более того, чрезмерная персонализация политических посланий и избирательных стратегий может привести к усилению поляризации общества, когда важные вопросы обсуждаются не на основе фактов, а на основе эмоциональных и манипулятивных факторов.

С этической стороны использование нейромаркетинга в Кыргызстане вызывает беспокойство по поводу нарушения прав избирателей на личную информацию и манипуляцию их выборами. В странах с недостаточной защитой персональных данных, таких как Кыргызстан, могут возникнуть риски использования личных данных граждан без их согласия, что противоречит принципам конфиденциальности и защиты частной жизни [15, с. 147]. Нейромаркетинг в политике также ставит под угрозу принцип свободного выбора, если его методы используются для несанкционированного влияния на поведение избирателей. Применение таких технологий без должного контроля может привести к нарушениям демократических норм, особенно если они используются для подрыва доверия к институтам власти и усиления политических манипуляций [16].

Таким образом, хотя нейромаркетинг может внести значительные изменения в политический процесс в Кыргызстане, его внедрение должно быть очень осторожным и тщательно регламентированным, чтобы избежать рисков манипуляции общественным мнением и нарушения этических принципов демократического процесса.

Нейромаркетинг представляет собой мощный инструмент, способствующий трансформации политического процесса, предоставляя новые возможности для понимания и воздействия на поведение электората. Применение нейромаркетинга в политической рекламе и избирательных кампаниях, как показывает зарубежный опыт, позволяет значительно улучшить коммуникацию с избирателями и более точно определять их предпочтения и создавать эффективные стратегии.

Однако, несмотря на значительные преимущества, методы нейромаркетинга несут в себе риски и потенциальные угрозы демократическим ценностям. Использование персонализированных политических посланий и эмоциональных стимулов может привести к манипуляции общественным мнением и подрыву критического мышления у избирателей. Более того, сбор и обработка данных о предпочтениях электората без соответствующего регулирования могут затронуть вопросы конфиденциальности и защиты личной информации.

Таким образом, ключевой вызов, стоящий перед современными демократическими институтами, заключается в нахождении баланса между инновациями в политическом маркетинге и защитой принципов свободного выбора. Развитие технологий требует внедрения прозрачных механизмов контроля, направленных на предотвращение злоупотреблений и манипуляций. В этом контексте нейромаркетинг можно рассматривать не только как инструмент оптимизации избирательных кампаний, но и как потенциальную угрозу демократическим процессам, требующую тщательного регулирования и осознания его последствий для общества.

Литература

1. *Thomas Z.R.* Political neuromarketing An Empirical Research on Voter Decision-Making: Cand. merc. Strategic Market Creation. Copenhagen: Copenhagen Business School, 2011.
2. *Франц В.А.* Политический маркетинг: учебное пособие / В.А. Франц. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 92 с.

3. Нейромаркетинг на службе политтехнологий [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://psyfactor.org/news/neuro2.htm> (дата обращения: 08.11.2024).
4. Кузнецова А.С. Технологии нейромаркетинга в современном политическом управлении / А.С. Кузнецова // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2016». – М.: ООО «МАКС Пресс», 2016.
5. Нейромаркетинг: суть и перспективы [Электронный ресурс] // Режим доступа: [https:// dasreda.ru/media/marketing/nejromarketing/](https://dasreda.ru/media/marketing/nejromarketing/) (дата обращения: 09.11.2024).
6. Design Theory: Nudge Theory [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://medium.com/upskilling/design-theory-nudge-theory-385da9f93b59/> (дата обращения: 08.11.2024).
7. Анисимов В.Н. Психофизиологические методы в маркетинге: возможности и ограничения / В.Н. Анисимов, К.М. Колкова, Н.В. Галкина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 5 (47). Часть 1. – С. 16–24.
8. Neuromarketing, Big Data, and AI: The Science Behind the Desire to Buy [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://jai-rocelasanzh.medium.com/neuromarketing-big-data-and-ai-the-science-behind-consumer-desire-a2afb6d78937/> (дата обращения: 11.11.2024).
9. Donald Trump wins the 2024 presidential election [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.theverge.com/2024/11/6/24287838/donald-trump-wins-2024-presidential-election?utm_source=chatgpt.com/ (дата обращения: 13.11.2024).
10. How Trump Won: Secrets Behind His Grand Victory in the 2024 Presidential Election [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.linkedin.com/pulse/how-trump-won-secrets-behind-his-grand-victory-2024-election-bajagai-ql73f/> (дата обращения: 13.11.2024).
11. Почему Дональду Трампу необходимы яркие пиар-кампании. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://pr-agentstvo.>

- com/articles/pochemu-donald-trump-neobhodimy-yarkie-piarkampanii.html (дата обращения: 19.02.2025).
12. Musk tests the role of money in U.S. politics with multimillion-dollar effort to back Trump. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://apnews.com/article/elon-musk-donald-trump-election-2024-28d023d2ea2d06a8be99add994feb4aa?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 19.02.2025).
 13. Маркетинг Трампа [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://redbasset.tech/episode/EXT3143495> (дата обращения: 19.02.2025).
 14. Местные выборы – 2024. Главные отличия нынешнего голосования [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://kaktus.media/doc/512727_mestnye_vybory_2024._glavnye_otlichia_nyneshnego_golosovaniia.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 16.01.2025).
 15. Митина Э.А. Нейроэтика: выявление этических проблем при проведении нейромаркетинговых исследований / Э.А. Митина // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2022. – № 2. – С. 144–151.
 16. Neuromarketing and 21st Century Politics [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://truthout.org/articles/neuromarketing-and-21st-century-politics/> (дата обращения: 21.11.2024).

Т. Садырбаев

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОРУЖИЕ ПРОПАГАНДЫ

В современном цифровом мире искусственный интеллект (ИИ) становится неотъемлемой частью информационного общества, кардинально изменяя все способы взаимодействия людей в социальном пространстве. С одной стороны, ИИ предлагает огромный инструментарий для анализа данных и работы с ними, а с другой – данный инструментарий можно использовать для массовой дезинформации, пропаганды и лоббирования интересов политическим групп.

Способность ИИ генерировать контент (тексты, фото, видео), дает возможность распространять ложную информацию. А технология алгоритмов таргета на основе больших данных сегментирует аудиторию, что делает пропаганду наиболее эффективной [1].

Если брать генезис ИИ как средство пропаганды, то нужно рассмотреть развитие интернета за последние двадцать лет. Изначально контролем общественного мнения в интернет-пространстве занимались «вручную», так называемые веб-бригады, или «армия троллей». По всей вероятности, данную работу осуществляли по заказу, а главным заказчиком были провластные структуры. Последние, спонсировали анонимные веб-бригады, например, такие как Operation Earnest Voice (США) [2], Bell Pottinger (Великобритания) [3], Ямаодан (Китай) и др., которые комментировали политический контент [4].

По сведениям российского политтехнолога С.А. Белковского, первая такая специально подготовленная «бригада» была создана в 2000–2001 годах и состояла из небольшого числа участников [5]. Задачи этой группы включали «дискредитацию неудобных для власти позиций или текстов через комментарии в блогах и на форумах под статьями» [6]. Исследователями А. Полянской, А. Кривовым, и программистом-аналитиком И. Ломко, отмечалось – «тролли» имеют «характерные особенности и черты, несвойственные другим участникам дискуссий» [7].

Если брать конкретные кейсы, то в качестве примера можно взять президентские выборы 2016 года в США. Министерство внутренней безопасности США инициировало крупное расследование, о предполагаемом массовом вмешательстве в избирательный процесс «фабриками троллей» [8]. Согласно исследованию, «фабрики троллей» создали свыше 2000 аккаунтов в социальных сетях для поддержки Дональда Трампа, суммарно потратив 2 миллиона долларов.

Также стоит привести пример «фабрики эльфов», когда впервые подобными манипуляциями с активным использованием технологий ИИ стала занимается российская оппозиция. ИИ-ботов, которых иронично называли «эльфами», настроили на поиск

политического контента на медиаплатформах для дальнейшего продвижение взглядов российской оппозиции, в частности ФБК (экстремистская организация на территории РФ), через активное комментирование, используя генеративный ИИ и заготовленные комментарии [9].

Точное время начала активного использования искусственного интеллекта в деятельности веб-бригад по всему миру не установлено. Были ли ИИ-модели в поисковых системах еще 10–25 лет назад или же они начали активно использоваться только при введении создании генеративных моделей, или же это только одно из последствий последних достижений компании Open AI. Так или иначе, внедрение ИИ в пропаганду открывает новые горизонты и возможности для распространения дезинформации, через ИИ-ботов на всех возможных медиаплатформах. Изначально это группы, которые занимаются поиском, спамом и дезинформацией вручную, далее при развитии технологий таргетирования поиск автоматизируется по ключевым словам, которые связаны с тем или иным политическим контентом. А уже после внедрения ИИ в ботах автоматизируется весь процесс поиска, спама и дезинформации.

Интересно, что ИИ-модели широко используются как в создании и распространении информации в пропагандистских целях, так и в борьбе с ней. Современная практика показывает, что соцсети активно блокируют ботов. Например, в сети-X постоянно выявляются и удаляются сотни и тысячи аккаунтов ботов и миллионы их постов. Дата-аналитик Чуа Чин Хон анализировал данные о аккаунтах, для которых характерен цифровой след ИИ-ботов и создал ИИ-модель для их выявления.

Ключевые паттерны ботов для пропаганды включают:

- активную накрутку подписчиков;
- аномальное количество подписок;
- хештеги вместо ссылок;
- боты всегда кратки (реальные пользователи X часто используют максимально допустимый лимит символов);
- боты всегда используют функцию «локация» для улучшения таргетных систем [10].

Идентификация современных «троллей» остаётся сложной задачей из-за их изменчивого поведения, технологий ИИ и отсутствия чётких границ систем защиты, что, в свою очередь, привлекает к ИИ-технологиям внимание всего мира.

На Глобальном медиа-форуме (GMF-2024) в Бонне, его участники отмечали массовое использование ИИ для манипуляции общественным мнением. В частности, накануне саммита, посвящённого вопросам по Украине, в Швейцарии 15 июня 2024 года, в социальной сети X были массово распространены сгенерированные фотографии политиков и знаменитостей с поддельными цитатами на четырёх европейских языках. За пару часов в сети X было опубликовано 120 тысяч постов такой тематики. Эти посты собрали свыше 500 тысяч просмотров [11]. Масштаб аудитории, доверяющей такому контенту, определить невозможно. Николай Ренате, аналитик и советник по вопросу коммуникации в Европарламенте, пишет, что у интернет-пользователей в последнее время быстро формируется недоверие к данным из интернета, поскольку сегодня граждане гораздо лучше осведомлены о методах дезинформации, чем пару лет назад [12].

Тем не менее развитие технологий использования ИИ в целях пропаганды продолжается. Так, исследователи из Университета Нотр-Дам выявили, что боты способны обходить защитные механизмы, использующиеся в популярных социальных сетях. В рамках эксперимента студенты и работники университета с разным уровнем квалификации в сфере AI, DS и программирования успешно запустили тестовых ботов на различных платформах. Исследования показали, что боты, использующие продукты от Open AI, такие как Selenium, GPT-4 и DALL-E 3, успешно активируются на различных платформах, включая LinkedIn, Reddit, TikTok, X, Mastodon, а также Instagram и Threads. Сложности возникли только на платформах Meta, что потребовало дополнительных попыток активации созданных ботов. TikTok банил ботов из-за частого использования системы CAPTCHA. На платформах Reddit, Mastodon и X боты активизировались и работали без проблем, несмотря на AI-детектор в этих сетях и прочие меры безопасности.

Исследование «Social Media Bot Policies: Evaluating Passive and Active Enforcement» говорит о необходимости усиления мер безопасности на медиаплатформах для борьбы с ботами, которые используются для манипуляции общественным мнением, распространения дезинформации в политических целях [12]. Использование ИИ-ботов для распространения, вводящих в заблуждение сообщений, представляет серьезную опасность для защиты данных и коллективных убеждений в обществе. Боты с внедренным искусственным интеллектом могут, по существу, копировать человеческую деятельность в сети. Поэтому их сложно идентифицировать и противодействовать им. Исследования показывают, что эти осуществить внедрении ИИ для пропаганды – дело несложное, небольшая группа людей может ввести сотни ботов на таких площадках как LinkedIn, Reddit, TikTok, Twitter, Instagram, распространяя дезинформацию для влияния по политические взгляды масс.

Чтобы смягчить эту опасность, решающее значение имеет совершенствование протоколов безопасности на платформах социальных сетей, что включает в себя создание и внедрение программного обеспечения искусственного интеллекта, способного выявлять и пресекать дезинформацию. Таким образом, борьба с дезинформацией, созданной при помощи искусственного интеллекта, требует выработки всеобъемлющей стратегии. Она должна включать в себя развитие систем идентификации, улучшение общественного понимания и объединение усилий регулирующих органов, технологических компаний и общественности для защиты нашей информационной среды от искажения и фальсификации.

Литература

1. Красовская Н.Р. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере / Н.Р. Красовская, А.А. Гуляев // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 4. – С. 93–98 / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7440> (дата обращения: 11.11.2024).
2. The Guardian. Revealed: US spy operation that manipulates social media. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.>

- theguardian.com/technology/2011/mar/17/us-spy-operation-social-networks (дата обращения: 02.12.2024).
3. *Hanna J.* AP CEO: Bush Turned Military Into Propaganda Machine. / [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://web.archive.org/web/20160310165406/http://www.huffingtonpost.com/2009/02/06/ap-ceo-bush-turned-milita_n_164812.html (дата обращения: 29.11.2024).
 4. *Смирнов С.* Число «кремлеботов» – 20 000. / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20150405020004/https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2015/04/03/issledovatel-otsenil-chislo-kremlebotov-v-20-000> (дата обращения: 02.12.2024).
 5. РИА. Профессия – «гадить» на форумах / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20090915174401/http://www.nr2.ru/248827.html> (дата обращения: 02.12.2024).
 6. *Полянская А.* Виртуальное око старшего брата / А. Полянская, А. Кривов, И. Ломко [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://samlib.ru/l/lebedewkumach_m/6.shtml (дата обращения: 03.12.2024).
 7. *Muller R.S.* Report On The Investigation Into Russian Interference In The 2016 Presidential Election / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20090915174401/http://www.nr2.ru/248827.html> (дата обращения: 20.11.2024).
 8. *Кульпин А.И.* Криминалистические аспекты использования «ботоферм / Вопросы российской юстиции. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-aspekty-ispolzovaniya-botoferm-v-prestupnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 24.11.2024).
 9. GMF 17 Report. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.gmf-aeroasia.co.id/rups/report> (дата обращения: 21.11.2024).
 10. *Chua C.H.* Using Data Science To Uncover State-Backed Trolls On Twitter. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://towardsdatascience.com/using-data-science-to-uncover-state-backed-trolls-on-twitter-dc04dc749d69> (дата обращения: 20.11.2024).

11. *Стрельников А.* Искусственный интеллект для пропаганды? Как этого избежать [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/iskusstvennyj-intellekt-dla-propagandy-kak-etogo-izbezat/a-69408092> (дата обращения: 21.11.2024).
12. *Radivojevic K.* Social Media Bot Policies: Evaluating Passive and Active Enforcement / К. Radivojevic, К. С. McAleer, С. Conley, С. Kennedy, Р. Brenner / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2409.18931> (дата обращения: 21.11.2024).

Ж.Н. Фрунзеева

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЗНАНИЕМ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Управление сознанием в информационном обществе опосредовано свойствами информации и информационно-коммуникативных процессов, которые разворачиваются в сетевом информационно-коммуникативном пространстве. Информационно-коммуникативные процессы в сетевом взаимодействии оказывают значимое влияние на изменения духовных, социокультурных и мировоззренческих установок индивидуального и коллективного сознания.

Наибольшее управляющее воздействие в информационном управлении сознанием имеет тот субъект, который обладает и распространяет знание-решение по каналам коммуникации. Механизмы управления индивидуальным и коллективным сознанием в сетевом обществе основываются на информационно-психологических, сетевых и имиджевых технологиях управления сознанием.

Сетевые технологии управления в современном обществе имеют доступ к сознанию, подсознанию и коллективному бессознательному субъектов информационно-коммуникативного пространства. Специфика сетевых технологий управления обеспечивает

способность программировать сознание субъектов сетевого взаимодействия на уровне ценностно-целевой подсистемы управленческой коммуникации и таким образом оказывать влияние на трансформацию общественного сознания. При этом, особое внимание обращается на принципы построения информационной системы общества, его трансформации и цифровизации.

Современное общество характеризуется глобализацией как процессом эволюции цивилизации, которая сопровождается информатизацией и глобальной цифровизацией общественно-экономических и социокультурных отношений. Современное общество определяется как сетевое информационно-коммуникативное общество, под которым понимается «современная цивилизация, обладающая информационно-коммуникативной субстанцией и всеми характеристиками сверхсложной самоорганизующейся антропо-социокультурной системы, в которой доминирующей формой коммуникации становится обмен информацией с помощью сетевых Интернет-технологий» [1, с. 69]. Современные тенденции общественного развития порождают противоречия и риски разного порядка в социо-природной сфере, в том числе на уровне коллективного и индивидуального сознания, что требует социально-философского осмысления проблемы управления сознанием в условиях информационного общества.

Социально-философские основы управления сознанием в информационном обществе следует изучать в аспекте основных признаков информационного общества, которое необходимо рассматривать как «открытую самоорганизующуюся систему, включающую в себя огромное разнообразие информационных потоков и информационных полей, находящихся во взаимодействии» [2, с. 9].

Современные вызовы общественного развития в эпоху цифровой глобализации оказывают значимое влияние на изменения духовных, социокультурных и мировоззренческих установок индивидуального и коллективного сознания социальных групп и общества в целом. Трансформация традиционной системы социальных отношений индустриального общества в систему отношений информационного общества «сопровождается коренными изменениями

облика сформировавшейся в условиях системы ценностей (парадигмы) индустриального общества многополярной геополитической картины мира и характера, содержания, принципов и приоритетов геополитической конкуренции» [2, с. 13]. Кризисные условия современного общества связаны с противоречиями между природными, духовными и техногенными аспектами общественного развития, требующими социально-философского осмысления проблемы цифровой трансформации общества и его влияние на общественное сознание. Актуальными становятся вопросы, связанные с социально-философскими аспектами управления сознанием в информационном обществе.

Анализ социально-философских аспектов управления сознанием в информационном обществе требует понимания феноменологии сознания и ее специфики в условиях глобальной цифровизации. Возникают новые социально-философские проблемы, обусловленные трансформацией социальных систем под влиянием информационно-цифровых технологий, технологий искусственного интеллекта и их влияние на сознание человека [3–5]. В этой связи российский исследователь К.С. Арутюнян пишет о появлении качественно новой формы общественного сознания – «управленческого сознания», основная цель которого «поддержание глобального развития, мирового порядка, а также переоценка системы ценностей в соответствии с меняющимися условиями» [6, с. 273].

Иными словами, мы приходим к выводу, сделанному нами несколько лет назад: «Глобализация и информатизация мирового пространства делают межкультурные отношения более открытыми для общественного контроля. Именно в глобальных сетях мы должны увидеть, как одни и те же ценности при соответствующей упаковке и подаче могут быть использованы как для разрушительных, так и для созидательных целей» [7, с. 209].

Дело в том, что изменившийся мир пытаются объяснить с помощью установившихся, привычных понятий и категорий: таких, например, как «общечеловеческие ценности», «цивилизация», «духовная жизнь», «управление», «диалог и мышление», «диалог и сознание», «информационное общество», «искусственный

интеллект», «гибридная информационная война», «цифровая эпоха», «цифровизация». Однако редко кто обращает внимание на то обстоятельство, что «каждая из этих категорий, как и собственно сложившаяся к настоящему времени система ценностно-этических и информационно-правовых норм, сформировалась и наполнилась определенным содержанием в условиях, принципиально отличных от тех, что имеют место теперь» [8, с. 130]. Достаточно отметить, что впервые в мире появился документ о защите фундаментальных прав, демократии, верховенства закона и экологической устойчивости от высокорискованного искусственного интеллекта, а также о стимулировании инноваций – западноевропейский Закон о регулировании искусственного интеллекта (известный Западной цивилизации как Закон об искусственном интеллекте Европейского союза – на англ. The EU AI Act – 2024), который запрещает неприемлемые способы использования информационных технологий.

Подчеркнем, что при рассмотрении нормативно-правовых, административно-организационных и гуманистических принципов построения информационной системы общества, его трансформации и цифровизации необходимо всегда выделять когнитивный цикл. Например, российские авторы известной книги «Информационные технологии в государственном и муниципальном управлении» справедливо считают, что для успешного управления в любой сфере нужны три условия:

- 1) конкретная информация;
- 2) управленческая сила воли;
- 3) рациональное прогнозирование и эффективное планирование результатов.

К этим условиям мы бы добавили еще наличие конкретного опыта, активного экспериментирования, наблюдения и рефлексии над собственной деятельностью.

По мнению авторов вышеуказанной книги, когнитивный цикл управления представляет собой единство трех составляющих – информации, знания и понимания. Их концепция сводится к следующим утверждениям: «Информация всегда была важнейшим

ресурсом управления, в том числе и государственного. Как и любой другой ресурс, она подчинялась общей логики воспроизводства; информация производилась, распределялась, обменивалась и потреблялась государственными органами власти, публичными институтами, бизнес-сообществами и отдельными гражданами. При этом, поскольку люди всегда понимали ценность информации и ее созидательную силу, которая в иных условиях могла превратиться в силу разрушительную, ее использование в обществе было избирательным. Информационный ресурс никогда не был абсолютно свободным ресурсом общественного пользования. Властные структуры в обществе всегда определяли ту степень доступности к информации, которая была необходима для воспроизводства стабильного существования: будь то стабильность, ориентированная на развитие, или же стабильность, преследующая статичное, неизменное существование общественного порядка» [9, с. 26–27]. На наш взгляд, данная концепция о конструктивной и деструктивной силе информации вполне имеет право на существование в контексте межкультурной и межцивилизационной взаимoadaptации.

Особый интерес в этой концепции вызывают абзацы о понимании и знании: «Для того, чтобы знание приводило к положительным или желаемым последствиям, оно должно завершиться этапом его *понимания*. Знать и понимать – это не одно и то же. Можно обладать обширными знаниями, но не понимать их. Компьютер собирает информацию и оперирует ею, но он ее не знает. Ученик заучил материал, он его знает и может точно воспроизвести информацию по просьбе учителя, но при этом он может не понимать ее. Понимать – это значит не просто знать и воспроизводить информацию, но творчески ее использовать, создавать нечто новое, раздвигать границы возможного. Знание есть условие, необходимое для создания нового, но не достаточное, если оно не дополнено пониманием. Ибо понимание – это уяснение сути дела. Поэтому только понимание придает смысл всей когнитивной цепочке «информация – знание – понимание». Благодаря пониманию обретает смысл как знание, так и его основание – информация.

Однако, поскольку понимание зависит от многих субъективных условий, прежде всего от мировоззрения субъекта действия, его политических взглядов, общей культуры, приверженности традициям, уровня образования и многого другого, неправильно было бы думать, что этот когнитивный цикл всегда и неотступно идет по восходящему вектору.

В истории овладение новой информацией без должного ее понимания нередко приводило к провалам культуры, примитивизации ценностей, потере общественной управляемости. Общество теряло накопленные знания. Соответственно, уходила в историческое небытие и ценная для общества информация» [9, с. 27–28].

Как один из авторов данной статьи, отмечу свои прежние, но не менее актуальные размышления по этому поводу: «Не буду называть отдельные работы, но просто обращаю внимание на многообразие подходов к определению существа процедуры понимания: одни из авторов апеллируют к науке для выявления особенностей понимания, другие, – усматривают в понимании характеристику методологического сознания – либо универсального, либо относящегося к исторической науке, третьи – не приемля сциентизма в анализе этой проблемы, связывают понимание со сферой коммуникации, опять-таки по-разному интерпретируемой» [10, с. 12]. Как мы видим, разноречие подходов весьма значительно. Оно, конечно, объясняется многогранностью человеческого бытия, предстающего в качестве объекта понимания, многоликостью смыслопорождающей и смыслопостигающей деятельности человека, многообразием форм культуры и человеческого общения. «Иными словами, если объяснение предполагает рассмотрение истории в ракурсе всеобщности, единства и иерархии культур, то понимание больше связано с позицией равенства культур, диалогичности, с осознанием многообразия религий и своеобразия культур» [10, с. 12].

Управление сознанием в информационном обществе опосредовано свойствами социальных процессов, для которых характерны «целенаправленность, целесообразность, стадийность, последовательность смены состояний, подготовленность субъекта, объекта и условий протекания, комплексность оценки факторов» [11, с. 5].

Ведущим в информационном обществе является глобальная информатизация, при которой функционирование социальных систем опосредованы информационными процессами и особенностями информационного обмена [1, 12–14]. Необходимо отметить, что социальное управление является системным процессом, включающим управление социально-экономическими, социально-политическими и духовно-культурными сферами общества с учетом информационных пространств и процессов информационного взаимодействия. В информационном обществе меняются условия и механизмы управления общественным сознанием, которые разворачиваются в коммуникативно-управленческом пространстве виртуальных реальностей. В аспекте информационного взаимодействия управление понимается как «способность биологических и социальных систем посредством накопления, преобразования и передачи информации направлять и корректировать разнообразные проявления их внутренней и внешней активности» [2, с. 55]. Целью управления в данном контексте является заранее обозначенное, запрограммированное состояние системы, достижение которого в процессе управления позволяет решить конкретную междисциплинарную задачу.

Исследование механизмов и закономерностей управления сознанием в информационном обществе связано с анализом информации, ее сущности и функций, играющей важную роль в информационном обществе. Информация трактуется как «фундаментальная первооснова и всеобщее свойство Вселенной, которая существует независимо от нас, проявляется в трехмерном процессе взаимодействия микро- и макропроцессов энергии, движения и массы в пространстве и времени» [2, с. 31]. Информационный обмен в социальных системах основан на взаимодействии, то есть «на процессе взаимного (совместного) воздействия – непосредственного или опосредованного – объектов (субъектов) друг на друга, порождающего их взаимную обусловленность и связь» [2, с. 42]. Информация играет «роль связующего звена между субъектом и объектом управления, которое характеризует состояние субъекта управления как носителя управленческого сознания в динамике, способствуя

подготовке управленческого воздействия и получения сведений о результатах его осуществления» [6, с. 440]. Отсюда важным для социально-философского осмысления специфики управления сознанием в информационном обществе является роль информации, информационного обмена и информационного взаимодействия между социальными субъектами в виртуальной реальности информационного пространства. В информационном обществе значимая роль отводится информационному управлению, которое трактуется как «неявное воздействие на объект управления, при котором объект получает от субъекта специально подобранную информацию о той или иной ситуации для совместного решения сложных социальных проблем» [6, с. 442]. В информационном управлении тот, кто «производит знания-решения в конкретных ситуациях на основе поиска и анализа информации, обладает возможностями оказывать существенное (а иногда и определяющее) влияние на протекающие процессы и других субъектов (участников) коммуникации» [2, с. 79]. В сетевом информационном пространстве наибольшее управляющее воздействие имеет тот субъект, который обладает и распространяет знание-решение по каналам коммуникации. Управление сознанием обеспечивает информационную безопасность в условиях сетевого общества. В социально-философском плане «информационная безопасность позволяет гарантировать гармоничное развитие информационно-когнитивных процессов, их взаимосвязь, а также защиту для эффективного управления социальными процессами» [6, с. 443]. Это важный аспект для понимания и дальнейшего обсуждения нашей темы в междисциплинарном ключе.

На индивидуальное и общественное сознание в информационных потоках современного общества оказывают влияние такие информационные пространства, как «виртуальная реальность, формируемая в виде виртуальных аналогов реальных объектов и процессов, базирующихся на соответствующих программно-аппаратных платформах и информационно-телекоммуникационных сетях» [6, с. 135–136]. Виртуальная реальность «не просто несуществующая реальность, а возможная реальность, которая может появиться при специально созданных условиях, подменяющих одну

реальность другой. Иначе говоря, виртуальная реальность является таким же продуктом сознания, как и первично воспринимаемая» [1, с. 86]. В информационном пространстве сетевого общества появляются новые субъекты и сообщества, к которым относятся социальное виртуальное сообщество, онлайн-овое и сетевое сообщества, виртуальный социум. В современных условиях сетевого общества «на смену информационным технологиям приходят технологии сетевые. Они становятся условием жизнеспособности социума, а управление оказывается необходимым в условиях сетевого пространства» [6, с. 441]. Одним из управленческих инструментов сетевого общества выступает электронно-цифровой имидж, который «стимулирует процессы саморазвития в качестве аттрактора и инициирует процессы самоорганизации» [1, с. 98]. В философско-культурологическом аспекте коммуникативно-управленческая феноменология имиджа отражается «в функции интерпретации социальной реальности, которая, с одной стороны, выявляет существующие этико-эстетические, морально-нравственные установки и ценностные ориентации субъекта; с другой стороны, содействует их формированию» [1, с. 40]. Современные имиджевые технологии выступают компонентами коммуникативно-управленческой системы сетевого информационно-коммуникативного общества.

Таким образом, современное общество определяется как сетевое информационно-коммуникативное общество, которое оказывает значимое влияние на изменения духовных, социокультурных и мировоззренческих установок индивидуального и коллективного сознания. Важным для социально-философского осмысления специфики управления сознанием в современном обществе является роль информации, информационного обмена и информационного управления. В обществе сети меняются условия и механизмы управления общественным сознанием, которые разворачиваются в коммуникативно-управленческом пространстве виртуальных реальностей. механизмы управления индивидуальным и коллективным сознанием основываются на иных методах и подходах управления, в частности на информационно-психологических,

сетевых и имиджевых технологиях управления сознанием. Технологии сетевого общества имеют доступ к сознанию, подсознанию и коллективному бессознательному субъектов информационно-коммуникативного пространства, что обеспечивает способность программировать их на уровне ценностно-целевой подсистемы управленческой коммуникации и таким образом, оказывать влияние на трансформацию общественного сознания.

Литература

1. *Спичева Д.И.* Имидж как коммуникативно-управленческий феномен: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Д.И. Спичева. – Томск, 2014. – 142 с.
2. *Манойло А.В.* Государственная информационная политика в особых условиях / А.В. Манойло. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.
3. *Floridi F.* The information society and its philosophy: introduction to the special issue on the philosophy of information, its nature developments // *The information society*. – 2009. – № 5. – P. 153–158.
4. *Mingers J.* Philosophy and information systems: where are, we and where should we go? // *European Journal of Information Systems*. – 2018. – Vol. 27. – № 3. – P. 263–277.
5. *Norton B.* Environmental Philosophy: a fresh perspective // *Bioscience*. – 2013. – Vol. 63. – №. 5. – P. 404–406.
6. *Арутюнян К.С.* Проблема управления сознанием в информационном обществе: социально-философский анализ / К.С. Арутюнян // *Вестник Пермского университета*. – 2020. – № 3. – С. 438–447.
7. *Брусиловский Д.А.* Реализация межкультурных возможностей диалога Запада и Востока в политико-правовой сфере / Д.А. Брусиловский, О.А. Тогусаков // *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. – 2016. – № 12. – С. 206–214.
8. *Ажыбекова К.А.* Диалог культур и взаимоадаптация цивилизаций в условиях мегасоциальной интеграции / К.А. Ажыбекова, О.А. Тогусаков, Д.А. Брусиловский [и др.] // *Вестник КРСУ*. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 128–135.

9. Информационные технологии в государственном и муниципальном управлении / колл. авт.; под ред. С.Е. Прокофьева и С.Г. Камолова. – М.: КНОРУС, 2022. – 288 с.
10. Ажыбекова К.А. Коррелятивная взаимосвязь культуры и цивилизации (методологические аспекты) / К.А. Ажыбекова, О.А. Тогусаков, Д.А. Брусиловский // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 3. – С. 9–16.
11. Морев М.В. Социальные процессы: классическая теория и современная актуальность / М.В. Морев, В.С. Каминский // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 3 (33). – С. 1–13.
12. Брусиловский Д.А. Специфика воздействия «мягкой силы» России, Китая и США на Центральную Азию в условиях глобализации / Д.А. Брусиловский, И.И. Есипов // Вопросы политологии. – 2019. – Т. 9. – № 8 (48). – С. 1779–1798.
13. Подопригора А.В. Информация и сознание: как работает «генератор реальности» / А.В. Подопригора // Научный ежегодник центра анализа прогнозирования. – 2019. – № 1 (3). – С. 29–44.
14. Stahl B.C., Eden G., Jirotk M., Coeckelbergh M. From computer ethics to responsible research and innovation in ICT: The transition of reference discourses informing ethics-related research in information systems // Information & Management. – 2014. – № 51 (6). – P. 810–818.

Ф.Д. Хайбулина, А.К. Кенджетаева

СУЩНОСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА

Зарубежные исследователи первыми обратили внимание на категорию «имидж». Американский социолог Кеннет Боулдинг в своей книге «Имидж: знания в жизни и обществе» предложил концепцию, согласно которой имидж представляет собой определенный поведенческий стереотип, влияющий на поступки отдельной личности, группы лиц или нации. Боулдинг утверждал, что имидж

формируется не на основе реальных фактов, а на престиже, мнениях и иллюзиях, которые люди создают о себе, на мифологическом представлении о прошлом и воображаемом представлении о будущем. Такой имидж способен влиять как на действия отдельных личностей или групп, так и на поведение целых наций [1]. Через десятки лет изучения данного феномена другой исследователь даст более точное определение: «Имидж – это репутация, восприятие, отношение, сообщение, оценка, узнавание, доверие, поддержка, коммуникация и отношение» [2]. Значительный вклад в изучение феномена «имиджа» внес английский политолог Грэм Уоллес, который утверждал, что не рациональные мотивы, а сформированные годами поведенческие установки являются основой модели поведения избирателей. Немецкий социолог К. Хилманн определял имидж как совокупность чувств, идей и оценок, которые субъективно воспринимаются отдельными людьми или группами и становятся основой их представлений о других людях и социальных институтах [3].

Российский специалист И.М. Синяева, определяла термин в контексте имиджа организации: «позитивный имидж создается основной деятельностью компании, а также целенаправленной информационно-образовательной работой, ориентированной на целевые группы общественности» [4].

Так имидж, как междисциплинарный феномен, представляет собой совокупность стереотипных мнений, субъективных восприятий, установок поведения, формирующихся на протяжении времени, и иррациональных представлений.

Если брать политологический вопрос, рассматривая государственный имидж – это «воображаемый образ данного государства у граждан страны и зарубежья» [5]. Другой исследователь Д.А. Клименко, рассматривал имидж через призму брендинга, приводя интерпретацию следующим образом «набор представлений, которые бы владельцу вещи хотелось бы внедрить в массовое сознание», но при этом также затрагивал политологический аспект – «это то, как хотелось бы государству, чтобы его воспринимали в международном пространстве» [6].

Профессор международного маркетинга Френсис Котлер, пишет, что есть понятия «имидж пространства», то есть мы можем понимать под этим термином имидж города, провинции, региона и того же государств в полномерной целостности и к описанию что есть слова «image» приписывает уже знакомые утверждения что приведены выше «сумма убеждений, представлений и впечатлений людей в отношении этого места» [7].

Возвращаясь к российским исследователям, которые занимались сущностным определением «имиджа государства» следует отметить таких политологов, как Т.Ю. Асрян, С.И. Кузина, которые в свою очередь дают следующее определение: «Специально, целенаправленно конструируемый образ объекта (группы, государства, организации, личности и т. д.) с заданными определенными социальнopolитическими ценностями, апеллирующий к эмоциональной сфере реципиента» [8].

Исследователь М.А. Булгаров дает такое определение имиджа на государственном уровне: «Страновой имидж представляет собой совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков страны, собственного опыта и слухов, влияющих на создание определенного образа [9]. Другие современные исследователи вполне принимают позицию последние двух вышеупомянутых терминологических подходов к понятию государственного имиджа, считая данные определения достаточно точными, что отражают сущность государственного имиджа, так как здесь внимание авторов сосредоточено на стихийности и на компоненте целенаправленной работы, ибо «слухи запускаются специально с определенной целью» [10].

Сущность государственного имиджа заключается в объединении нескольких ключевых компонентов. Первый компонент – это географические характеристики страны, включая ее местоположение, территорию, климатические условия и другие параметры. Второй – международная позиция государства, отражающая степень его дружелюбия или конфронтации на мировой арене. Третий компонент – это уровень мощи и влияния страны. Таким образом, исследователь выделяет географический образ государства

и способность эффективно сочетать ресурсы «жесткой» и «мягкой» силы, используя так называемую «умную» силу [11].

Имидж государства формируется в процессе межгосударственных отношений, сочетая в себе как уникальные характеристики самой страны, так и взаимодействие объективных условий с субъективными факторами. Восприятие государства различными обществами, а также успешность его имиджа во многом определяются существующими в этих обществах ожиданиями и установками. Поэтому ученый К.И. Телегина пишет: «Чтобы понять особенности восприятия имиджа какого-либо государства, необходимо изучить идеальные образы массового сознания» [12].

Безусловно, положительное восприятие страны как среди ее граждан, так и в массовом сознании зарубежной аудитории становится значимым стратегическим ресурсом, способствующим её развитию. Этот фактор обеспечивает преимущество в конкурентной среде, укрепляет позиции в сотрудничестве с бизнесом и СМИ. Восприятие страны тесно связано с идеализированными представлениями, существующими в сознании аудитории. Таким образом, эффективность формирования имиджа определяется реакцией населения на образы, которые транслируются через механизм передачи информации, направленный на массового потребителя.

Обобщая существующие подходы, можно определить, что имидж государства представляет собой комплексное восприятие, состоящее из совокупности убеждений, оценок и представлений (как осознаваемых, так и неосознаваемых), которые формируются у социальных субъектов – будь то индивидуумы, группы или массовая аудитория – относительно конкретной страны. Это восприятие создается как внутри самого государства, так и за его пределами, в значительной степени посредством коммуникационных каналов и целенаправленных усилий заинтересованных сторон, стремящихся сформировать определенный образ государства. Имидж страны не просто отражает её текущее состояние, но становится интегральной проекцией впечатлений, мнений и отношений, представляя собой сложную структуру, влияющую на восприятие и взаимодействие с внешним миром. Такой образ становится

важным инструментом мягкой силы, способным оказывать воздействие на международные и внутренние процессы.

Анализируя ключевые подходы к пониманию природы имиджа, можно отметить, что каждая из концепций концентрируется лишь на отдельных аспектах, не давая возможности увидеть полную картину данного явления. Такой фрагментарный взгляд не позволяет сформировать цельное представление о сути имиджа, что требует более интегративного подхода.

Имидж государства представляет собой сложное переплетение двух основных компонентов: идеализированного представления о стране, укоренившегося в массовом сознании, и реальных характеристик самого государства. Находясь на пересечении объективной реальности и субъективных ожиданий аудитории, имидж формирует своеобразный мост между тем, что есть, и тем, каким государство хотело бы казаться. Эта промежуточная позиция позволяет не только расширить восприятие объекта, но и управлять этим восприятием, направляя его в желаемом направлении. Таким образом, имидж становится инструментом, с помощью которого можно не просто отражать действительность, но и формировать положительные эмоциональные и психологические ассоциации, которые усиливают конкурентные позиции государства на международной арене.

Создание имиджа государства – это не просто процесс, а целая технология, которая опирается на определенные социальные, психологические и культурные закономерности. Этот процесс включает в себя использование установок, тенденций и свойств массового восприятия, чтобы достичь поставленных целей. В условиях стремительного развития информационных технологий и глобальной интеграции обществ, имидж государства становится важным инструментом для решения ключевых задач.

Он служит не только для продвижения стратегических интересов и защиты национальных приоритетов, но и для создания позитивной среды, которая способствует раскрытию потенциала страны. Эффективный имидж позволяет укреплять сотрудничество с мировым сообществом, развивать международное партнерство

и привлекать ресурсы для устойчивого развития. Таким образом, формирование имиджа – это не просто отражение текущего состояния государства, но и средство активного влияния на мировое восприятие, направленное на достижение долгосрочных национальных и глобальных целей.

Литература

1. *Boulding K.* The Image. Knowledge in Life and Society. MI: University of Michigan Press, 1956. – 175 p.
2. *Gruning J.E.* Excellence in Public Relations and Communication Management. New Jersey: Eribaum Associates Inc, 1992.
3. *Фатыхова Д.Р.* Технологии формирования имиджа женщины-политика в современной России / Д.Р. Фатыхова. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2016. – 141 с.
4. *Булгаров М.А.* К вопросу о сущности понятия «Имидж страны» / М.А. Булгаров. – Пенза: Наука и Просвещение, 2017. – Ч. 2. – С. 110–113.
5. *Клименко Д.А.* Основные составляющие странового имиджа и технологии его продвижения (на примере формирования имиджа Италии в России) / Д.А. Клименко // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2020. – № 1. – С. 165–182.
6. *Котлер Ф.* Маркетинг мест / Ф. Котлер. – СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2021. – 390 с.
7. *Кузина С.И.* СМИ как инструмент «мягкой силы» в процессах формирования политического имиджа российского государства / С.И. Кузина. – Екатеринбург: Дневник АШПИ, 2017. – С. 143–147.
8. *Логутова М.А.* Слухи как угроза информационной безопасности. Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов / М.А. Логутова. – Новосибирск: СибГУТИ, 2018. – С. 426–429.
9. *Ольшанский Д.В.* Политикопсихологический словарь / Д.В. Ольшанский. – М.: Академический Проект, 2022. – 576 с.
10. *Синяева И.М.* Паблик рилейшнз: толковый словарь / И.М. Синяева. – М.: Дашков и К, 2018. – 200 с.

11. *Телегина К.И.* Понятие и структура имиджа государства / К.И. Телегина. – М.: Вопросы теории и практики. – 2024. – С. 191–194.

Ф.Д. Хайбулина, Э.А. Сулайманова

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

В современном мире политическая коммуникация невозможно без активного вовлечения средств массовой информации (СМИ). Массмедиа являются основным каналом передачи не только новостей, но и интерпретаций, которые формируют общественное мнение [1]. Политика давно уже перестала быть делом исключительно специалистов; она стала настоящим шоу, где каждый жест, слово и взгляд политического лидера становятся объектами внимательного анализа. Современные политические лидеры понимают важность медиа-репрезентации и используют её как инструмент для укрепления своего имиджа [2].

СМИ выполняют несколько функций, среди которых наибольшее значение имеет роль в формировании общественного мнения. В условиях информационного общества именно медиа определяют, как лидер воспринимается обществом. Лидер может быть представлен как харизматичная личность, как представитель народа, или же наоборот, как политик, оторванный от реальности, являющийся авторитарной фигурой. Важность правильной медийной репрезентации становится очевидной особенно в периоды выборов или политических кризисов, когда общественное мнение может играть решающую роль [3, с. 715–719].

В этой связи роль СМИ в формировании политического имиджа является критически важной. Способность медиа формировать информационное поле, расставлять акценты и воздействовать на эмоциональное восприятие событий открывает широчайшие возможности для политиков. Особенно значительным является влияние

визуальных и языковых факторов, риторических приёмов, а также отбор информации, который может либо способствовать укреплению репутации, либо, наоборот, её разрушению [3, с. 715–719].

Существует несколько ключевых механизмов, с помощью которых СМИ воздействуют на восприятие политиков. Одним из наиболее важных механизмов является отбор информации. Каждый день в мире происходят тысячи событий, и СМИ должны выбирать, что из этого будет представлено широкой аудитории. Важно отметить, что выбор тем, которые будут освещены, а также акценты, расставленные в новостях, формируют общественное восприятие политиков. Например, если СМИ освещают только негативные события, связанные с политиком, его репутация неизбежно будет подорвана. Напротив, если акцент ставится на положительные моменты, это способствует укреплению его общественного имиджа.

Следующий важный механизм – это фрейминг (или рамочное представление событий). Фрейминг позволяет подать одно и то же событие с разных точек зрения, что в свою очередь может влиять на то, как воспринимается политик. Например, один и тот же политический шаг может быть подан как решительная мера или как популистский ход в зависимости от того, как фреймируется информация.

Особое значение в контексте политической коммуникации имеют визуальные образы и риторика. Сегодня в эпоху цифровых технологий визуальная составляющая становится не менее важной, чем текстовая информация. Видео, фотографии, заголовки, логотипы партий и политиков – все эти элементы создают эмоциональный фон, который может существенно повлиять на восприятие политической фигуры. Например, успешные телевизионные дебаты, в которых кандидат выглядит уверенно и харизматично, могут значительно повлиять на результаты выборов.

История политических кампаний показывает множество примеров, когда правильное использование медиа способствовало успеху лидера. Один из таких примеров – это Уинстон Черчилль, который активно использовал радио для прямого общения с населением Великобритании во времена Второй мировой войны. Черчилль

не только транслировал свои политические взгляды, но и вдохновлял нацию на сопротивление, что усиливало его имидж как лидера, способного вести страну в условиях кризиса.

Франклин Рузвельт стал пионером в использовании медиа в политике. Его радиопередачи, известные как «беседы у камина», создавали атмосферу доверия и близости с народом. Благодаря этому Рузвельт смог укрепить свою поддержку среди американцев в сложные годы Великой депрессии и Второй мировой войны [4].

В более поздние времена телевизионные дебаты стали важным инструментом политического воздействия. Джон Кеннеди продемонстрировал, как визуальное восприятие может стать решающим фактором в политической карьере. В 1960 году его победа на теледебатах с Ричардом Никсоном, где Кеннеди выглядел уверенно и привлекательно, сыграла ключевую роль в его победе на выборах.

Рональд Рейган, будучи актёром, мастерски использовал телевидение для формирования своего имиджа. Он стал известен как «Великий коммуникатор», потому что умел обращаться к аудитории, вызывая её доверие и симпатию. Его способность использовать медиа для установления прямого контакта с народом сыграла важную роль в его политическом успехе.

С развитием цифровых технологий и социальных сетей политическая коммуникация претерпела радикальные изменения. Социальные сети, такие как Twitter, Facebook, Instagram, стали важнейшими инструментами для политиков, позволяя им напрямую общаться с избирателями. Вспомним Дональда Трампа [5], который использовал Twitter как основной канал коммуникации. Его твиты становились темой обсуждения и мгновенно попадали в заголовки новостей, что показывало мощное влияние социальных платформ на политику [6]. Это создало новую реальность, где политики могут устанавливать повестку дня без посредников.

Однако, несмотря на преимущества цифровых платформ, они также несут в себе риски. Одним из таких рисков является распространение фейковых новостей [7]. В условиях переполненности информационного пространства становится всё сложнее отделять правду от вымысла. Появление «фейков» может подрывать доверие

к традиционным источникам информации и даже влиять на политические решения.

Таким образом, можно утверждать, что политический имидж в современном мире – это не только отражение личных качеств лидера, но и результат его взаимодействия с медиа. Лидер, который не умеет работать с медиапространством, рискует потерять поддержку и оказаться в политической изоляции. В то же время чрезмерная зависимость от медийного образа может привести к утрате подлинности и искренности. Важно соблюдать баланс между реальной политической деятельностью и её медийным представлением, чтобы сохранить доверие граждан и обеспечивать эффективную политическую деятельность [8].

Современные политические лидеры должны понимать, что медиаинструменты – это не просто средства для распространения информации, но и мощное оружие в политической борьбе. Те, кто умеет правильно использовать эти инструменты, получают значительное преимущество, однако с этим приходит и ответственность: за честность, прозрачность и правдивость в коммуникации [9].

Литература

1. Reuters Institute. Digital News Report 2023. Oxford: University of Oxford, 2023. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2023> (дата обращения: 11.05.2025).
2. Примеры того, как СМИ могут манипулировать истиной. Cameralabs.org. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cameralabs.org/12346-primery-togo-kak-smi-mogut-manipulirovat-istinoj> (дата обращения: 11.05.2025).
3. Влияние СМИ на формирование имиджа политика. КиберЛенинка. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-smi-na-formirovanie-imidzha-politika> (дата обращения: 11.05.2025).
4. The American Presidency Project. Franklin D. Roosevelt: Fireside Chat. University of California, Santa Barbara. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/fireside-chat-13> (дата обращения: 11.05.2025).

5. *Trump D.* Официальный Twitter-аккаунт @realDonaldTrump [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://twitter.com/realDonaldTrump> (дата обращения: 11.05.2025).
6. The Guardian. Crass, Flashy, Outrageous: Trump Media Blitz Redefines Meaning of Presidential. The Guardian, 2025. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.theguardian.com/us-news/2025/may/10/trump-media-white-house-communications> (дата обращения: 11.05.2025).
7. Примеры того, как СМИ могут манипулировать истиной. Cameralabs.org. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cameralabs.org/12346-primery-togo-kak-smi-mogut-manipulirovat-istinoj> (дата обращения: 11.05.2025).
8. Проблема формирования имиджа политического лидера в современной России. Ломоносов. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/21_7.pdf (дата обращения: 11.05.2025).
9. Gallup. Americans' Trust in Media Remains at Trend Low. Gallup News, 2023 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://news.gallup.com/poll/651977/americans-trust-media-remains-trend-low.aspx> (дата обращения: 11.05.2025).

Э.Э. Эсенаманова

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖБ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

В современном мире глобализация оказывает значительное влияние на различные аспекты государственного управления, включая муниципальные службы. Российская Федерация и Кыргызская Республика сталкиваются с вызовами, связанными с адаптацией своих муниципальных служб к изменяющимся условиям мировой экономики, политики и социокультурной динамики.

Муниципальные службы в Российской Федерации, как и в Кыргызской Республике представляют собой ключевой элемент системы государственного управления на местном уровне. Они играют важную роль в обеспечении реализации государственной политики, управлении ресурсами и предоставлении государственных услуг на территориях муниципальных образований. В данном разделе мы рассмотрим организацию, функционирование и вызовы, с которыми сталкиваются муниципальные службы в России. Одной из важных основ развития современного демократического общества является защита прав и свобод граждан, создание условий для их всестороннего развития и свободного проявления своих способностей. В числе неотъемлемых прав граждан, гарантированных Конституцией Российской Федерации, является равный доступ к государственной службе. «В условиях глобализации общественной системы данный принцип приобрел всеобщий характер, хотя и имеет тенденцию своеобразного проявления в жизнедеятельности государств, находящихся на различном уровне своего социально-экономического развития. И все же, несмотря на различия государственного устройства, есть и нечто общее в подходах стран к реализации этого принципа, который непосредственно связан с правом гражданина на развитие человеческого потенциала, занятие достойного места в обществе, в том числе и в сфере государственного управления» [1, с. 32–40].

Стоит рассмотреть, как организовано местное самоуправление в России и Кыргызстане. Муниципальные службы в России осуществляются через органы местного самоуправления, которые формируются на основе выборов и реализуют свои полномочия в соответствии с Конституцией Российской Федерации и законодательством о местном самоуправлении. Они могут включать в себя исполнительные органы местного самоуправления, администрации муниципальных образований, комиссии, уполномоченных по различным направлениям деятельности. Если рассматривать государственные органы власти в Кыргызстане, которые организованы на основе местного самоуправления, то они осуществляются через выборные органы местной власти. Эти органы включают

в себя муниципальные администрации, местные айылные кенешы (сельские советы), городские и сельские исполнительные органы, и другие структуры, которые осуществляют управление на местном уровне, что схоже с Российской Федерацией.

Основными функциями муниципальных служб являются управление муниципальной собственностью, разработка и реализация местных программ развития, обеспечение благополучия населения, поддержка социальной инфраструктуры, охрана окружающей среды и другие задачи, направленные на улучшение качества жизни граждан на местном уровне. Если сравнивать функции муниципальных служб в Кыргызстане, то они включают в себя управление местными бюджетами, организацию коммунальных услуг, развитие социальной инфраструктуры, управление муниципальной собственностью и другие аспекты, направленные на обеспечение благополучия населения на местном уровне.

Муниципальные службы в России работают в условиях сложной организационной структуры и юридического регулирования. Они взаимодействуют как с федеральными органами власти, так и с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Это взаимодействие позволяет обеспечить согласованность действий на различных уровнях управления и эффективное решение задач, стоящих перед муниципальными службами. «Нужно совершенствовать систему управления органами внутренних дел, систему координации и взаимодействия с другими субъектами обеспечения общественной безопасности, причем очень важно проработать вопрос по созданию единого органа координации субъектов на муниципальном уровне» [2, с. 48–52]. Работа муниципальных органов власти в Кыргызстане функционирует в рамках многообразной административной системы, которая включает в себя многочисленные органы и структуры на местном уровне. Главную роль в организации и функционировании муниципальных служб играют кадровый потенциал, уровень профессионализма сотрудников и эффективность управления ресурсами.

Функционирование муниципальных служб в значительной степени определяется кадровым потенциалом, профессионализмом

и компетенциями сотрудников. Качество кадрового состава имеет ключевой фактор в обеспечении эффективности работы муниципальных служб и достижении поставленных целей. В Кыргызской Республике важным аспектом функционала муниципальных служб является также взаимодействие с другими органами государственной власти на различных уровнях, включая центральные и региональные органы власти. Это взаимодействие необходимо для обеспечения согласованности действий и эффективного решения задач, стоящих перед муниципальными службами.

В условиях глобализации и быстрого технологического прогресса муниципальные службы в России сталкиваются с рядом вызовов. «Ведущие российские исследователи А.В. Малько и А.Ю. Саломатин справедливо отмечают, что глобализация оказывает мощное воздействие на правовую систему» [3]. Одним из них является необходимость адаптации к изменяющимся требованиям и ожиданиям граждан в условиях современного информационного общества. Это требует внедрения новых информационных технологий, продолжение и усовершенствования развития электронного правительства для улучшения качества предоставляемых государственных услуг. «Единый портал государственных и муниципальных услуг обеспечивает возможность получения полного перечня услуг, исключая бюрократическую волокиту. Предстоит проделать большую работу по подготовке нормативных правовых актов, административных регламентов, обучению персонала органов исполнительной власти, ответственного за предоставление информации в соответствии с методиками. Сведения о достигнутых значениях показателей эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти должны лечь в основу программ развития, обеспечивающих их рост» [4, с. 32–40].

Если сравнивать государственные органы местного самоуправления в Кыргызстане, то они сталкиваются с следующим рядом вызовов, которые связаны как с внутренними, так и с внешними факторами. Одним из таких вызовов является необходимость улучшения качества предоставляемых государственных услуг и повышения эффективности управления на местном уровне. Это требует

доработки и его внедрения современных методов управления, процессов цифровизации, а также уровня повышения квалификации кадров. «Формирование нового мирового порядка в современных условиях и его реализация с помощью процессов глобализации осуществляется в насильственной трансформации исторически сложившегося способа производства общества и способа производства общественной жизни, когда закоренелый индивидуализм общества потребления становится «болезнью общества». В этом случае общество и человек предстают «как проект в условиях глобализации» [5, с. 31–35].

Следующим вызовом в России, а также и в Кыргызстане является обеспечение прозрачности, открытости в деятельности муниципальных служб, продолжение борьбы с коррупцией и улучшение уровня управления на местном уровне. Это требует внедрения современных методов управления, укрепления институтов гражданского общества и развития механизмов общественного контроля за деятельностью государственных органов. Российская Федерация и Кыргызская Республика, несмотря на различия в политической системе, культуре и экономическом развитии, сталкиваются с сходными вызовами в области государственного управления в условиях глобализации. Обе страны сталкиваются с необходимостью модернизации муниципальных служб, внедрения инновационных методов управления и повышения эффективности предоставления государственных услуг.

Органы местной власти в Российской Федерации и в Кыргызской Республике играют важную роль в обеспечении эффективного функционирования государства на местном уровне. Они сталкиваются с различными вызовами, связанными с изменяющимися условиями в глобальном масштабе, однако продолжают работу по совершенствованию своей деятельности и улучшению качества предоставляемых государственных услуг. Адаптация к новым реалиям требует усилий как со стороны государственных органов, так и со стороны общества в целом.

Глобализация оказывает существенное влияние на организацию и функционирование муниципальных служб в России

и Кыргызстане. Адаптация к изменяющимся условиям мирового сообщества требует от государственных органов активного поиска новых подходов к управлению, внедрения инновационных технологий и повышения эффективности предоставления государственных услуг на местном уровне. Российская Федерация и Кыргызская Республика продолжают работу по совершенствованию своих муниципальных служб с целью обеспечения устойчивого развития и повышения качества жизни своих граждан в условиях глобализации.

Литература

1. *Лытов Б.В.* Государственная служба в условиях глобализации / Б.В. Лытов // *Право и управление. XXI век.* – 2008. – № 1 (6). – С. 67–71.
2. *Сибилева А.Ю.* Институт местного самоуправления как объект глобализации в современных условиях / А.Ю. Сибилева // *Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 19–20 апреля 2018 года.* – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. – 2018. – С. 628–634.
3. *Саломатин А.Ю.* Государственно-правовая жизнь общества в условиях глобализации / А.Ю. Саломатин, А.В. Малько // *Государство и право.* – 2019. – № 3. – С. 85–96.
4. *Каллагов Т.Э.* Формирование и развитие муниципальной службы в условиях модернизации местного самоуправления в современной России / Т.Э. Каллагов // *Финансовое право и управление.* – 2014. – № 2. – С. 32–40.
5. *Дуреев С.П.* Местное самоуправление в условиях глобализации / С.П. Дуреев // *Общество: философия, история, культура.* – 2013. – № 2. – С. 31–35.

ВКЛАД КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА КИРГИЗСКОЙ ССР В ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ

С началом Великой Отечественной войны Центральный комитет Коммунистической партии и Советское правительство призывало партию и народ мобилизовать все силы на разгром врага, в короткие сроки перестроиться на военный лад, укрепить тыл, подчинить интересам войны всю деятельность партийных, советских и общественных организаций. Совместно со всеми народами СССР и кыргызский этнос активно включился в военные действия против фашистской Германии, не отставало от города и колхозное крестьянство, которое в силу своей специализации на своем фронте также включилось в процесс защиты Родины.

В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 года отмечалось о необходимости увеличения посевных площадей на 1942 год [1, с. 36]. Так, в Кыргызской ССР предполагалось расширить посевные площади до 1049,8 тыс. га против 964, 5 тыс. га в 1941 году, в том числе посевы зерновых на 55 тыс. га. [ЦГА ПД КР. Ф 56. Оп.3. Д. 1282. Л. 227]. В последующие годы планы посевов большинства культур, особенно зерновых и сахарной свеклы, заметно превышали довоенный уровень. Однако здесь возникало немало проблем, так как расширение сельскохозяйственного производства требовало мобилизации всех возможностей населения колхозов.

Главной задачей было обеспечение колхозов рабочей силой, что осуществлялось разными путями: привлекались женщины и старики, также стали вовлекаться в колхозное производство население кыштак, айлов и сел [ЦГА ПД КР. Ф 56. Оп. 3. Д. 1282. Л. 227]. К примеру, в 1942 году общий недостаток в рабочей силе в колхозах республики в самый напряженный период сельскохозяйственных работ составил свыше 17 тыс., а в 1943 году – 68, 7 тысяч человек [ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17. Д. 109. Л. 11]. Таким образом, 9-й пленум ЦК КП(б) Киргизии, состоявшийся в январе 1943 года, указал на необходимость использования труда стариков и подростков

[Советская Киргизия. 1943. 21 января]. В районах республики прошли совещания колхозников пожилого возраста, на которых партийные работники разъясняли важность опыта аксакалов, просили их помочь в работе колхозов.

Приглашались на работу не трудившиеся ранее женщины, домохозяйки, жены фронтовиков. Активную деятельность в этом отношении развернули женотделы. В Кочкорском районе, например, в 1943 году женотдел вовлек в артельное хозяйство 300 женщин. В результате принятых мер, число участвовавших в общественном хозяйстве в 1942 году, несмотря на то, что много трудоспособных мужчин ушли на фронт, в промышленности выросло по сравнению с 1940 годом на 77,6 тыс.; на 22,8 тыс. увеличилось число работавших женщин, на 21,4 тыс. – подростков (от 12 до 16 лет). Но убыль рабочей силы была настолько значительной, что возмещение ее не было полным, а с 1943 года людские ресурсы колхозов Кыргызстана оказались уже исчерпанными [ЦГА КР. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 16. Л. 17].

В сложный военный период времени колхозы смогли мобилизовать свои трудовые ресурсы на решение различных актуальных задач, связанных с войной. Так, в стремлении дать больше продовольствия стране, колхозное крестьянство изыскивало возможности расширения посевных площадей. При посеве озимых под урожай 1942 года колхозы республики в 1,5 раза перевыполнили увеличенный по сравнению с прошедшими годами план. Все эти мероприятия осуществлялись в определенной мере за счет освоения целинных и бросовых земель, а также внутриколхозных резервов. Всего в 1941–1942 годах колхозы республики освоили 14,7 тыс. га новых земель [1, с. 263]. Соответственно расширялись также поливные земли. Строились каналы, очищалась оросительная сеть, переделялись ветхие сооружения. Таким образом, цели по увеличению посевных площадей дали свои результаты: посевные площади с 928, 6 тыс. га в 1940 году выросли до 1014,9 тыс. га – в 1943 году, посевы зерновых увеличились на 66,5 тыс. га. [Советская Киргизия, 1941. 24, 25 декабря; 1942. 19 февраля. 17 мая].

Однако здесь появились две проблемы. Первая заключалась в том, что значительно сократился завоз минеральных удобрений.

В связи с чем, широкие масштабы принял сбор местных удобрений в виде навоза, золы и птичьего помета. Благодаря молодежным движениям во время посевных кампаний на колхозные поля было вывезено 1680820 тонн местных удобрений [1, с. 249].

Другая проблема заключалась в том, что был недостаток семенного материала. Данная проблема была решена благодаря помощи колхозников, отдававших на семена зерно из личных запасов, что позволило в итоге большинству колхозов справиться с планами посевных кампаний. Такими семенами засеивались «площади в фонд обороны» и «гектары обороны» [1, с. 282].

Таким образом, жизнь крестьянства республики в годы войны была очень тяжелой, необходимость расширения сельскохозяйственного производства, сокращение трудовых ресурсов и энерговооруженности в колхозах привели к увеличению в них объемов работы и соответственно нагрузки на каждого трудоспособного.

Высокими темпами убирали колхозники республики хлопок и сахарную свеклу. По инициативе звеньевой колхоза «Кенеш-Куча» Базар-Курганского района Ханипахан Джапаровой в хлопкосеющих колхозах юга Кыргызстана началось соревнование за сбор 15 и 10 тыс. кг хлопка за сезон. В Ошской области 250 сборщиков систематически выполняли дневные задания на 400 % [Советская Киргизия. 1941. 20 сентября]. Из колхоза «Джол» Базар-Курганского района 200 человек ежедневно давали две нормы сбора [Советская Киргизия. 1941. 28 сентября]. Сама инициатор движения тысячник Х. Джапарова 15 сентября собрала 460 кг, выполнив дневную норму на 766 % [Советская Киргизия. 1941. 20 сентября], а к первому ноября она сдержала свое слово, сдав государству 15 тыс. кг хлопка [Советская Киргизия, 1941. 2 ноября].

Высокие показатели также были отмечены на копке и вывозке свеклы. Звеньевая О. Гриценко из колхоза им. Тельмана Московского района при дневной норме 10 ц очищала 15 ц, а в отдельные дни – по 20 ц свеклы. В колхозе «Кызыл-Туу» к 25 сентября сахарной свеклы было убрано вдвое больше, чем намечалось по плану, большинство колхозников очищало по 12–3 ц вместо восьми центнеров [Советская Киргизия. 1941. 28 сентября]. В итоге, ценой

высокого патриотизма колхозы Кыргызстана закончили уборку зерновых на 15 дней раньше, чем в 1940 году. 11 ноября республика выполнила план хлопкозаготовок, государству было сдано почти в два с половиной раза больше хлопка, чем в 1940 году. Раньше времени завершилась и копка свеклы [ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 458. Л. 39–40].

В процессе подготовки к сельскохозяйственным работам второго военного года по всей республике развернулись социалистические соревнования. Колхозы и отдельные колхозники брали обязательства расширить посевные площади, повысить урожайность сельскохозяйственных культур, увеличить поголовье и поднять продуктивность скота, сохранить полученный приплод, улучшить упитанность животных. Между бригадами, звеньями, колхозами, районами, областями заключались договоры. Весенняя посевная кампания 1942 года прошла успешно. В ходе соревнования перевыполняли нормы сотни колхозников. В колхозах зоны Нарынской МТС 19 колхозников на уборке хлеба вручную давали ежедневно не менее трех норм. На 150–200 % выполняли дневное задание по уборке свеклы многие колхозники из артелей «Кызыл-Аскер», им. Горького, «Кашка-Суу», «Путь к социализму», им. Чапаева, «Таш-Тюбе» Аламединского района. На копке свеклы и уборке хлопка росло число двухсотников и трехсотников. Развернулось и движение тысячниц. Так, колхозница сельхозартели им. Держинского К. Казакова собрала за сезон 12500 кг хлопка при норме 4 тыс. кг [ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1837. Л. 64–65].

Соревнуясь за повышение урожайности культур, многие колхозы и колхозники добились высоких результатов. Например, члены колхоза «Совет» Токтогульского района вырастили по 10,4 ц/га по плану, а сельхозартели им. 8 марта Нарынского района по 12,5 при плане 8,5 ц/га. Эта же артель выполнила план по развитию животноводства и досрочно рассчиталась с государством по всем видам поставок. Многие бригады и звенья колхозов Джалал-Абадской области получили высокие урожаи зерновых, свеклы и хлопчатника. 76 звеньев собрали в среднем по 23,8 ц/га хлопка, 19 бригад по 18,1 ц/га. [Советская Киргизия. 1943. 19 января].

Успешно выполнялся государственный план развития животноводства. В целом по республике 26 районов выполнили план по выращиванию трех основных видов скота, Тянь-Шаньская область – всех видов [Советская Киргизия. 1943. 19 января].

Таким образом, подводя итоги Всесоюзного соцсоревнования областей, краев и республик в 1942 году, Совнарком СССР за хорошие показатели в полеводстве присудил Киргизии третью премию; были также отмечены успехи республики в развитии животноводства [2, с. 255].

Не меньшими масштабами отмечалось соревнование и в 1943 году. На первое апреля в него включалось 83 % колхозов, 78 % полеводческих бригад и 85 % звеньев республики. Во Всесоюзном соревновании по животноводству только в Ошской области участвовало 290 колхозов и 264 фермы с общим числом 1580 работников [ЦГА КР. Ф. 1642. Оп. 10. Д. 1143. Л.7 об.]. Однако лето 1943 года выдалось очень засушливым. Неблагоприятная погода в период уборки сахарной свеклы и хлопка, нарушения агротехники, недостатки в организации труда и руководстве соревнованием привели к тому, что большинство колхозов и колхозников не выполнили своих обязательств, не справились с плановыми заданиями. Неплохих результатов добились немногие колхозы, бригады и звенья.

Начало 1944 года характеризуется высокой трудовой активностью колхозного крестьянства в республике, возрождается движение свекловичниц-пятисотниц и хлопкоробов-стоцентнеровиков. Во главе последних в Джалал-Абадской области стали известные мастера хлопковых полей С. Алимов, С. Мамарасулов, Х. Джапарова, Т. Джураев, они делились своим опытом с другими колхозниками. К концу войны в республике только из молодежи было организовано 1120 высокоурожайных звеньев и 35 комсомольско-молодежных бригад, охвативших 15 тыс. человек. Отдельные колхозы и колхозники добились немалых успехов. Звено К. Бубановой из колхоза «Босбармак» Кантского района вырастило по 22 ц/га ячменя вместо 12 ц/га по плану. Почти вдвое превысило установленный план урожайности зерновых звено З. Курманалиевой из колхоза «Кыз-Арт» Джумгалского района [Советская

Киргизия. 1944. 19 декабря]. В колхозе «Прогресс» в г. Токмаке в 1944 году урожай озимой пшеницы составил 17,7 ц/га, яровой – 10,4, ячменя 13 ц/га. [Советская Киргизия. 1945. 9 января].

Высокие показатели имели отдельные хлопкоробы и свекловоды. Звеньевая колхоза им. Крупской Сокулукского района М. Гречухина при обязательстве вырастить 800 ц свеклы с гектара получила свыше 1 тыс. ц, а звеньевая колхоза «III Интернационал» Калининского района Ш. Тезекбаева вместо 1 тыс. ц по обязательству – 1309 ц с гектара [Советская Киргизия. 1944. 10 ноября].

Отлично потрудились в 1944 году и многие животноводы. Чабан колхоза им. Фрунзе Кировского района А. Джанузакова от 271 овцематки вырастила 411 ягнят [Советская Киргизия. 1945. 13 февраля]. Высокий выход молодняка получили колхозы Алайского района: в среднем от 100 маток здесь выращено и сохранено 109 ягнят, 83 жеребенка, 92 теленка. [Советская Киргизия. 1945. 6 января]. Отличились животноводы Тогуз-Тороуского района, они выполнили государственный план развития животноводства за пять месяцев. Общественное стадо в колхозах района увеличилось на 16580 голов, от каждой сотни маток получено по 49 жеребят, 86 телят, 105 ягнят и козлят. По итогам Всесоюзного соцсоревнования районов за подъем колхозного животноводства СНК СССР дважды признавал Тогу-Тороуский район победителем и вручал ему Красное знамя ГКО [Советская Киргизия. 1944. 6 августа, 15 декабря].

В конце 1944 года СНК и ЦК КП(б) республики приняли постановление, направленное на улучшение работы МТС. Увеличилось производство сельскохозяйственных машин. В 1945 году расходы на сельское хозяйство почти достигли довоенного уровня. Были приняты меры по укреплению колхозов и совхозов кадрами. Улучшилась работа МТС, среднегодовая выработка на условный трактор поднялась в 1945 году по сравнению с 1943 годом на 47,6 %. Повысился уровень механизации основных работ, больше внимания стало уделяться агротехнике, что положительно отразилось на урожайности. По зерновым она выросла в целом по республике с 3 ц/га в 1943 году до 5,1 ц/га в 1945 году, валовой сбор вырос на 45 %. На 41 % увеличился сбор сахарной свеклы [3, с. 349].

С немалыми трудностями было связано развитие животноводства. поголовье крупного рогатого скота в колхозах к началу 1945 года по сравнению с 1940 годом возросло на 28 %, овец и коз – на 39%. поголовье лошадей уменьшилось на 4 %, птицы почти в два раза, свиней в семь раз [2, с. 262].

В 1945 году многое было сделано по наведению порядка на фермах, по укреплению кормовой базы животноводства. В республике заготовили 1277 тысяч тонн грубых кормов, заложили 211 тыс. тонн силоса, отремонтировали 9804 и построили 663 новых скотопомещения. Кроме того, на зимних пастбищах построили и отремонтировали 1672 помещения упрощенного типа, создав при них страховые запасы кормов. На работу в животноводство был направлен большой отряд коммунистов, в животноводческие районы завезена крупная партия продовольственных и промышленных товаров; улучшилось культурное обслуживание животноводов [4, с. 426, 428, 430, 432, 434.].

Удовлетворение постоянно растущих потребностей фронта в продовольствии побуждало крестьянство делать все возможное, чтобы дать фронту и стране необходимое количество хлеба, мяса, молока, хлопка, сахара. В годы войны колхозы Кыргызстана увеличили сдачу государству сельскохозяйственной продукции, что видно из сведений уполномоченного Министерства заготовок СССР по Киргизской ССР (в % к 1940 г.).

Таблица 1 – Сдача государству сельскохозяйственной продукции в Киргизской ССР в период 1941–1945 гг.

№ п/п	Наименование	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
1	Хлебосдача	102	107	65	58	85
2	Овощи	158	200	173	177	180
3	Картофель	109	141	111	117	70
4	Мясо	148	210	226	316	319
5	Молоко	127	163	184	174	181
6	Яйца	100	147	170	155	184
7	Шерсть	135	185	190	189	188

Таким образом, мы видим, что, несмотря на невыполнение плана по отдельным видам заготовок, колхозы республики в основном справились с задачей дать фронту и стране продовольствие во все возрастающем количестве [2, с. 263]. Та продовольственная продукция, которую колхозное крестьянство Кыргызстана, сокращая свои нужды, фактически бесплатно отдавало стране и фронту, была основной, но не единственной формой помощи колхозного крестьянства. Так, доля поставок и продажи государству в общем объеме полученной колхозами продукции зерновых и бобовых превысила, начиная с 1943 года на 54 %, тогда как в 1940 году она достигала 38,5 %; доля же колхозных фондов потребления (выдача на трудодни и т. п.) уменьшилась с 29,1 % – в 1940 году до 17,5 % – в 1945 году. Почти на 5 % сократилась доля зерновых и бобовых, выделяемая на производственные нужды [2, с. 263].

Помимо трудового подвига во имя победы колхозное крестьянство оказало также помощь рабочему классу. В Кыргызстане инициаторами выступили колхозники Араванского района собран для рабочих Кадамджая 67 пудов зерна, 25,5 пудов риса, 51 пуд мяса, 40 пудов картофеля, 90 пудов лука и других овощей, несколько сотен яиц, десятки килограммов масла и т. д. [Советская Киргизия. 1942. 2 декабря]. На промышленные предприятия г. Фрунзе, шахты Кызыл-Кия, Сулюкта, Таш-Кумыр, на заводы и фабрики г. Оша были отправлены обозы с продовольствием. Сотни подвод с продуктами направили рабочим столицы колхозники Фрунзенской области. Колхозники республики отправили продовольствие рабочим и в союзные республики. Так, шахтерам Донбасса было отправлено 18 вагонов различных продуктов, рабочим Сталинграда – урожай зерновых и других сельскохозяйственных культур, собранный с 585 га, и 865 тысяч рублей [5, с. 215]. Значительная помощь в виде 100 вагонов с продовольствием была оказана Ленинграду [Советская Киргизия. 1945. 13 февраля]. Заботой колхозников были окружены дети, эвакуированные из Ленинграда. [6, с. 107].

За все годы войны колхозы и колхозники республики дали взаимы государству, подписавшись на государственные займы, 520 млн

рублей, приобрели билеты денежно-вещевых лотерей на 114 млн рублей, внесли на строительство вооружения для Красной Армии 214 млн рублей, собрали и отправили на фронт свыше полумиллиона теплых вещей, 38 тыс. посылок и 71 вагон продовольствия, передали колхозам освобожденных районов 20 тыс. лошадей, 10 тыс. голов крупного рогатого скота и 100 тыс. овец и коз [Советская Киргизия. 1945. 13 февраля]. В фонд обороны колхозы и совхозы сдали 4,5 млн пудов зерна и 400 тыс. пудов мяса [3, с. 352].

Несомненно, все эти достижения оказались достойным вкладом в Великую Победу всего советского народа.

Подводя итоги, мы можем заметить:

- колхозное крестьянство, стимулируемое патриотизмом, который постоянно актуализировали местные партийные и комсомольские организации, добивалось не только выполнения повышенного военного плана, но и в ряде отраслей перевыполнения. И это несмотря на тяжелые погодные условия зимы 1942–1943 годов.
- расширение посевных площадей неизбежно привело к увеличению поливных земель, а это – к строительству новых каналов и водохранилищ, что, в свою очередь, явилось определяющим фактором в выборе политики энергетической независимости, и сельскохозяйственной направленности, уже независимого Кыргызстана в 90-е годы XX века;
- с антропологической и социо-этнической стороны, интересен факт сравнительно быстрой и главное успешной адаптации, по сути, кочевого этноса к реалиям многовековых производственных традиций земледельческих народов. При этом сохраняя собственную самобытность на уровне духовной и утилитарной культуры. С нашей точки зрения, это служит прекрасной иллюстрацией о несоответствии одного из основополагающих догматов марксизма – доминировании базиса над надстройкой. На данном примере – все с точностью наоборот.

Литература

1. Киргизия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. – Фрунзе, 1965. – 583 с.

2. История советского крестьянства Киргизстана / под ред. С.И. Ильясова, В.П. Шерстобитова. – Фрунзе: Илим, 1972. – 610 с.
3. Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. – Фрунзе, 1966.
4. *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю.В. Арутюнян. – М.: Академия наук СССР, 1963. – 456 с.
5. *Керимбаев С.* Патриотизм трудящихся Киргизии в годы Великой Отечественной войны / С. Керимбаев. – Фрунзе: Киргизское Государственное издательство, 1954.

А. Юсупова

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА

Находясь на пороге глобальных перемен в политическом устройстве человечества, мы начинаем исследовать привычные вещи сквозь призму новых идеи, которые возникают ежесекундно. Особый интерес вызывает вопрос о стремительном развитии искусственного интеллекта и его влиянии на современное общество.

Как это не покажется парадоксальным, нам хотелось бы рассмотреть идею Карла Маркса и Фридриха Энгельса о возможном будущем коммунистическом обществе в контексте современных исследований, связанных с развитием искусственного интеллекта (ИИ).

Как же могут быть связаны марксистская теория и технологический прогресс?

В своей работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркс вводит понятие отчуждение труда, в котором он объясняет как капитализм превращает труд в принуждение, отделяя человека от результатов собственного труда, иными словами, его критика капитализма основывается на том, что бесконтрольная

эксплуатация человеческого труда приводит к социальному разрыву, отсутствию частной собственности у рабочего класса и ограничению реализации творческого потенциала человека [1]. В современном мире мы видим изменения в том, что существует средний класс, капитализм с «человеческим» лицом и, самое главное, новый инструмент, который мы называем искусственным интеллектом. Конечно, многое поменялось с момента возникновения марксизма, однако множество его ключевых идей можно применить и к современной реальности.

Отчуждение труда и зависимость от прибыли для обеспечения выживания – все еще актуальная проблема для большинства людей. Остается неизменной и потребность в рабочей силе. Но что, если быстроразвивающиеся технологии в лице ИИ смогут заменить большую часть человеческого труда? Уже сегодня модели искусственного интеллекта используются или тестируются в большом количестве сфер деятельности, где ранее, казалось бы, человек был незаменим. Начиная от сложнейших хирургических операций и заканчивая проникновением в сферу сознания – психического. эстетического, заменяя там художника-творца.

Столь глобальные перемены закономерно вызывают в обществе определенные опасения, однако в них есть и позитивные аспекты. Развитие технологий в принципе, следуя идеям Маркса и Энгельса, создает возможность коренного преобразования человеческого труда и создания условий для реализации творческого потенциала человеческой культуры. ИИ делает эту возможность реальной.

Современный исследователь Ник Срничек предлагает радикальный взгляд на будущее, где технологии ИИ освобождают человека от необходимости трудиться, предоставляя ему, таким образом, большее количество времени для личного развития и творчества. «Благодаря цифровым технологиям платформы возникают как инструмент, который ведёт за собой и контролирует отрасли. В точке кульминации они подчиняют себе производство, логистику и дизайн, поскольку образуют базовый ландшафт, в котором функционирует вся отрасль. Благодаря им в целом ряде новых отраслей произошёл сдвиг от продуктов к услугам, а кое-кто

даже заявил о том, что эпоха обладания собственностью осталась в прошлом» [2, с. 81]. Для этого важно создание общества, где экономические и социальные структуры направлены на общее благо, отвергая при этом идею о преумножении прибыли и производства путем эксплуатации человека. Интеллектуализация производства создает возможность формирования условий реального социального равенства.

Вместе с тем, такая ситуация обуславливает появление целого ряда проблем, требующих своего осмысления. Отметим только два из них.

Во-первых, кто будет управлять искусственным интеллектом и его ресурсами, не возникнет ли новый вид монополии и нового разделения труда? Согласно идее Маркса, в коммунистическом обществе средства производства находятся в общественной собственности. Могут ли ИИ и основанные на нем технологии принадлежать всем членам общества? Исходя из логики развития рыночной экономики – вряд ли. Очевидно, что столь радикальные изменения в содержании производственных отношений, предполагает такие же изменения в сознании общества и его политической системе.

Во-вторых, как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что господство рабочего класса и владение им средствами производства ведет к исчезновению классового общества. Коммунистическая революция изменяет сам «способ деятельности» людей, «устраняет труд и уничтожает господство каких бы то ни было классов вместе с самими классами» [3, с.70], в то время как развитие ИИ все чаще поднимает вопрос стабильности рабочих мест в современном постиндустриальном мире. Исследователь Аарон Бенанав в работе «Автоматизация и будущее работы» утверждает, что структурные изменения в экономике ведут к дестабилизации ситуации, особенно в связи с нехваткой рабочих мест. «Удастся ли нам адаптировать наши институты, чтобы осуществить мечту о человеческой свободе, наступлению которой могла бы способствовать новая эпоха интеллектуальных машин? – задается вопросом ученый. Или же эта мечта обернется кошмаром

массовой технологической безработицы? [4, с. 2]. Легко предположить, что такое развитие событий неизбежно ведет к росту недовольства и усилению социального неравенства.

Другая проблема, и, как нам кажется, основная, заключается в понимании природы самого человека. Может ли современный человек, освобожденный от необходимости трудиться с целью зарабатывания средств, жить в новом обществе, в котором, как полагал К. Маркс, «свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование» [5, с. 62–63].

Как известно, Эрих Фромм в работе «Анатомия человеческой деструктивности», утверждал, что борьба человека за выживание в капиталистическом обществе аналогично жизни животных в зоопарке. Исследователь отмечал, что деструктивное поведение животных было связано с невозможностью удовлетворить свои естественные потребности, включая нужду в покое и уединении, разнообразии в деятельности. Так и жесткие рамки капитализма вынуждают людей следовать правилам экономической реальности ради выживания, игнорируя такую же врожденную нужду в реализации творческого потенциала. В то время как изначально, согласно Э. Фромму, человек является существом, желающим жить, в комфорте и созерцании [6].

Таким образом, если согласиться с Фроммом и предположить, что производственные отношения, исключаящие эксплуатацию и социальное неравенство, как утверждали К. Маркс и Ф. Энгельс, обуславливают формирование соответствующего общественного сознания, то идея построения коммунистического общества на основе развития технологий ИИ, уже не выглядит столь утопичной. По крайней мере, какие-то его черты, связанные с развитием творческих способностей человека, его интеллектуального потенциала, утверждением норм социальной справедливости и подлинной свободы приобретают конкретную перспективу своей реализации.

Литература

1. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс Ф. Энгельс. Из ранних произведений. – М.: Политиздат, 1956. – 690 с.
2. *Срничек Н.* Капитализм платформ / Н. Срничек // Экономическая социология. – 2019. – Т. 2. – № 1. – С. 72–81.
3. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955. – Т. 3. – С. 7. – 452 с.
4. *Бенанав А.* Автоматизация и будущее работы / А. Бенанав. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. – 210 с.
5. *Маркс К.* Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955. – Т. 1. – С. 62–63.
6. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2022. – 736 с.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ
И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ФИЛОСОФИИ

Сборник научных статей

Выпуск XII

Редактор *Н.В. Шумкина*
Компьютерная верстка *А.Ш. Мельниковой*

Подписано в печать 30.07.2025.
Формат 60 × 84 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.
Объем 13,5 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 34.

Издательский дом КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 24к.